Р.М. Нуреев

Россия:
варианты институционального развития

Издательство НОРМА

Москва, 2009

Издание подготовлено в рамках инновационной образовательной программы ГОУ ВПО РЭА им. Г.В. Плеханова «Развитие новационных клиентоориентированных образовательных программ на основе когнитивных технологий и реинжиниринга вуза».

Нуреев Р.М.
«Россия: варианты институционального развития» М.: Норма, 2009. – 351 с.: ил.

Аннотация

«Россия: варианты институционального развития» является первой российской монографией, характеризующей развитие постсоветской России с использованием институционального инструментария. Основу настоящей методологической разработки составляют лекции, прочитанные автором в РЭА им. Г.В. Плеханова и ГУ-ВШЭ, Гарвардском и Гамбургском университетах, Московском и Ростовском Государственных Университетах и ряде других ВУЗов России.

В методологической разработке отражен десятилетний опыт работы виртуальной мастерской проф. Р.М. Нуреева «Поиск эффективных институтов для России XXI века». Достоинством методологической разработки является то, что проблемы России рассматриваются в контексте экономики развития. Предлагается оригинальная стратегия и тактика российской модернизации.

Для студентов, аспирантов и преподавателей экономических вузов и факультетов, всех интересующихся актуальными проблемами современной экономической науки.

© Р.М. Нуреев, 2008.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ 7
Глава 1. ЭШЕЛОНЫ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА 26
1.1 Первый эшелон, который давно ушел. 26
1.1.1 Институциональные предпосылки рыночной экономики 26
1.1.2 Так называемое первоначальное накопление капитала 31
1.1.3 Становление капитализма в Англии и Испании: сравнительный анализ 33
1.2 Второй эшелон, от которого мы отстали. 37
1.2.1 Власть-собственность и ее особенности в России. 38
1.2.2 Характерные черты российской экономической ментальности 44
1.2.3 Крепостнический капитализм как порождение зависимости от траектории предшествующего развития. 48
1.3 "На полустаночке" административно-командной системы. 54
1.3.1 Становление административно-плановой системы. 54
1.3.2 Монополизация производства. 58
1.3.3 Экономика дефицита и ее тень. 60
1.3.4 Взлет и упадок советской бюрократии. 63
1.3.5 Соседи по третьему эшелону. 72
Глава 2. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СУБЪЕКТЫ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ 74
2.1 Домохозяйства: нерыночное приспособление к рынку. 74
2.2 Фирмы: экономика физических лиц, патернализма и рэкета. Взлёт и падение бартера. . 82
2.3 Упадок государственности - становление частной собственности. 87
2.3.1 Этап 1: Номенклатурная приватизация (1988 – 1992). 91
2.3.2 Этап 2: Попытка создания системы частной собственности (1992-2000). 93
2.3.3 Этап 3. Институционализация новой власти-собственности (2001-2008). 96
Глава 3. ЧТО УДАЛОСЬ И ЧТО НЕ УДАЛОСЬ СДЕЛАТЬ НА ПУТИ К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ? ... 100
3.1 Назад к частной собственности или вперёд к частной собственности? 100
3.1.1 Остаточная государственная собственность 100
3.1.2 Назад к частной собственности? 101
3.1.3 Вперед к частной собственности? 106
3.2 Бизнес в начале XXI века или как проводить реформы 112
Глава 4. ПРОБЛЕМЫ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ ЕСТЕСТВЕННЫХ МОНОПОЛИЙ 132
4.1 Основные характеристики естественных монополий. 132
4.1.1 Понятие естественной монополии. 132

4.1.2 Регулирование естественных монополий 136
4.1.3 Особенности ценообразования в условиях естественных монополий. 138
4.1.4 Тарифы 140
4.2 Особенности развития газовой отрасли в России. 141
4.2.1 Рынок природного газа сегодня 141
4.2.2 Особенности естественных монополий в газовой отрасли. 144
4.2.3 Реформы 145
4.3 Электроэнергетика: регулирование и конкуренция 146
4.3.1 Краткая история энергетической отрасли 146
4.3.2 Экономические характеристики. 146
4.3.3 Основные модели развития конкуренции. 149
4.3.4 Проблемы реформирования крупнейшей в мире энергетической компании. 150
4.4 Проблема реформы Открытого акционерного общества «Российские железные дороги» 154
4.4.1 Большие проблемы большой компании 154
4.4.2 Планы модернизации компании. 159
Глава 5. МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ СРЕДА РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА 163
5.1 Макроэкономические тренды переходной экономики 163
5.2 Динамика основных макроэкономических показателей Российской Федерации в постсоветский период 172
5.3 Неравномерность регионального развития России 176
Глава 6. ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ 187
6.1 Изменились ли предпочтения российских избирателей (опыт 90-х годов)? 187
6.1.1 Тенденции изменения предпочтений российских избирателей: модель Хотеллинга – Даунса. 187
6.1.2 Преломление предпочтений в зеркале опросов 190
6.2 Количество заместителей председателя правительства как индикатор состояния российской экономики в 90-е годы 192
6.2.1 Оборотная сторона слабого кабинета министров 192
6.2.2 Краткая история назначений и отставок Правительства России 194
6.2.3 Связь количества заместителей Председателя Правительства и макроэкономических показателей 196
6.3 Взаимосвязь экономического и политического монополизма в российских регионах: административный ресурс и формы его проявления. 202
6.3.1 Факторы, формирующие административный ресурс 202
6.3.2 Административный ресурс как проявление несовершенства политического рынка 203

6.3.3 Административный ресурс как фактор формирования экономического монополизма 207
6.4 Есть ли четвертая власть в России? ... 211
6.4.1 Сложилась ли свобода слова в России? ... 212
6.4.2 Роль СМИ в формировании эффективного политика ... 215
Глава 7. РОССИЯ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ: СВЕТ И ТЕНИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ ... 220
7.1 Итоги анализа закрытой экономики ... 220
7.2 Открытая экономика: неоклассическая теория сравнительных преимуществ ... 223
7.3 Плюсы и минусы российской внешнеторговой специализации ... 227
Глава 8. РОССИЯ НА ПУТИ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО: МИФОЛОГЕМЫ И РЕАЛЬНОСТЬ ... 241
8.1 Теории постиндустриального общества ... 242
8.1.1 Истоки: Торстейн Веблен ... 242
8.1.2 Классики постиндустриального общества ... 243
8.1.3 Постиндустриальное общество - светлое будущее всего человечества? ... 253
8.2 Теория человеческого капитала ... 254
8.2.1 Человек в теориях управления ... 256
8.2.2 Повышение роли индивида в теориях «экономикс» ... 261
8.2.3 Человек в зеркале «новой экономической истории» ... 264
8.3 Проблемы развития человеческого капитала в России ... 265
8.3.1 Индекс развития человеческого капитала: Россия в международном контексте ... 266
8.3.2 Россия: уровень и структура человеческого капитала. ... 273
8.3.3 Причины низкой эффективности человеческого капитала в России ... 277
Глава 9. СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ... 296
9.1 Теория и практика социального рыночного хозяйства в Германии ... 296
9.1.1 Теория социального рыночного хозяйства ... 296
9.1.2 Практика социального рыночного хозяйства ... 299
9.1.3 Рекомендации для России: типичные ошибки в выборе приоритетов ... 301
9.2 Преимущества и недостатки «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации» ... 303
9.3 Стратегические и тактические приоритеты ... 312
9.3.1 Тактические приоритеты ... 312
9.3.2 Стратегические задачи ... 319
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ ... 323
БИБЛИОГРАФИЯ ... 325

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ..... 336
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ 337
CONTENTS 338
SUMMARY. 341

ВВЕДЕНИЕ[1]

Последние пятнадцать лет характеризуются становлением российской институциональной теории. Это явилось следствием того, что рекомендации, сделанные с позиции неоклассической микро- и макро - экономики оказались применимыми к нашей стране далеко не в полной мере. Более того, провал многих неоклассических рекомендаций («Вашингтонский консенсус» и т.д.) вызвал глубокий и продолжающийся до сих пор кризис макроэкономической теории на Западе. Это предопределило возрастание интереса к альтернативным теориям и, прежде всего, к институционализму. Во введении мы кратко охарактеризуем первые шаги, сделанные в этом направлении. Разумеется, наш обзор не претендует на исчерпывающую полноту: мы лишь пытаемся выявить наметившиеся тенденции развития новой российской экономической науки.

1. «Учиться, учиться и учиться»…капитализму

Розы и шипы познания. От своей "матери" – советской политэкономии – "новорожденная" постсоветская экономическая наука получила не слишком богатое наследство. Представители старшего поколения научного сообщества отвергали западную "экономикс" идеологически, не зная даже её азы. Младшее поколение отличалось от старшего только отсутствием "аллергии" на "экономикс", но не её реальным знанием. Более того, если советские экономисты успели научиться хотя бы искусству логично излагать свои мысли и видеть глубину проблем, то молодые оказались во многом лишены и этого. В 1991-1995 гг. на какое-то время сложилась парадоксальная ситуация, когда научный багаж "аксакалов" науки и "зеленой" молодежи был почти равным: переучивание старых кадров происходило абсолютно параллельно с обучением новых, в результате чего первые "постсоветские" студенты-экономисты оказались обречены на "школьный экономикс", экономическую теорию «классной доски», как её назвал когда-то Рональд Коуз. Естественно, умение учиться позволило представителям старших поколений довольно быстро создать солидный "отрыв" от своих слушателей, однако и в наши дни подавляющее большинство кандидатов и докторов экономических наук преподают "не совсем ту" (или совсем не ту) науку, по которой они некогда защищали свои дипломы.

На первых порах главной задачей "обучения капитализму" стала публикация стандартных западных учебных курсов, по которым могли бы учиться и студенты, и, самое главное, сами преподаватели. Поскольку в либеральной эйфории 1990-х годов центром всей культурной жизни планеты считались Соединенные Штаты, то именно американские учебники и приняли за идеальный желанный образец[2].

Спустя буквально два-три года, когда книжный голод был хотя бы в первом приближении удовлетворен, выяснилось, что американские "продукты" не вполне подходят для российских "желудков". Контраст между тем, о чем писалось в учебниках "экономикса", и тем, что можно было повседневно наблюдать "на улице", оказался еще более сильным, чем в советскую эпоху. Даже либерально мыслящие экономисты заговорили о формировании в преподавании экономики новой идеологизированной схоластики, отличаю-

---

[1] Первоначальный вариант введения был опубликован в «Вопросах экономики» 2001. №1. Нуреев Р.М., Латов Ю.В. «Плоды просвещения» (новая российская экономическая наука на пороге Ш тысячелетия).

[2] Учебниками «первого призыва» были «Экономический образ мышления» П. Хейне (М., 1991), учебники Э. Долана и Д. Линдсея (СПб., 1991 - 1992), Р. Пиндайка и Д. Рубинфельда (сокращенный перевод М., 1992) «Экономика» С. Фишера, Р. Дорнбуша и Р. Шмалензи (М., 1993), «Экономика» П. Самуэльсона образца 1960-х гг. (М., 1994) и, конечно же, «Экономикс» К. Макконнелла и С. Брю (М., 1992), ставший примерно лет на 5 основным учебным пособием для студентов-экономистов. На рубеже веков к ним добавились разве что более современные версии все той же «Экономики» П. Самуэльсона (М., 1997; М., 2000), "Микроэкономики" Р. Пиндайка и Д. Рубинфельда (М., 2000) и "Микроэкономики" в контексте Н.Гудвина, Т.Вайскопфа, Ф.Акермана и О.Ананьина (М., 2002)

щейся большей математизацией, но ничуть не более близкой к реальной жизни, чем старая советская политэкономия.

В поисках выхода российские экономисты стали обращать внимание не только на американские, но и на западноевропейские учебники[3], хотя и они не слишком помогали понять российские реалии. Чем дальше, тем сильнее ощущалась потребность в продвинутых переводных курсах и спецкурсах[4], а самое главное, в собственно научной, монографической литературе. Поскольку обучение иностранным языкам поставлено в России еще хуже, чем экономике, а мало-мальски приличные фонды зарубежных книг и журналов есть только в столичных библиотеках, то прямое общение рядового отечественного экономиста с иностранными изданиями остается весьма проблематичным. Главные надежды в экономическом просвещении еще не одно десятилетие следует возлагать именно на переводчиков.

Хотя список переводной экономической литературы уже не мал[5], в нем есть самоочевидные "дыры". Укажем, например, что хотя есть переводы Р. Коуза, Дж. Бьюкенена, Д. Норта, М. Олсона, Л. Туроу, но почти нет К. Поланьи, Дж. Ходжсона, Р. Познера, Г. Беккера, И. Валлерстайна[6], а изданные еще в СССР книги Дж. Гэлбрейта и К. Мюрдаля давно стали библиографическими раритетами. Даже лидер неоклассиков М. Фридмен представлен на русском в большей степени своей публицистикой и в меньшей – собственно научными трудами. Первая попытка ознакомить российского читателя с зарубежной экономической классикой – трудами лауреатов премии по экономике имени А. Нобеля - завершилась выпуском единственного тома[7]; другая аналогичная попытка также, похоже,

---

[3] Назовем, например, «Основы учения об экономике» Х. Зайделя и Р. Теммена (М., 1994), "Макроэкономическую политику" Ж. Кебаджяна (Новосибирск, 1996), «Макроэкономику» М. Бурды и Ч. Выплоша (СПб., 1998). Можно вспомнить и "Эффективную экономику" К. Эклунда (М., 1991), которая до "Экономикса" К. Макконнелла и С. Брю какое-то время даже играла роль главного путеводителя по современной экономической теории.

[4] Первым переведенным курсом промежуточного уровня стала «Современная микроэкономика: анализ и применение» Д. Хаймана (М., 1992), позже к ней добавились «Макроэкономика» Г. Мэнкью (М., 1994) и «Микроэкономика. Промежуточный уровень» Х. Вэриана (М., 1997), «Микроэкономика и поведение» Р.Х. Франка (М., 2000). Что касается спецкурсов, то в наибольшей степени «повезло» мировому хозяйству: по этой тематике издали такие труды, как «Экономика мирохозяйственных связей» П.Х. Линдерта (М., 1992), «Международный бизнес» Д. Дэниелса и Л. Радебы (М., 1994), «Макроэкономика. Глобальный подход» Дж. Сакса и Ф. Ларрена, «Экономическое развитие» М. Тодаро (М., 1997). Не хуже представлена экономика отраслевых рынков – по этой проблематике издали книги «Структура отраслевых рынков» Ф. Шерера и Д. Росса (М., 1997), «Экономика, организация и менеджмент» П. Милгрома и Д. Робертса (СПб., 1999), "Теория организации промышленности" Д. Хэя и Д. Морриса (СПб., 1999), а также "Рынки и рыночная власть" Ж. Тироля (СПб., 2000). Прочим спецкурсам повезло меньше – можно назвать разве что «Лекции по экономической теории государственного сектора» Э. Аткинсона и Дж. Стиглица (М., 1995), «Современную экономику труда» Р. Эренберга и Р. Смита (М., 1996) и «Финансовые институты, рынки и деньги» Д.С. Кидуэлла, Р.Л. Петерсона и Д.У. Блэкуэлла (СПб., 2000). Примечательно, что «Основания экономического анализа» П.А. Самуэльсона (СПб., 2002) дошли до русского читателя спустя полвека после их выхода на языке оригинала. Больше в этом отношении повезло «Общей теории выбора равновесия в играх» Д. Харшаньи и Р. Зельтена (СПб., 2001).

[5] С библиографией переводов на русский язык западных экономистов XX века можно ознакомиться по следующим изданиям: THESIS, 1994, Вып. 4, с. 226–248; THESIS, 1994, Вып. 6, с. 278–295; Истоки, Вып. 3, М., 1998, с. 483–510; Истоки, Вып. 4, М., 2000, с. 400–430.

[6] Характерно, что при издании первого сборника работ И. Валлерстайна на русском языке, «Анализ мировых систем и ситуация в современном мире» (СПб., 2001), в него включили не отрывки из его знаменитого трехтомника «Современная мир-система», а лишь отдельные статьи разных лет. «Великая трансформация» К. Поланьи (СПб., 2002) стала уникальным примером издания классики экономико-социологической мысли совершено без какого-либо комментария. Что же касается Дж. Ходжсона, то пока переведены лишь отдельные его статьи (Ходжсон Дж.М. Жизнеспособность институциональной экономики // Эволюционная экономика на пороге XXI века. М.: Издательство «Япония сегодня», 1997; Ходжсон Дж. Привычки, правила и экономическое поведение // Вопросы экономики 2000. № 1; Ходжсон Дж. Социально-экономические последствия прогресса знаний и нарастания сложности // // Вопросы экономики. 2001. № 8).

[7] Бьюкенен Дж. Сочинения. Серия «Нобелевские лауреаты по экономике». М.: Таурус Альфа, 1997.

не особо перспективна[8]. Не слишком регулярно выходят и книги серии "Вехи экономической мысли"[9]. Вряд ли надо напоминать, что тиражи всех этих изданий весьма невелики – редко кто даже из столичных экономистов имеет в своей домашней библиотеке сколько-нибудь полную подборку переведенных монографий, столь нужных ему для научной работы и организации учебного процесса.

"Не пропадет наш скорбный труд…" Все же вряд стоит изображать дорогу, по которой идет развитие экономической науки и совершенствование ее преподавания в нашей стране, как беспросветное и безысходное чередование колдобин и рытвин. Хотя ситуация далека от нормы (если считать нормой хотя бы японские образцы преподавания, где марксистские политэкономы и неоклассические "экономиксовцы" мирно делят внимание студентов), все же в России уже есть и базовые, и промежуточного уровня учебники, которые не просто пересказывают зарубежные курсы, но и творчески их развивают, адаптируя по мере возможности к российским реалиям. Важно отметить, что практически по любому направлению можно выделить учебные издания двух типов – как популярные, так и специализированные[10].

1) Микроэкономика. В этой области наибольшей популярностью пользуется изданный уже несколькими изданиями "Курс микроэкономики" Р. Нуреева[11]. На более квалифицированную аудиторию рассчитана "Микроэкономика" В. Гальперина, С. Игнатьева и В. Моргунова, "Микроэкономика" П. Гребенникова, А. Леусского и Л. Тарасевича. Среди прочих довольно популярных среди столичных экономистов изданий следует назвать "Микроэкономику" Р. Емцова и М. Лукина, "Математические методы в экономике" О. Замкова, А. Толстопятенко и Ю. Черемных, "Теорию спроса, предложения и рыночных структур" А. Чеканского и Н. Фроловой, "Макроэкономический анализ несовершенных рынков" В. Бусыгина, С. Коковина, Е. Желободько и А. Цыплакова[12].

2) Макроэкономика. Здесь ведущие позиции занимают книга "Макроэкономика" Т. Агаповой и С. Серегиной, "Макроэкономика" В. Гальперина, П. Гребенникова, А. Леусского и Л. Тарасевича. Хорошо известны «Введение в Макроэкономику» Т. Матвеевой, "Лекции по макроэкономическому моделированию" А. Смирнова, а также брошюры "Макро-

---

[8] В серии «Экономика: идеи и портреты» за пять лет вышло только четыре не слишком толстые брошюры (Фридмен М. Если бы деньги заговорили… М.: Дело, 1998, 2001; Модильяни Ф., Миллер М. Сколько стоит фирма? М.: Дело, 1999; Этот изменчивый обменный курс. М.: Дело, 2001; Евро – дитя Манделла? Теория оптимальных валютных зон. М.: Дело, 2002).

[9] За 15 лет вышло шесть томов качественно подобранных материалов. "Теория потребительского поведения и спроса" вышла первым изданием в 1993 г., "Теория фирмы" – в 1995 г., а "Рынки факторов производства" сразу вошли в состав трехтомника 2000 г.; в 2003 г. вышел 5-й том «Теория отраслевых рынков», в 2004 – 4-й том «Экономика благосостояния и общественный выбор», а в 2006 г. 6-й том «Международная экономика».

[10] «Первые ласточки» представляли собой, конечно, сводные курсы типа «микро- и макроэкономика в одном флаконе». Лучшим и наиболее популярным образцом подобных изданий следует считать курс лекций «Введение в рыночную экономику» А.Я. Лившица (М., 1991), который выдержал не одно переиздание (например: Введение в рыночную экономику: Учеб. Пособие для экон. спец. вузов / Под ред. А.Я. Лившица, И.Н. Никулиной. М.: Высш. шк., 1994). В наши дни подобные обзорные курсы используются уже не в высшей, а в средней школе.

[11] Нуреев Р. Курс микроэкономики. М., 1998-2008. На популярность этого учебника большое влияние оказала журнальная версия этого курса, с которым научная общественность смогла ознакомиться по публикациям в "Вопросах экономики" в 1993–1996 гг. Факт этой публикации красноречиво говорит о той спешке, с которой российские экономисты были вынуждены переучиваться: в какой еще стране ведущий национальный экономический журнал стал бы печатать стандартный курс микроэкономики?

[12] Гальперин В., Игнатьев С., Моргунов В. Микроэкономика: В 2-х т. СПб.: Экономическая школа, 1994, 1997; Гребенников П., Леусский А., Тарасевич Л. Микроэкономика. СПБ.: Изд-во СПбЭФ, 1996; Емцов Р., Лукин М. Микроэкономика. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997; Замков О., Толстопятенко А., Черемных Ю. Математические методы в экономике. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997; Чеканский А., Фролова Н. Теория спроса, предложения и рыночных структур. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 1999, Бусыгин В., Коковин С., Желободько Е., Цыплаков А. Макроэкономический анализ несовершенных рынков. Новосибирск, 2000.

экономика–2" Н. Шагас и Е. Тумановой. Очень удачным опытом популярного изложения макроэкономики стала книга В. Дадаяна. Предпринимаются попытки целостного систематического изложения "Макроэкономики-2", которые, впрочем, пока еще не дошли до широкого читателя и нуждаются в популяризации[13]. Наиболее оригинальна среди учебников этого типа экстравагантная по оформлению "Макроэкономика" А.С. Селищева[14].

3) Теория отраслевых рынков. Первым удачным изданием по данному направления следует считать, конечно, "Анализ структур товарных рынков" С. Авдашевой и Н. Розановой: в этой тонкой брошюре авторы смогли не только удачно изложить общую теорию, но и проиллюстрировать ее примерами из современной российской практики[15]. Позднее появился двухтомник «Анализ отраслевых рынков», подготовленный под научной редакцией А. Д. Вурос и Е. Н. Калмычковой и учебно-методическое пособие А. Д. Вурос.[16]

4) Отраслевые дисциплины. Здесь выделяются "Экономика природопользования" А. Голуба и Е. Струковой, "Аграрная экономика" Е. Серовой "Основы региональной экономики" А. Гранберга, учебники "Экономика труда" М. Колосницыной, С. Рощина и Т. Разумовой[17].

5) Государственное регулирование экономики. Наиболее добротными теоретическими учебными изданиями, рассматривающими экономическую политику государства, следует считать вышедшие почти одновременно "Государственную экономическую политику" И. Албеговой, Р. Емцова и А. Холопова, а также "Проблемы бюджетно-налогового регулирования в переходной экономике" Т. Агаповой. Более продвинутый характер носят учебники Л.И. Якобсона и "Экономика общественного сектора" под редакцией Е. Жильцова и Ж.-Д. Лафея, а также «Теория общественного выбора» Р.М. Нуреева и «Общественный выбор III» Д. Мюллера [18].

Наконец, заслуживает упоминания 10-летний опыт издания журнала-учебника "Экономическая школа".

И все же количество учебников, написанных отечественными авторами, пока заметно превосходит их качество, что является характерной "детской болезнью" освоения новой научной парадигмы, заимствованной "со стороны".

"Учитель, научи ученика…" Наибольший интерес для россиян представляют, конечно, работы, посвященные анализу не развитого рыночного хозяйства, а его генезиса, то

---

[13] Гальперин В., Гребенников П., Леусский А., Тарасевич Л. Макроэкономика. СПб.: Изд-во СПбЭФ, 1997; Матвеева Т. Введение в Макроэкономику. М. 2002-2008; Смирнов А. Лекции по макроэкономическому моделированию. М.: ГУ – ВШЭ, 2000; Агапова Т., Серегина С. Макроэкономика. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996-2008; Шагас Н., Туманова Е. Макроэкономика-2. Долгосрочный аспект. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 1997; Шагас Н., Туманова Е. Макроэкономика-2. Краткосрочный аспект. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 1998; Дадаян В. Макроэкономика для всех. Дубна, 1996; Кавицкая И., Шараев Ю. Макроэкономика-2. М.: ГУ – ВШЭ, 1999.

[14] Селищев А.С. Макроэкономика. СПб.: Питер, 2001.

[15] Авдашева С.Б., Розанова Н.М. Анализ структур товарных рынков: экономическая теория и практика России. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 1998. См. также: Авдашева С.Б., Розанова Н.М., Калмычкова Е.Н. Политика поддержки конкуренции: антимонопольное регулирование и реструктуризация в отраслях естественных монополий. М., 2004.

[16] Анализ отраслевых рынков. Под научной ред. А. Д. Вурос и Е. Н. Калмычковой. Т. 1,2. Ч.1-3. М.: ТЕИС. 2002; Вурос А. Д. Экономика отраслевых рынков. Учебно-методическое пособие. М.: ТЕИС. 2006.

[17] Голуб А., Струкова Е. Экономика природопользования. М.: Аспект Пресс, 1995; Серова Е. Аграрная экономика. М.: ГУ-ВШЭ, 1999; Гранберг А. Основы региональной экономики. М.: ГУ – ВШЭ, 2000; Колосницына М. Экономика труда. М.: Магистр, 1998; Рощин С., Разумова Т. Экономика труда. М.: ИНФРА-М, 2000.

[18] Албегова И., Емцов Р., Холопов А. Государственная экономическая политика. М.: Дело и Сервис, 1998; Агапова Т. Проблемы бюджетно-налогового регулирования в переходной экономике: макроэкономический аспект. М.: МГУ, 1998; Якобсон Л. Экономика общественного сектора. Основы теории государственных финансов. М.: Наука, 1995; Якобсон Л. Государственный сектор экономики: экономическая теория и политика М.: ГУ ВШЭ, 2000; Экономика общественного сектора. Под ред. Е. Жильцова, Ж.-Д. Лафея. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 1998; Нуреев Р.М. Теория общественного выбора. М.: ГУ ВШЭ, 2005; Мюллер Д. Общественный выбор III. М.: ГУ-ВШЭ. 2007.

есть экономики не высокоразвитых, а "переходных" стран, к числу которых относится и сама Россия. В этой области, однако, рассчитывать на помощь с Запада приходится еще в меньшей степени: общеизвестно, что именно неспособность ни объяснить эволюцию периферийных стран, ни помочь им в практическом аспекте является главным индикатором надвигающегося "заката" неоклассики. Переведенные труды о России не вызвали сколько-нибудь заметного интереса в российском научном сообществе[19].

Отчаявшись дожидаться "света истины" от своих западных коллег, российские ученые сами пытаются писать учебники о переходной экономике, которые, правда, грешат уже не "заумным моделированием", а чрезмерным эмпиризмом[20]. Весьма плодотворным представляется рассмотрение переходного процесса в неоклассических традициях. Опыт подобного анализа демонстрируют работы Е. Ясина[21]. И все же, системное понимание проблем переходной экономики возможно только в общем контексте теории экономических систем, интерес к которой довольно слаб. Заметную помощь в осмыслении проблем переходного периода оказывают экономисты Восточной Европы[22], более близкие к пониманию наших реалий, чем экономисты Запада. Завершение "ельцинской и путинской эпох" – начальной стадии перехода от командной экономики к смешанной – неминуемо стимулирует желание ученых теоретически обобщить итоги и наметить перспективы, но, похоже, подобных обобщающих трудов нам придется ждать ещё ни один год.

Перестройка преподавания экономики создает предпосылки и для изменения собственно научной деятельности отечественного экономического сообщества.

Каких же нам "открытий чудных" готовит "просвещенья дух"? Главная беда российской экономической науки – долгое отсутствие в ней установки на новаторство, на стремление к открытию. Что касается советской политэкономии, где идеи Маркса–Ленина были возведены в канон, то не просто хорошим тоном, но нормативным требованием считалось "вычитывать" новые идеи в старых работах великих основоположников, которые по определению предвидели "все и вся" и не могли ошибаться. В начале 1990-х годов поменялся канон, но не отношение к канону. И только в последние годы столетия российские экономисты начинают постепенно ощущать себя не просто популяризаторами чужих идей, но наследниками Н. Кондратьева, А. Чаянова и Л. Канторовича, способными заниматься не только репродукцией знаний, но и их продуцированием.

Если попытаться перечислить те новые теоретические концепции, которые родились в постсоветской России, то сразу замечаешь интересный парадокс: хотя отечественная наука стремится "отряхнуть" с себя "прах" марксистской политэкономии, почти все новые идеи вполне могли родиться и лет на 10 раньше. К тому же их число крайне невелико.

Если говорить об общей экономической теории, то достойны внимания всего три концепции, причем все относящиеся к теории экономических систем:

---

[19] Едва ли не единственные заметные опыты в этом направлении – "Макроэкономика. Курс лекций для российских читателей" Р. Лэйарда (М., 1994) и «Макроэкономическая теория и переходная экономика» Л. Гайгера (М., 1996), подготовленная, кстати, при активном участии российских экономистов.

[20] См.: Бузгалин А. Переходная экономика. М., 1994; Экономика переходного периода. М., 1995; Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России. 1991 – 1997. М., 1998. Более фундаментальными трудами являются: Аукционник С.П. Теория перехода к рынку. М.: SvR-Аргус, 1995; Рязанов В.Т. Экономическое развитие России: реформы и российское хозяйство в XIX – XX вв. СПб.: Наука, 1998; Красникова Е. В. Экономика переходного периода. М.: Омега-Л. 2005; Ролан Ж. Экономика переходного периода. М.: ГУ-ВШЭ. 2007

[21] Ясин Е. Поражение или отступление? (российские реформы и финансовый кризис). – Вопросы экономики, 1999, № 2; Ясин Е. Новая эпоха, старые тревоги: взгляд либерала на развитие России. М.: Фонд "Либеральная миссия", 2000 (сокращенный вариант см.: Вопросы экономики, 2001, №1).

[22] Назовем, например, такие работы польских экономистов, как «Социализм, капитализм, трансформация» Л. Бальцеровича (М., 1999) и «От шока к терапии» Г. Колодко (М., 2000).

- теория *постэкономического общества* В. Иноземцева, обращающего основное внимание на острые противоречия генезиса постиндустриального общества, в результате чего оно развивается не столько глобально, сколько анклавно[23];
- теория *типов развития* А. Фонотова, в которой проанализированы принципиальные особенности характерного для России мобилизационного развития, противопоставленного инновационному развитию стран Запада[24];
- концепции *социоестественной истории* Э.С. Кульпина и Л.В. Милова, которые, развивая некоторые идеи Л.Н. Гумилева, рассматривают влияние естественных факторов на социально-экономическое развитие[25].

Гораздо шире представлены новые идеи, связанные с осмыслением проблем собственно переходной экономики[26], а также с обобщением уроков функционирования командно-административной системы[27]. Эти научные достижения следует оценивать, однако, довольно осторожно, поскольку слишком часто речь идет о проблемах развития не столько переходной в общем смысле, сколько российской переходной экономики. Впрочем, развитие теории невозможно без эмпирических обобщений, качество которых совершенствуется год от года, что особенно заметно в изданиях Бюро экономического анализа: если в 90-е гг. БЭА готовило главным образом обзоры экономической политики[28], то в начале XXI-го в. оно начало издавать серию монографий по специализированным проблемам[29].

Характерно, что оригинальных научных работ все же заметно меньше, чем учебных. Похоже, что современные российские экономисты ощущают себя карликами, стоящими не на плечах великанов, а где-то у их подошв.

Очередные задачи постсоветской экономической науки. Чтобы российская экономическая наука смогла переместиться с периферии ближе к центру мировой научной жизни, нам необходима коренная перемена точки отсчета. Настало время не просто популяризировать любые пришедшие с Запада научные идеи, но попытаться "сыграть на опережение" – ориентироваться на "мэйнстрим" не сегодняшнего дня, а завтрашнего. Новая научная революция, которая станет свершившимся фактом в ближайшие десятилетия, ознаменуется, скорее всего, сдвигом от "индивидуалистической" неоклассики к "коллективистским" концепциям институционализма и экономической глобалистики. Именно на эти теории и нужно ориентироваться российским экономистам. Пока же в нашей стране они довольно слабо известны не только широкой общественности, но даже специалистам. В связи с этим первостепенной задачей отечественных экономистов должны стать их изучение и максимальная популяризация.

На первом этапе необходима переориентация переводческой деятельности. Вместо подготовки все новых и новых типовых учебников по микро- и макроэкономике с математическими моделями (формально верными, но слабо связанными с российскими реалиями) надо обратиться к работам по теории и практике рыночной модернизации и транс-

---

[23] Назовем хотя бы такую книгу этого исключительно плодовитого автора, в которой он систематизирует свои более ранние труды: Иноземцев В. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000.

[24] Фонотов А. Россия: от мобилизационного общества к инновационному (http: //science.ru/info/fonotov/htmr).

[25] Кульпин Э.С. Путь России. М.: Московский лицей, 1995; Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М. РОССПЭН, 1998.

[26] Первыми шагами в этом направлении были: Чеканский А. Микроэкономический механизм трансформационного цикла. М.: Экономический факультет МГУ/ТЕИС, 1998; Пути стабилизации экономики России. Под ред. Г. Клейнера. М.: Информэлектро, 1999.

[27] См.: Кордонский С. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2000.

[28] См. "Обзоры экономической политики в России" за 1997 – 2001 гг. (М., 1998, 1999, 2000, 2001, 2002).

[29] См: Политика противодействия безработице. М.: РОССПЭН, 1999; Анализ роли интегрированных структур на российских товарных рынках. М.: ТЕИС, 2000; Контракты и издержки в ресурсоснабжающих подотраслях жилищно-коммунального хозяйства. М.: ТЕИС, 2000; Средний класс в России: количественные и качественные оценки. М.: ТЕИС, 2000; Альтернативные формы экономической организации в условиях естественной монополии. М.: ТЕИС, 2000; и др.

формации, обобщающим реальный опыт стран Восточной Европы, Азии, Африки и особенно Латинской Америки со всеми его достоинствами и недостатками. Кроме того, необходимо уделить повышенное внимание экономике права, экономике развития, моральной экономике, экономической компаративистике, экономической антропологии и экономической глобалистике.

Далее, необходима реорганизация системы преподавания экономической теории – усиление в ней не формально-математических, а институционально-компаративистских начал. Конечно, при разработке курса сравнительного анализа экономических систем следует учитывать опыт преподавания и изучения этих проблем за рубежом, имеющего довольно глубокие традиции[30].

Основные особенности подхода к разработке учебных курсов по экономической теории должны быть таковы:

а) особый акцент на изучении динамики экономических институтов во всем их многообразии (отношения зависимости, правовые нормы, государственные механизмы регулирования, этические нормы и т.д.);

б) сочетание исторического и страноведческого подходов к изучению институциональной динамики;

в) соединение онтологического подхода с гносеологическим – характеристика не только особенностей экономических систем, но и многообразия концепций, анализирующих эти системы;

г) междисциплинарный подход к анализу проблем экономических систем – синтез собственно экономических, исторических, правовых, этнологических, социологических и иных обществоведческих знаний;

д) разумное использование “формального” аппарата теории микро- и макроэкономики, прежде всего экономико-математического моделирования, для решения актуальных задач, стоящих перед современной российской экономикой.

Главной задачей экономической науки должно стать формирование у студентов-экономистов целостного видения экономических процессов и экономической динамики, умения рассматривать современные проблемы как элемент длительной эволюции, выработка навыков целенаправленного конструирования и постепенного “выращивания” экономических и социальных институтов. Одновременно необходим коренной пересмотр структуры учебных программ по экономике. В настоящее время вузы России ежегодно выпускают тысячи "специалистов", которые гораздо лучше разбираются в работе Нью-Йоркской фондовой биржи, чем в том, как работает ближайший районный рынок, на который они ходят каждый день. Но это не их вина, а их беда: полученные ими знания не только неполны и неточны, главное – они имеют косвенное отношение к отечественной экономике. Поэтому необходимо развивать новые направления исследований, которые анализируют трансформацию экономических институтов в постсоветской России и в других периферийных странах[31].

При модернизации российской экономической науки очень важно "играть на опережение". Дело в том, что традиционная неоклассическая экономическая теория, как общепризнанно, находится в состоянии кризиса – хотя бы потому, что ее рекомендации оказываются малоподходящими не только для транзитивных, но и для развивающихся стран, т.е. для большинства человечества. В экономической науке грядет очередная по счету на-

---

[30] В частности, есть несколько классических курсов “Comparative Economic Systems” (Дж. Ангресано, П. Грегори и Р. Стюарта, М. Шнитцера, С. Гарднера и др.), многие из которых переиздавались по несколько раз.

[31] Одним из проявлений понимания нашими либеральными экономистами того, что традиционной неоклассики явно недостаточно для понимания проблем переходной экономики, стал рост их интереса к особенностям российской экономической ментальности. См., например: Ясин Е.Г. Модернизация экономики и система ценностей. М.: ГУ-ВШЭ, 2003.

учная революция. Пока отечественные экономисты будут осваивать неоклассический "экономикс", наука может перейти к другой парадигме, и россияне снова окажутся отставшими от современности. Поэтому надо постараться предугадать вектор ожидаемых перемен и ориентироваться на освоение, прежде всего, тех доктрин, которые сейчас еще не стали "мэйнстримом", но станут им в ближайшие годы.

Наиболее перспективным направлением в современной экономической науке мы считаем институционализм – как "старый" (классический), так и "новый" (неоинституционализм)[32]. Взаимосвязь между этими течениями, с известной долей условности, может быть представлена в виде схемы (см. рис. 0-1). Из схемы видно, что объективные экономические и политические условия связаны с национальной экономической ментальностью, а она, в свою очередь, с социально-экономическими нормами. Однако возможно в качестве начального пункта взять национальную экономическую ментальность и даже социально-экономические нормы. Стрелочки, таким образом, показывают, что возможен переход как в одну, так и в другую сторону. И всё это зависит от методологических установок исследователей, которые хотя и противоречат одна другой, но, по большому («гамбургскому счёту»), дополняют и обогащают друг друга.

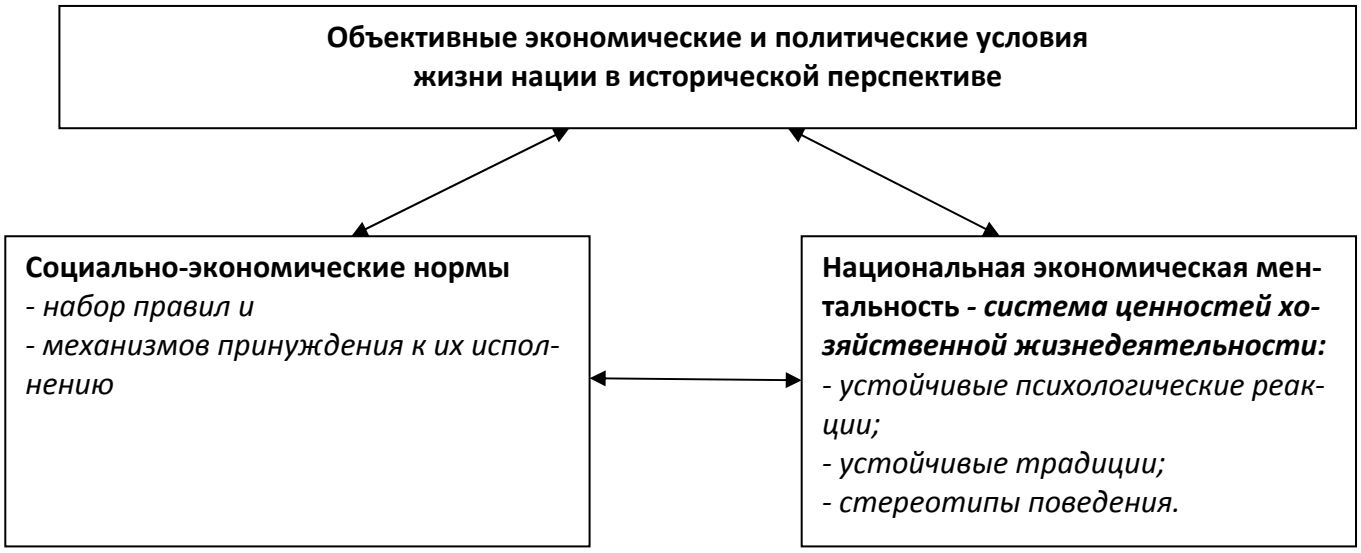


Рис. 0-1. Различные подходы к анализу экономики России

2. Сила и слабость российского институционализма: на пути к национальной школе

Корни российского неоинституционализма. Объективным фактом является то, что в последние десятилетия в России, действительно, устойчиво растет интерес к институциональной теории вообще и к ее неоинституциональному направлению в особенности. С одной стороны, это связано с сильным влиянием марксизма, который рассматривал традиционный институционализм как своего потенциального союзника. Поэтому работы Дж. Гэлбрейта, Г. Мюрдаля и Т. Веблена были переведены на русский язык еще в советский период[33]. С другой стороны, это связано с сознательными попытками преодолеть ограниченность ряда предпосылок, характерных для "экономикс" (аксиомы полной рациональности, абсолютной информированности, совершенной конкуренции, установления равновесия лишь посредством ценового механизма и др.), и рассмотреть современные

[32] Далее речь идет об институционализме только как о течении (вернее, спектре течений) в экономической науке. Что касается социологического институционализма, он находится за рамками данного обзора.

[33] Гэлбрейт Дж.К. Новое постиндустриальное общество. М.: Прогресс, 1969; Гэлбрейт Дж.К. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1976; Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». М.: Прогресс, 1972; Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.

экономические процессы комплексно и всесторонне. Многие отечественные экономисты понимают, что в России эти предпосылки еще не сложились, а потому подход, основанный на деятельности рационального, максимизирующего полезность в условиях совершенной конкуренции индивида, противоречит реальному положению вещей.

Важную роль в популяризации институционализма сыграла публикация курсов по микроэкономике, в которых были включены специальные главы по неоинституциональной экономике (П. Хейне, Э. Долана и Д. Линдсея, Д. Хаймана, отечественного учебника Р. Нуреева).

Российские ученые осваивают неоинституционализм, в основном, знакомясь с переводами отдельных концептуальных работ зарубежных экономистов. В 1990-е годы выходят русские переводы основополагающих работ Р. Коуза "Фирма, рынок и право" (Нью-Йорк, 1991; М., 1993), М. Олсона "Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп" (М., 1995) и "Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз" (Новосибирск, 1998), Э. де Сото - "Иной путь. Невидимая революция в третьем мире" (М., 1995) и "Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире" (М., 2001), О. Уильямсона - "Экономические институты капитализма. Фирма, рынки, "отношенческая "контрактация"" (СПб., 1996), К. Менара - "Экономика организаций" (М., 1996), Дж. Бьюкенена - "Расчет согласия" и "Границы свободы" (М., 1997), Д. Норта - "Институты, институциональные изменения и функционирование экономики" (М., 1997), Р. Нельсона и С. Уинтера "Эволюционная теория экономических изменений" (М., 2000), Т. Эггертссона "Экономическое поведение и институты" (М., 2001). Из переводных сборников статей следует отметить "Природу фирмы" (М., 2001) – перевод материалов научной конференции к 50-летию выхода в свет одноименной книги Р. Коуза, а из учебников – двухтомник П. Милгрома и Д. Робертса "Экономика, организация и менеджмент" (СПб., 1999).

Осознание важности создания "мягкой инфраструктуры" российского рыночного хозяйства стало импульсом для генезиса отечественного неоинституционализма. Появились многочисленные специальные работы (не только абстрактно-теоретические, но и конкретно-эмпирические), где неоинституциональные идеи используются для объяснения особенностей современного российского хозяйства. Такие ведущие российские журналы, как "Вопросы экономики", "Экономический вестник Ростовского государственного университета", "Экономика и математические методы", "Вестник Московского университета, серия "Экономика""[34], регулярно публикуют подборки статей по неоинституциональным проблемам. Однако попыток систематизированного изложения институционального подхода до 1998 г. не было, что затрудняло освоение новой парадигмы в России. Поэтому публикации в 1998 г. книги А. Шаститко "Неоинституциональная экономическая теория", в 1999 г. – "Учебно-методического пособия к курсу лекций по институциональной экономике" Я. Кузьминова[35], а также издание на страницах журнала "Вопросы экономики"

[34] Помимо перечисленных публикации неоинституциональной тематики появлялись в издававшемся в 1993–1994 гг. журнале "THESIS", который планировался как специализированное издание именно по новейшим зарубежным концепциям, но, к сожалению, прекратил существование из-за недостатка финансирования. Можно вспомнить также издающийся в ГУ-ВШЭ альманах «Истоки», который публикует материалы по институциональной экономике, однако, выходит довольно нерегулярно (вып. 1 – 1989 г., вып. 2 – 1990 г., вып. 3 – 1998 г., вып. 4 – 2000 г., вып. 5 – 2004 г., вып.6 - 2006).

[35] Шаститко А. Неоинституциональная экономическая теория. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 1998; Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория. М.: ТЕИС, 2002; Кузьминов Я. Учебно-методическое пособие к курсу лекций по институциональной экономике М.: ГУ-ВШЭ, 1999; Кузьминов Я., Юдкевич М. Институциональная экономика. Учебно-методическое пособие, Части 1-3. М.: ГУ ВШЭ. 2000; Институциональная экономика. Под ред. А.Н. Олейника. М.: Инфра-М. 2005 (2-е изд. 2007); Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория. Учебник. Под ред. А. А. Аузана. М.: Инфра-М. 2005; Кузьминов Я., Бендукидзе К.А. Юдкевич М. Курс институциональной экономики: институты, сети, трансакционные издержки, контракты . М.: ГУ ВШЭ. 2006.

(1999, № 1–12) учебника "Институциональная экономика" А. Олейника[36] оказались весьма своевременными и чрезвычайно актуальными. Попытку написать курс по институциональной экономике предпринял также А.Н. Нестеренко[37], но с его смертью российский институционализм понес тяжелую утрату. Позднее появляются учебники по институциональной экономике Г.П. Литвинцевой, В.В. Вольчика, А.С.Скоробогатова, М.И.Одинцовой и др.

Подготовка почвы. Данные пионерные работы положили начало качественно новому этапу неоинституциональных исследований в России. При всех возможных недостатках этих книг попытки систематизации основ институциональной теории открывают широкое поле для консолидации (или размежевания) российских институционалистов на концептуальной основе.

Так, работы А. Шаститко и Я. Кузьминова опираются в основном на американскую традицию неоинституционализма. Несколько особняком стоит учебник А. Олейника, который опирается в равной мере как на западноевропейскую (французскую), так и на американскую традиции институциональных исследований. В отличие от традиционного подхода, А. Олейник исходит из первостепенной важности формирования не прав собственности как таковых, а социальных норм и правил. Если представители американского неоинституционализма рассматривают нормы, прежде всего, как результат выбора, то французские институционалисты – как предпосылку рационального поведения. Поэтому рациональность раскрывается им также сквозь призму нормы поведения.

Важно подчеркнуть, что А. Олейник не ограничивается описанием легальной экономики (как А. Шаститко и Я Кузьминов), но рассматривает и теневой сектор как порождение высоких трансакционных издержек, обусловленных действием в рамках закона. Изложение основ институциональной теории у А. Олейника включает также такие актуальные для современной российской институциональной инфраструктуры вопросы как изменения институтов во времени, эволюции и революции, издержки экспорта и импорта институтов в ходе исторического развития.

Ростки новых направлений – движение вглубь и вширь. Круг отечественных работ, затрагивающих вопросы неоинституциональной теории, уже достаточно широк, хотя, как правило, эти монографии мало доступны для большинства преподавателей и студентов, так как они выходят ограниченным тиражом, редко превышающим тысячу экземпляров, что для такой большой страны как Россия, конечно, очень мало. Среди российских ученых, активно применяющих неоинституциональные концепции в анализе современной российской экономики, следует выделить С. Авдашеву, В. Автономова, О. Ананьина, А. Аузана, С. Афонцева, С. Борсукову, В. Вольчика, Р. Капелюшникова, Г. Клейнера, Я. Кузьминова, М. Курбатову, Ю. Латова, С.Левина, Г. Литвинцеву, В. Маевского, С. Малахова, В. Мау, В. Найшуля, А. Нестеренко, Р. Нуреева, А. Олейника, В. Полтеровича, В. Радаева, И. Розмаинского, Т. Сидорину, А. Скоробогатова, В. Тамбовцева, Л. Тимофеева, А. Шаститко, М. Юдкевич, А. Яковлева и др. Но весьма серьезным барьером для утверждения данной парадигмы в России, безусловно, является отсутствие организационного единства и специализированных периодических изданий, где бы систематизировано излагались основы институционального подхода.

Рассмотрим, как "прорастали" в России основные направления неоинституциональных исследований.

1) Теория прав собственности важна для нашей экономики в аспекте анализа приватизации, ее последствий и формирования рыночных институтов. Единственным обзорным исследованием достаточно высокого уровня по теории прав собственности остается книга Р. Капелюшникова "Экономическая теория прав собственности" (М., 1990)

---

[36] Издано отдельной книгой: Олейник А. Институциональная экономика. М.: ИНФРА-М/Вопросы экономики, 2000, 2002.

[37] Нестеренко А.Н. Экономика и институциональная теория. М.: УРСС, 2002.

благодаря которой большинство российских экономистов впервые узнали о данном научном направлении. Неоиституциональное исследование экстерналий и комментарии к теореме Коуза широко обсуждались отечественными экономистами в связи с анализом природоохранной тематики (А. Голуб, Е. Струкова, А. Шаститко, Н. Пахомова и др.)[38].

Хотя основное внимание обращено пока на популяризацию идей зарубежных учёных с некоторой адаптацией к российским реалиям (А. Шаститко, С. Малахов, В. Тамбовцев и др.)[39], появляются уже и оригинальные исследования по проблемам собственности в постсоветской экономике. В них отмечается, что большая часть государственной собственности перешла не к аутсайдерам, а к инсайдерам (менеджменту и персоналу), и поэтому в России не возникло эффективного частного собственника. В деятельности фирм краткосрочный аспект преобладает над долгосрочным, а мотив личного обогащения новых владельцев доминирует над целями развития производства (А. Радыгин, Р. Капелюшников и др.)[40]. Кроме того, достаточно интересен институциональный подход к анализу такого феномена переходной экономики как бартер (В. Макаров, Г. Клейнер, А. Яковлев, и др.)[41].

Негативные количественные изменения, накапливаясь, переходят в новое качественное состояние: возникают так называемые "институциональные ловушки", приводящие к тому, что дальнейшее развитие начинает идти не в сторону рынка, а в направлении псевдорыночных форм и воспроизводства неотрадиционных отношений (В. Полтерович)[42].

2) Анализируя ***социальную адаптацию населения к рынку*****,** исследователи выделяют две группы проблем[43]. Первая связана с расширением формальных свобод и прав, проблемой их институционализации, а также сужением социальных и экономических возможностей. 90-е годы показали, что для россиян поле индивидуальной свободы лежит прежде всего в социально-экономической, а не в политической и правовой сферах. В условиях трансформационного спада сужение экономических свобод оказало большее воздействие, чем расширение социальных и политических свобод. К тому же многие понимали свободу односторонне – как приобретение новых прав и благ без потери старых возможностей и гарантий. Поборники свободы недооценили её предпосылки – самостоятельность и ответственность индивидов, которые резко возросли в условиях ограниченности ресурсов, усиленных гиперинфляцией и падением производства.

---

[38] См., например: Голуб А., Струкова Е. Экономика природопользования. М.: Аспект-Пресс, 1995; Шаститко А., Внешние эффекты и трансакционные издержки. М., 1997; Голуб А.А., Струкова Е.Б. Экономика природных ресурсов. М.: Аспект Пресс, 1998; Рыночные методы управления окружающей средой. Учебное пособие. М.: ГУ-ВШЭ, 2002; Пахомова Н., Эндрес А., Рихтер К. Экологический менеджмент. СПб., 2003

[39] См., например: Шаститко А. Экономическая теория институтов. М., 1997. На страницах журнала "Вопросы экономики" ведется дискуссия по теоретическим и практическим аспектам формирования в России рыночных институтов (См.: Евстигнеева Л., Евстигнеев Р. Проблема синтеза общеэкономической и институционально-эволюционной теорий. – Вопросы экономики, 1998, № 8; Малахов С. В защиту либерализма. – Вопросы экономики, 1998, № 8; Самсон И. Придет ли Россия к рыночной экономике? – Вопросы экономики, 1998, № 8; Нестеренко А. Переходный период закончился. Что дальше? – Вопросы экономики, 2000, № 6; Капелюшников Р. Где начало того конца?.. (к вопросу об окончании переходного периода в России). – Вопросы экономики, 2001, № 1).

[40] См.: статьи А. Радыгина, Ю. Перевалова, И. Гимади, В. Добродея и Х. Альбаха, опубликованные в журнале "Вопросы экономики" (1999, № 6); Капелюшников Р. Крупнейшие и доминирующие собственники в российской промышленности. – Вопросы экономики, 2000, № 1; Трансформация экономических институтов в постсоветской России (микроэкономические аспекты). Под ред. Р. Нуреева. М., 2000. Введение, гл. 1 – 7.

[41] Макаров В., Клейнер Г. Бартер в России: институциональный этап. – Вопросы экономики, 1999, № 4; Яковлев А. О причинах бартера, неплатежей и уклонения от уплаты налогов в российской экономике. – Вопросы экономики. 1999. № 4 и др.

[42] Полтерович В. Институциональные ловушки и экономические реформы. – Экономика и математические методы, 1999, т. 35, вып.2 (http://www.cemi.rssi.ru/publicat/e-pubs/ep99001.zip).

[43] Подробнее см.: Трансформация экономических институтов в постсоветской России (микроэкономические аспекты). Введение, гл. 8–14; Шабанова М. Социология свободы: трасформирующеееся общество. М.: МОНФ. 2000.

В этих условиях большая нагрузка легла на государство. Однако государство оказалось не только не в состоянии защищать провозглашенные им самим права, но и, наоборот, встало на путь их систематического нарушения. Отсутствие надежных институциональных гарантий гражданского общества привело к росту произвола властей всех уровней. Отклонение от правовых норм стало своеобразной нормой поведения. Возрос разрыв между декларируемой, желаемой и реализуемой свободой. Всё это создало предпосылки для криминализации общества, для становления и развития неправовой свободы. Сегодня российское общество оказалось дальше от западной институциональной правовой свободы, чем было накануне реформ.

Вторая группа проблем связана с анализом особенностей адаптации населения к рынку в условиях маргинализации общества. Одна из важнейших особенностей российской трансформации заключается в том, что этот переход происходит в условиях глубокого спада, который способствует усилению социально-экономической зависимости населения от "государства всеобщего перераспределения". Типичными становятся понятия "опекун" и "опекаемый". В массовом сознании сохраняется стремление переложить ответственность на чужие плечи. Ради опеки люди готовы отказаться от "голодной" свободы, обменяв её на состояние "сытого" подчинения. Всё это приводит к поляризации общества, росту социальной напряженности и маргинализации экономически активного населения.

3) Теория трансакционных издержек широко обсуждается российскими экономистами. В. Кокоревым выдвинута гипотеза о росте трансакционных издержек в переходный период от плана к рынку[44]. Трансакционные издержки рассматриваются как один из барьеров для входа на рынки в российской экономике и как один из факторов развития теневой экономики (В. Тамбовцев, В. Радаев, С. Малахов и др.)[45]. К сожалению, большим недостатком является слишком широкая трактовка этого понятия российскими экономистами.

Экономико-правовому обоснованию института товарных знаков была посвящена большая подборка материалов в журнале "Вопросы экономики" (1999, № 3). В этом обсуждении приняли участие А. Шаститко, В. Тамбовцев, О. Пороховская, И. Шульга, К. Менар и И. Вальцескини. Важным событием в освоении неоинституциональной парадигмы стала прошедшая в 2002 г. на страницах все тех же "Вопросов экономики" полемика о теореме Коуза[46].

4) Экономика организации. Обзор зарубежных неоинституциональных подходов к теории фирмы дан в работе А. Шаститко "Новая теория фирмы" (М., 1996), где предложено неоинституциональное объяснение феномена фирмы и характеризуются основные формы деловых предприятий, а также показана эволюционная (адаптивная) эффективность хозяйственных организаций.

Как отрадный факт, следует заметить, что появляются первые монографии, пытающиеся анализировать с неоинституциональных позиций отраслевые проблемы. Назовем, прежде всего, монографию В. Крюкова "Институциональная структура нефтегазового сектора: проблемы и направления трансформации" (Новосибирск, 1998) и коллектив-

---

[44] Кокорев В. Институциональные преобразования в современной России: анализ динамики трансакционных издержек. – Вопросы экономики. 1996. № 12. С. 61 – 72.

[45] Фактор трансакционных издержек в теории и практике российских реформ: по материалам одноименного "круглого стола". Под ред. В. Тамбовцева. М.: Экономический факультет МГУ/ТЕИС, 1998; Радаев В. Формирование новых российских рынков: трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр Политических Технологий, 1998; Авдашева С., Колбасова А., Кузьминов Я., Малахова С., Рогачев И., Яковлев А. Исследование трансакционных издержек и барьеров входа на рынки в российской экономике. Оценка возможностей интернализации трансакционных издержек и их вывода из сферы теневой экономики, М., 1998; Малахов С. Трансакционные издержки и макроэкономическое равновесие. – Вопросы экономики, 1998, № 11 и др.

[46] Красильников О. Еще раз к критике теоремы Коуза // Вопросы экономики. 2002. № 3. С. 138 – 141; Шаститко А. Теорема Коуза: проблемы и недоразумения // Вопросы экономики. 2002. № 10. С. 96 – 99; Малышев Б. Критика критики теоремы Коуза // Вопросы экономики. 2002. № 10. С. 100 – 102.

ный сборник под редакцией А. Шаститко, посвященный анализу локальных естественных монополий (коммунальных служб и т.д.)[47].

Прекрасным образцом учебного пособия по неоинституционализму следует считать подготовленную группой сотрудников ГУ-ВШЭ книгу "Основы теории контрактов"[48].

На факультете менеджмента СПбГУ возникла группа по изучению неоинституциональной экономики во главе с А. Деминым и В. Катькало, которая в сотрудничестве со Школой бизнеса им У. Хааса Калифорнийского университета (г. Беркли) опубликовала серию работ по экономике фирмы[49].

5) Такое направление неоинституциональных исследований как ***теория общественного выбора*** известно в России, пожалуй, гораздо лучше других. Причина столь пристального внимания именно к этой теории очевидна: чрезмерная зависимость российской экономики (и в советский, и в постсоветский периоды) от политической конъюнктуры заставляет экономистов России особо пристально изучать взаимосвязь политики и экономики. Интерес к теории общественного выбора был "подогрет" публикацией концептуальных трудов Дж. Бьюкенена и М. Олсона, некоторыми разделами переводного учебника "Политическая наука: новые направления"[50], а также изложения этой теории в популярных учебниках Л. Якобсона "Экономика общественного сектора" (М., 1995) и Р. Нуреева "Микроэкономика" (М., 1996). Оригинальные исследования на материалах России ведут в этом направлении В. Мау, В. Найшуль и С. Афонцев. В. Мау анализирует трансформацию российской экономической и политической системы сквозь призму теории революции[51]. В. Найшуль, полемизируя с трактовкой СССР как чисто командной экономики, интерпретирует экономико-политическую систему "позднего" Советского Союза как пространство "бюрократических торгов", где готовность выполнять плановое задание обменивалось на определенные льготы директорату предприятия.

В России в различных базах данных накапливаются эмпирические данные по выборам в центральные и местные органы власти, по ведению политических компаний, по деятельности различных партий. Последние выборы в Государственную думу и выборы президента сделали эту проблему остро актуальной. К сожалению, лишь в очень ограниченном числе исследований показана применимость стандартных и апробированных на электоральной статистике развитых стран методов оценки влияния экономических параметров на политический выбор и в условиях России[52]. В политологической монографии Г. Голосова[53] содержатся некоторые подходы, которые можно использовать для ранжирования величины издержек политически активного избирателя на участие в той или иной коалиции.

Всё более актуальной для России становится экономическая теория конституции[54], интерес к которой оживился после перевода на русский язык работ Дж. Бьюкенена, В. Ванберга, Я.-Э. Лейна, П. Козловски.

---

[47] Контракты и издержки в ресурсосберегающих подотраслях жилищно-коммунального хозяйства. Под ред. А. Шаститко. М.: БЭА. 2000

[48] Юдкевич М.М., Подколзина Е.А., Рябинина А. Ю. Основы теории контрактов: модели и задачи. Учебное пособие. М.: ГУ-ВШЭ, 2002.

[49] Первой книгой этой серии была: "Уроки организации бизнеса" (СПб., 1994). Далее последовал перевод книги О. Уильямсона "Экономические институты капитализма" (СПб., 1996) и другие работы.

[50] Политическая наука: новые направления. М.: Вече, 1999.

[51] Мау В. Российские экономические реформы глазами западных критиков. – Вопросы экономики, 1999, №11–12; Мау В. Экономика и революция: уроки истории. – Вопросы экономики, 2001, № 1.

[52] Гамбарян М., Мау В. Экономика и выборы: опыт количественного анализа. – Вопросы экономики, 1997, № 4; Мау В., Кочеткова О., Жаворонков С. Экономические факторы электорального поведения (Опыт России 1995-1996 годов) http://www.iet.ru/archiv/zip/23-new/zip; Хлопин А. Становление гражданского общества в России: институциональная перспектива. В кн.: Pro et Contra. Гражданское общество М., 1997.

[53] Голосов Г. Партийные системы России и стран Восточной Европы. – М.: Весь Мир. 1999.

[54] См., например: Мау В. Экономическая реформа: сквозь призму конституции и политики. М., 1999.

Под пристальным влиянием научного сообщества находится деятельность государственного аппарата[55]. В числе наиболее активно обсуждавшихся проблем был и остается поиск политической ренты и его особенности в переходной экономике[56]. Весьма неплохим подспорьем здесь стал вышедший в 1995 г. реферативный сборник "Политическая рента в рыночной и переходной экономике", в который были включены рефераты статей Г. Таллока, Дж. Бьюкенена, Э. Кругер, Б. Бейзингера, Р. Эклунда, Р. Толлисона, С. Медема, Т. Андерсона, П. Хилл, А. Эйдса, Т. Вердье, М. Деватрипойнта, Ж. Ролана. Плодотворно в этой области работают М. Левин, М. Цирик, В. Полтерович, В. Радаев, Я. Кузьминов, А Заостровцев и др.

В середине 1990-х годов на страницах ряда журналов прошла дискуссия по вопросам теории рационального выбора, в которой активно участвовали экономисты, социологи и политологи (Д. Грин, И. Шапиро, М. Фармер, Р. Швери, А. Шаститко и др.). Обсуждение вопросов выбора правил голосования стало возможным в результате перевода работ Ф. Алескерова и П. Ортешука, Р. Тагепера и М. Шугарта, Р. Даля и др. Интерес к проблемам федерального устройства потребовал перевода работ Г. Таллока и В. Острома. Вопросы общественной политики стали активно обсуждаться после перевода на русский язык работ Л. Мизеса, Ф. Хайека, Дж. Ролза, Б. де Жувенеля, Э. де Сото, Э. Чейре.

В тоже время большинство переведенных работ носит методологический характер и создает, в лучшем случае, лишь предпосылки для анализа российской действительности. Возникает разрыв между эмпирическими исследованиями российских экономистов, социологов и политологов, с одной стороны, и фундаментальными достижениями теории общественного выбора, с другой. Сократить его удалось, написав отечественный учебник по теории общественного выбора[57].

6) Из ***экономико-правовых*** неоинституциональных концепций наибольшую известность среди российских экономистов приобрели *теория общественного выбора* и *теория прав собственности*, изучающие влияние правовых норм на развитие легального, официального бизнеса. ГУ–ВШЭ стал проводить международные научные конференции по проблемам теории права и экономики (law and economics): первая состоялась в ноябре 1998 г., ее темой была роль правовых институтов в развитии хозяйства[58], темой второй (декабрь 1999 г.) – институциональные границы вмешательства государства в экономику. Важной вехой в развитии российской традиции экономической теории права исследований стала коллективная монография "Экономический анализ нормативных актов", соединяющий общетеоретический подход с анализом конкретных проблем отечественной переходной экономики[59].

7) В отличие от экономической теории права ***экономическая теория преступлений и наказаний*** (economics of crime and punishment) исследует экономическое "подполье" – мир за рамками "общественного договора", мир, где действуют преступники и борющиеся с ними стражи порядка. Поскольку отечественные экономисты начали знакомство с экономической теорией преступлений и наказаний совсем недавно, примерно с 1997 г., то оригинальных исследований пока еще немного. В настоящее время российские экономисты только изучают достижения западных коллег, и первостепенной задачей бли-

---

[55] См.: Российская повседневность и политическая культура: возможности, проблемы и пределы трансформации. Под ред. С. Патрушева. М.: ИСП РАН, 1996; Олейник А. Средства массовой информации и демократия (экономические предпосылки независимости электронных СМИ). – Полития. Вестник фонда "Российский общественно-политический центр", 1997, № 2;

[56] См., например: Заостровцев А. Рентоориентированное поведение: потери для общества. – Вопросы экономики, 2000, № 5.

[57] Нуреев Р.М. Теория общественного выбора. М.: ГУ ВШЭ. 2005

[58] См.: Право и экономика: традиционный взгляд и перспективы развития. М.: ГУ – ВШЭ, 1999.

[59] Экономический анализ нормативных актов. Под ред. В.Л. Тамбовцева. М.: ТЕИС, 2001. См. также: Тамбовцев В.Л. Право и экономическая теория. М., 2005

жайших лет следует считать именно популяризацию этих идей и консолидацию экономистов-криминологов.

Некоторые общие идеи экономической теории преступлений и наказаний нашли отражение уже в публикациях 1997–1998 гг.[60] В 1999 г. в "Вопросах экономики" была опубликована специальная статья к 30-летию зарождения этой теории[61]. Весной 2000 г. в альманахе "Истоки" опубликован полный перевод знаменитой статьи Г. Беккера "Преступление и наказание: экономический подход" (1968 г.), которая собственно и положила начало экономической теории преступлений и наказаний. Наконец, в 2001 г. появилась книга Ю.В. Латова, которую можно считать первым опытом комплексного изложения современных подходов к теоретическому анализу проблем теневых экономических отношений[62].

Успешно развиваются исследования по некоторым частным направлениям экономической теории преступлений и наказаний.

Получили широкую известность работы В.В. Волкова, посвященные анализу рэкет-бизнеса (силового предпринимательства)[63]. Параллельно с ним криминальные аспекты в развитии российского бизнеса изучает А.Н. Олейник[64]. Исследования этих двух экономистов замечательным образом взаимодополняют друг друга: если В.В. Волков объясняет развитие рэкета отсутствием спецификации и защиты прав собственности, то А.Н. Олейник объясняет повышенную потребность в услугах внешних правозащитников отсутствием доверия в отношениях между предпринимателями.

Л.М. Тимофеевым специализируется по экономическому анализу наркотиков – им опубликовано первое в России комплексное исследование по этой проблематике[65]. Этого экономиста можно по праву считать патриархом отечественного "теневедения" - он начинал изучение теневых экономических отношений еще в советские времена, когда анализ этих вопросов рассматривался как диссидентский вызов властям. Именно по инициативе Л.М. Тимофеева для консолидации экономистов-криминологов сотрудниками Центра по изучению нелегальной экономической деятельности (ЦИНЭД) организовано издание в Российском государственном гуманитарном университете журнала "Экономическая теория преступлений и наказаний"[66].

В 1998 г. работниками Института научной информации и общественных наук (ИНИОН) подготовлен проблемно-тематический сборник с обзором *проблем коррупции*[67]. В журнале "Экономика и математические методы" в этом же году опубликована серия

---

[60] Латов Ю. Экономический анализ организованной преступности. М., 1997; Шаститко А. Неоинституциональная экономическая теория. М.: Экономический факультет/ТЕИС, 1998. Гл. 13.

[61] Латов Ю. Экономическая теория преступлений и наказаний («Экономические империалисты» в гостях у криминологов). – Вопросы экономики, 1999, № 10, с. 60–75.

[62] Латов Ю.В. Экономика вне закона. Очерки по теории и истории теневой экономики. М.: МОНФ, 2001.

[63] Волков В. Политэкономия насилия, экономический рост и консолидация государства // Вопросы экономики. 1999. № 10. С. 44–59; Волков В. Силовое предпринимательство. СПб.; М..: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2002.

[64] Олейник А.Н. “Жизнь по понятиям”: институциональный анализ повседневной жизни “российского простого человека” // Политические исследования. 2001. № 2. С. 40 – 51; Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: ИНФРА-М, 2001; Олейник А. Дефицит права (к критике политической экономии частной защиты) // Вопросы экономики. 2002. № 4. С. 23 – 45.

[65] Тимофеев Л. Наркобизнес. Начальная теория экономической отрасли. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1998; Кесельман Л.Е., Мацкевич М.Г. Социальное пространство наркотизма. Тимофеев Л.М. Наркобизнес. Начальная теория экономической отрасли. СПб.: Издательство «Медицинская пресса», 2001. См. также: Тимофеев Л. Наркобизнес как экономическая отрасль (теоретический анализ). – Вопросы экономики. – 1999. – № 1; Тимофеев Л. Особенности экономического поведения наркозависимого потребителя (позитивный подход). – Вопросы экономики, 2000, № 4.

[66] За 1999-2002 гг. подготовлено к печати 7 выпусков этого журнала, тексты которых открыты в Сети для свободного доступа.

[67] Жилина И., Иванова Н. Экономика коррупции. В кн.: Социально-экономические аспекты коррупции. М.: ИНИОН, 1998, с. 30–62.

статей М. Левина, М. Цирик и В. Полтеровича, посвященных обзору различных подходов к объяснению причин коррупции и путей борьбы с нею[68]. Их авторы осуществили классификацию существующих экономико-математических моделей коррупции, факторов, которые ведут к ее развитию. В 1999 г. в журнале "Рынок ценных бумаг" опубликована оригинальная статья Р. Вишневского, в которой тотальное коррумпирование российской экономики рассматривается как неизбежное следствие развития "экономики посредников"[69].

8) Неоинституциональный подход к изучению исторических закономерностей – ***новая экономическая история*** – включает два направления. Клиометрики во главе с Р. Фогелем анализ традиционных источников базируют на использовании математического инструментария, а последователи Д. Норта применяют принципиально новый для историков понятийный аппарат (права собственности, трансакционные издержки и т.д.).

Среди российских исследователей наиболее популярно клиометрическое направление, возглавлявшееся академиком И. Ковальченко[70]. Программной работой, пропагандирующей возможности математического анализа первичных исторических данных с целью выявления скрытой информации, стала его книга "Методы исторического анализа" (М., 1987). Одно из основных направлений историко-математических исследований И. Ковальченко – изучение закономерностей аграрного сектора экономики России конца XIX – начала XX вв. Путем изучения долгосрочной динамики цен он доказал, что в дореволюционной России уже сформировался относительно единый рынок основных сельскохозяйственных продуктов, но рынки капитальных ресурсов (рабочей силы и, особенно, земли) развивались гораздо медленнее. По инициативе И. Ковальченко с конца 70-х годов регулярно проходят российско-американские симпозиумы историков клиометрической специализации[71].

В рамках "школы Ковальченко" стали развиваться даже такие "экзотические" виды экономико-математического моделирования исторических процессов, как ретропрогнозирование. Так, в работе Л. Бородкина и М. Свищева путем "пролонгирования" тенденций 1920-х годов на период до 1940 г. доказывается, что продолжение политики нэпа не привело бы к усилению классовой дифференциации, но и не обеспечило бы резкого повышения сельскохозяйственного производства[72].

Что касается "нортовского" направления, то оно еще не завоевало в России особой популярности: отсутствие традиций правового общества препятствует осознанию важности правовых институтов для исторического развития. Первой "ласточкой" можно считать статью Ю. Латова и С. Ковалева[73], в которой показывается, что помещичье землевладение в условиях характерного для России конца XIX – начала XX вв. "двоеправия" стало генератором специфических негативных внешних эффектов, тормозящих развитие крестьянских хозяйств. Убежденные, что "по справедливости" (то есть по нормам традиционного

---

[68] Полтерович В. Факторы коррупции. – Экономика и математические методы, 1998, № 3; Левин М., Цирик М. Коррупция как объект математического моделирования. – Экономика и математические методы, 1998, № 3; Левин М., Цирик М. Математическое моделирование коррупции. – Экономика и математические методы, 1998, № 4; Левин М. Коррупция и технологические инновации. Препринт. М.: Российская Экономическая Школа. 1999. Приложение некоторых идей экономики коррупции к современной российской ситуации см.: Кузьминов Я. Тезисы о коррупции. М.: ГУ-ВШЭ. 1999 и др.

[69] Вишневский Р. Математическая модель экономики посредников. – Рынок ценных бумаг, 1999, № 3.

[70] Милов Л. Академик РАН И.Д. Ковальченко (1923-1995): труды и концепции. – Отечественная история, 1996, № 6, с. 85-109.

[71] Американских и английских специалистов в них представляли такие историки-экономисты, как У. Паркер, Г. Райт, Д. Линдстрем, Д. Филд, К.С. Леонард и др.

[72] Бородкин Л., Свищев М. Ретропрогнозирование социальной динамики доколхозного крестьянства: использование имитационно-альтернативных моделей. В кн.: Россия и США на рубеже XIX – XX вв. Математические методы в исторических исследованиях. М.: Наука, 1992, с. 348 – 365.

[73] Латов Ю., Ковалев С. Аграрный вопрос в России конца XIX – начала XX вв.: попытка неоинституционального анализа. – Вопросы экономики, 2000, № 4.

права) собственниками земли могут быть только те, кто на ней трудится, крестьяне вместо совершенствования агротехники предпочитали "инвестировать" свои силы и энергию в борьбу за "черный передел" помещичьих земель, принадлежащих дворянам по нормам официального права.

В заключение обзора первых шагов российского институционализма следует отметить появление первых работ по *истории институционализма* (О. Ананьин, Р. Капелюшников, Г. Литвинцева, Р. Нуреев, А. Фофонов и др.)[74].

3. «Конец и снова начало»

Необходимость координации и кооперации в российской неоинституциональной науке. В настоящее время в России функционируют, относительно независимо друг от друга, четыре центра по изучению неоинституциональной экономики: ГУ-ВШЭ, экономический факультет МГУ, факультет менеджмента СПбГУ, Новосибирский институт экономики и организации промышленного производства СО РАН. Кроме того над этой проблемой работает ряд ученых в других научно-исследовательских институтах и вузах. До сих пор не преодолен разрыв между ними, отсутствует координация и кооперация. Регулярные общероссийские конференции не проводятся, переводы зарубежных авторов не координируются, нередко носят нерегулярный и случайный характер.

Фактически сложились два течения, одно из которых представлено сторонниками традиционного институционализма, а другое сторонниками неоинституционализма. Научной кооперации ученых препятствует отсутствие периодических изданий по неоинституциональной экономике. Нет национальной организации сторонников этого направления. Способствовать национальной консолидации мог бы журнал, который должен выполнить функцию "коллективного организатора и пропагандиста" неоинституциональных теорий. Издание журнала, организация летних школ по распространению институциональных знаний могли бы стать важной вехой на пути к национальной, российской школе нового институционализма для новой России.

Кроме того, необходимо обновлять не только теоретический арсенал, но и сами методы научной работы отечественных экономистов.

Первый шаг в этом направлении был сделан Московским общественным научным фондом в форме организации Виртуальной мастерской «Поиск эффективных институтов для России XXI века» под руководством проф. Р.М. Нуреева. Результатом ее деятельности стал сборник Трансформации экономических институтов постсоветской России (микроэкономический анализ). М. МОНФ 2000 и трехтомная монография «Экономические субъекты постсоветской России» (первое издание вышло в 2001 г., второе – 2003). С 2006 года стал издаваться ежегодник «Постсоветский институционализм», объединивший усилия институционалистов постсоветского пространства. Первый выпуск вышел в 2005 г. в Донецке, второй – в 2006 г. в Ростове-на-Дону, третий – в 2008 в Кемерово. Регулярно результаты исследования виртуальной мастерской публикуются не только в центральных журналах («Вопросы экономики», «Общественные науки и современность» «Мир России» и др., но и в выходящих с 2002 года «Экономическом вестнике Ростовского Государственного Университета» (гл. ред. О.Ю. Мамедов), «Историко-экономических исследовани-

[74] Ананьин О. Исследовательская программа Торстейна Веблена: 100 лет спустя. – Вопросы экономики, 1999, № 11; История экономических учений (современный этап). М., 1998. Гл. 11. Новая институциональная теория; Фофонов А. Генезис новой институциональной экономической теории. Автореф. кан. дис. СПб., 1998; Литвинцева Г. Введение в институциональную экономическую теорию (учебное пособие). Новосибирск, 1999; Гугняк В.Я. Институциональная парадигма в политической экономии. На примере Франции. М., 1999; Шаститко А. Фридрих Хайек и неоинституционализм // Вопросы экономики. 1999. № 6. С. 43 – 53; История экономических учений. Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. М., 2000; Нуреев Р.М. Теории развития: институциональные концепции становления рыночной экономики // Вопросы экономики. 2000. № 6. С. 126 – 145.

ях», издаваемых Байкальским государственным университетом экономики и права (отв. ред. Д.Я. Майдачевский).

С 2003 года ежегодно проводятся международные конференции постсоветских институционалистов в Донецком национальном техническом университете (рук. В.В. Дементьев). Настоящая монография отражает некоторые результаты институциональных исследований экономики России, сделанных российскими и зарубежными учеными.

Основу настоящей монографии составляют лекции, прочитанные автором в Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова (в Москве и её филиалах в Улан-Баторе, Ташкенте и Екатеринбурге), Государственном университете – Высшей школе экономики, а также в ряде зарубежных (Гарвардском, Хьюстонском, Свободном университете в Берлине и др.) и отечественных (Московском, Санкт-Петербургском, Новосибирском, Кемеровском, Казанском техническим, Южном федеральном и др.) университетов.

Отдельные положения монографии получили апробацию на ряде международных конференций. В частности, в монографии получили дальнейшее развитие доклады, с которыми автор в последние три года неоднократно выступал на международных конференциях в Москве (апрель 2006, январь и апрель 2007, апрель и декабрь 2008), Подмосковье (февраль и ноябрь 2006, ноябрь 2007), Донецке (март 2006, апрель 2007, октябрь 2008), Выборге (июль 2006), на Селигере (июль 2006), Стамбуле (ноябрь 2006), Гамбурге (март 2007), Санкт-Петербурге (ноябрь 2006 и октябрь 2007), в Будапеште (июль 2007), Сочи (январь 2008), Сан-Антонио (март 2008), Черкассах (май 2008), Ростове - на - Дону (май 2008), Екатеринбурге (июнь 2008) и др.

Первоначальные варианты некоторых глав были опубликованы в журналах «Вопросы экономики», «Мир России», «Общественные науки и современность», «Экономический вестник Ростовского государственного университета» и др.

В первой главе сделана попытка конкретизации концепции А. Гершенкрона об эшелонах развития капитализма, показывает особенности становления рыночной экономики в России.

Глава вторая посвящена институциональному анализу экономических субъектов постсоветской России. Анализируется рыночные и нерыночные формы приспособления домашних хозяйств к рынку, экономика физических лиц, патернализма и рэкета, взлёт и падение бартерной экономики, а также упадок государственности и становление частной собственности.

В третьей главе исследуются процессы приватизации и показывается какие меры способствуют, а какие препятствуют этому процессу. Здесь рассматриваются российские реформы в широком международном контексте и наглядно показывается, что удалось и что не удалось сделать на пути к рыночной экономике.

Четвертая глава посвящена проблемам реструктуризации естественных монополий. Рассмотрены традиционные и современные модели регулирования естественных монополий и механизм ценообразования в условиях этой рыночной структуры. Подробно анализируются особенности развития газовой отрасли в России и реформы в РАО ЕЭС и ОАО «Российские Железные Дороги».

В пятой главе рассматривается основные макроэкономические тренды, типичные для постсоциалистических стран, анализируется макроэкономическая среда российского бизнеса, динамика основных макроэкономических показателей как в России, так и в Восточной и Центральной Европе, странах Балтии, Монголии и СНГ. В специальном разделе анализируется неравномерность регионального развития федеральных округов и отдельных субъектов Российской Федерации.

Глава шестая посвящена тенденциям социально – политического развития. Здесь рассматривается, как изменились предпочтения российских избирателей в 90-е гг., какова взаимосвязь экономического и политического монополизма в российских регионах и роль свободы СМИ в формировании эффективного политика.

В седьмой главе анализируются свет и тени экономической специализации России в глобализирующемся мире. Подводятся итоги анализа закрытой экономике и показываются ограниченные возможности применения теории сравнительных преимуществ к странам догоняющего развития. Подробно рассматривается место России в международной системе разделения труда, а также показываются плюсы и минусы российской внешнеторговой специализации.

В восьмой главе исследуются вопросы движения России на пути в постиндустриальное общество. Подробно критикуются существующие мифологемы и анализируются предпосылки формирования человеческого и социального капитала в XXI веке.

В девятой главе рассматриваются стратегия и тактика российской модернизации, показываются условия, которые будут способствовать развитию свободы, экономической дееспособности и социальной справедливости. Фактически глава посвящена возможным сценариям развития современной России до 2020 и 2030 годов. Анализируются доводы «за» и «против» движения России по пути конкурентного, олигархического и государственного капитализма.

В заключение хочется выразить слова признательности всем тем, кто помог в подготовке настоящей монографии к печати, и в первую очередь, аспирантам Антону Викторовичу Архипову, Евгению Сергеевичу Куценко, Евгению Валерьевичу Маркину, Ольге Владимировне Фроловой и студенту Дмитрию Игоревичу Кондратову. Без их активной и творческой помощи, эта книга не скоро бы увидела свет.

Глава 1. ЭШЕЛОНЫ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА

«Качество нашего понимания текущих проблем зависит от широты выбранных рамок сопоставления».
А. Гершенкрон

Современное российское научное сообщество, как и общество в целом, находится в ситуации поиска своей идентичности. Надежды на равных войти в мировую науку путем механического копирования неоклассического (основного в настоящее время) течения экономической мысли не оправдались точно так же, как и упования на построение в России современного общества при помощи неоклассических экономических реформ. Контакты с российскими экономистами будут интересны нашим западным коллегам только тогда, когда мы сможем выйти на мировой "рынок" научных идей с собственными оригинальными научными идеями. Кроме того, следует учитывать, что в экономической науке Запада назревает поворот от неоклассики к идеям институционализма; и в таком случае экономисты России рискуют, заучив наконец неоклассический "экономикс", вновь оказаться ретроградами. Между тем именно в сфере исследования институциональных проблем хозяйственного развития российские экономисты имеют весьма сильный научный потенциал.

Таблица 1-1

Эшелоны развития мирового капитализма

"Эшелоны"	Страны	Особенности развития капитализма	Роль государства в экономике	Положение в мировой капиталистической системе
1-ый (с XIV в.)	Западная Европа, Северная Америка	Длительное спонтанное развитие	Заметная	Главенствующее
2-ой (к. XVIII – сер.XIX вв.)	Восточная Европа, Россия, Турция, Япония	Развитие "сжато", импульс развития идет как изнутри, так и извне	Значительная	Второстепенное
3-ий (к.XIX - к. XX вв.)	Колониальная и зависимая "периферия" Азии и Африки	Неорганичность капиталистической эволюции, возникновение реакции отторжения	Доминирующая	Полностью зависимое (сырьевые придатки)

Есть несколько институциональных концепций, при помощи которых можно попытаться понять логику и перспективы хозяйственного развития нашей страны. Наиболее известная из них – это концепция постиндустриального общества. Однако эта концепция позволяет улавливать только долгосрочные, многовековые тенденции эволюции. Для понимания закономерностей среднесрочного развития целесообразнее использовать иные концепции, одной из которых является теория "эшелонов развития капитализма" А. Гершенкрона[75] (Табл. 1-1). Рассмотрим более подробно, как формировались эти "эшелоны" и какое место в них занимала Россия.

1.1 Первый эшелон, который давно ушел.

1.1.1 Институциональные предпосылки рыночной экономики

[75] Herschenkron A. The approach to European industrialization: a postscript // Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays. Cambridge (Mass.), Harvard University Press, 1962, p.353-364. Одной из первых публикаций в нашей стране с изложением концепции эшелонов развития была книга: Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В Г. Революционная традиция в России: 1783 – 1883 гг. М., 1986. С. 31 – 53.

Институциональные предпосылки рыночной экономики сложились далеко не сразу[76]. Первоначальный очаг становления капитализма характеризовался медленным вызреванием необходимых предпосылок. В Западной Европе они складывались постепенно, начиная с XIV-XV вв. Рост производительных сил, углубление общественного разделения труда, укрепление городов как центров ремесла и торговли, превращение ренты продуктами в денежную ренту постепенно подготовили новый качественный этап в развитии феодализма. До известных пределов эти и аналогичные им процессы были совместимы с экономической природой феодального строя. В то же время они создавали предпосылки для его разложения.

Города в Западной Европе были особым элементом феодальной системы. Здесь внедрялись технические открытия и рождались первичные формы капиталистического предпринимательства, ликвидировалась безграмотность и расшатывались основы средневековой схоластики, развивалось самоуправление и утилизировалось римское право.

Остановимся на возникновении тех институтов, которые обеспечили источники роста – инновациях в торговле, технологии и организации. Важную роль сыграла автономизация экономической жизни. Децентрализация власти и ответственности стали необходимыми условиями экспериментирования, позволили преодолеть сопротивление инновациям. Именно рост независимости экономических агентов создал предпосылки для экономического роста. Сам же рост являлся в значительной мере продуктом непрерывных инноваций. Инновации осуществлялись через расширение торговли и открытие новых ресурсов, через сокращение издержек производства, через выпуск новых продуктов, через создание новых форм организаций и т.д. Эти инновации были бы невозможны без развития и укрепления частной собственности, которая позволила извлекать новаторам наибольшие доходы из их изобретений. Важно подчеркнуть разнообразие возникших организационных форм (типов и размеров фирм), а также разумное сочетание принципов иерархии и рынка.

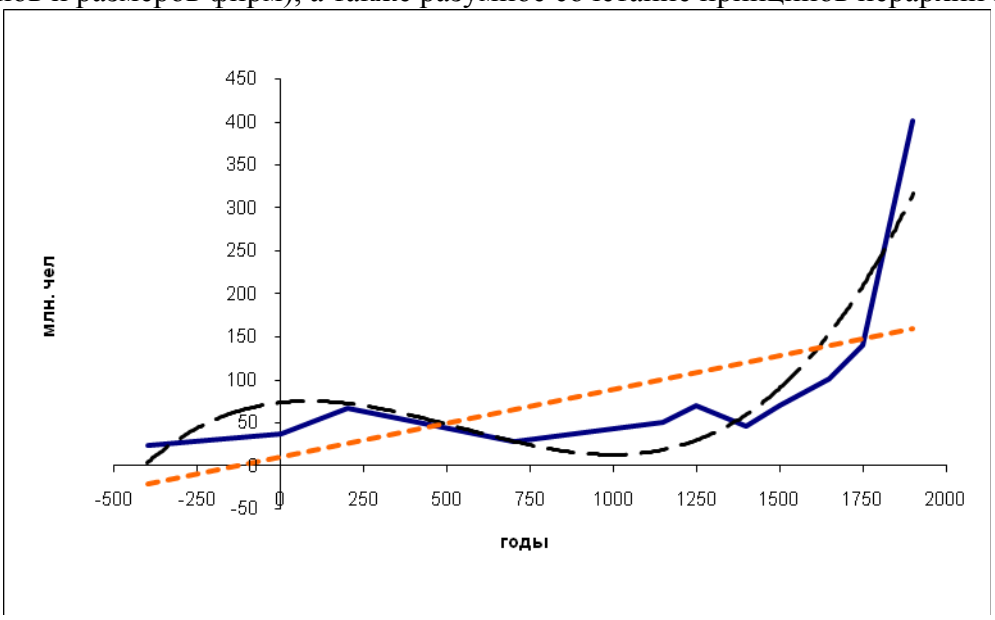


Рис. 1-1. Рост населения в Европе, 400 г. до н. э. - 1900 г.; линейный и кубический тренды

Хотя технологические и институциональные изменения являются в конечном счете главными детерминантами социально-экономического развития, однако не они сами по

[76] Следует оговориться, что вплоть до наших дней единого мнения о том, какие же факторы сыграли наиболее важную роль в возникновении "западноевропейского чуда", так и не сложилось. Обзор концепций по этой проблеме см.: Фурсов А.И. Европейская цивилизация и капитализм: культура и экономика в развитии общества. Обзор. М.: ИНИОН. 1991.

себе дали первоначальный толчок изменениям. Первоначальный импульс был связан с расширением рынков в связи с ростом населения (см.: рис. 1-1) и развитием внутренней и внешней торговли. Это привело к подъему купечества и устранению целого ряда феодальных ограничений личной свободы и частной собственности. Если сначала активность купечества росла параллельно с расцветом феодальной системы (XI-XIV вв.), то позднее именно она подрывала ее основы и развивалась уже в ущерб ей.

Расширение торговли повышало относительную свободу экономических агентов, постепенно подрывало основы произвольного вмешательства властей, типичного для феодализма. Внешняя торговля оказалась более свободной от регулирования правительств в отличие от внутренней. В разрушении традиционной "зарегулированности" индивида определенную роль сыграли развитие пиратства и широкая практика контрабанды. Они развивались на границах феодальных империй, а столкновение интересов государств препятствовало установлению полного контроля над морской торговлей.

Именно в этот период создаются институты, благоприятные для развития коммерции[77]. Они были подготовлены прежде всего изменениями в системе права. Широкий товарооборот создал систему прецедентов по поводу таких важных для торговли явлений как страховка, векселя, судовой фрахт, договоры о продаже, соглашения о товариществе, патентах и об арбитраже.

Постепенно формируются предприятия нового типа. Этому в немалой степени способствует двойная запись в бухгалтерии, которая из проверки ошибок превращается в механизм, закрепивший отделение трансакций предприятий от трансакций человека. Собственность предприятия начинает существовать отдельно от семейной собственности. Предприятие становится юридическим лицом. Оценка активов - пассивов, четкое определение баланса предприятия (прибылей и убытков) позволяют развить практику кредитования на основе оценки финансового положения фирмы и перспектив её развития.

Возникают экономические объединения, основанные не на родственных, а на чисто деловых связях. Первоначально такие предприятия организовывали бывшие военные и моряки, пользовавшиеся взаимным доверием, поддержкой и верностью по отношению к товарищам.

Важно подчеркнуть, что параллельно с развитием коммерции происходило очищение закона от дискреционных, ритуальных, религиозных примесей. Впервые создавался закон, "надежный как машина". В Западной Европе английские суды первыми завоевали репутацию безукоризненной честности в отношении купцов (в том числе и по отношению к тяжбам иностранцев).

Расширение торговли было бы невозможно без развития денег, кредита, изменений в системе финансов. Начиная с XIII века векселя используются вместо монеты, а с XVII века они приобретают свойство обращаемости с передачей третьим лицам по индоссаменту. Любопытно подчеркнуть, что торговля векселями совершалась в обход церковного запрета на взимание процента. Считалось, что "приобретение векселей со скидкой – это не процент, а учет риска". Успеху торговли способствовало развитие страхования. Уже в конце XII века в Италии происходит отделение страхования от финансирования, а позднее – отделение морских рисков от рыночных.

Неудовлетворенность феодальным строем, пробуждающееся аналитическое отношение к действительности, поиски героического и совершенного заставляют передовые умы обратиться к античному наследию, «возродить» его для современников. Такое обращение к прошлому стало своеобразной формой отрицания настоящего — феодальной системы ценностей, феодальных экономических представлений. Ученые эпохи Возрождения провозглашают высокие принципы гуманизма, утверждают веру в могущество человека, в его

[77] Подробнее см.: Розенберг Н., Бирдцелл Л.Е., мл., Как Запад стал богатым. Экономическое преобразование индустриального мира. Новосибирск. 1995. С. 120–149.

разум, язвительно смеются над предрассудками мрачного европейского средневековья (Эразм Роттердамский, Франсуа Рабле, Мигель де Сервантес Сааведра и др.). И хотя их произведения были обращены к достаточно узкому кругу интеллектуалов, а культура имела элитарный характер, тем не менее гуманисты сыграли важную роль в подготовке к восприятию новых идей более широкими слоями населения. Но для этого необходима была коренная ломка феодального мировоззрения.

В условиях, когда христианство освящало существовавший феодальный строй, движение вперед было невозможно без реформы католической церкви. В борьбе с католицизмом теоретики Реформации (Мартин Лютер, Ульрих Цвингли, Жан Кальвин) использовали антисословную направленность первоначального христианства. Идея равенства и справедливости в отношениях между людьми трансформировалась в идею эквивалентности обмена товаров, идея честного труда — в обоснование буржуазного предпринимательства и т. д.

Реформация сыграла важную роль в очищении массового сознания от слепой веры в Священное предание, в авторитет римско-католической церкви, освободила его от наиболее одиозных предрассудков и стереотипов мышления и тем самым повысила значение личного суждения. Это имело большое значение для развития обществознания вообще и экономической науки в частности.

Критика феодализма теоретиками Реформации была тесно связана с первыми попытками оправдания раннекапиталистического предпринимательства. Не случайно М. Лютер страстно борется с ростовщичеством, нападает на торгашеский феодализм, а Ж. Кальвин проповедует богоизбранность новых предпринимателей — капиталистов.

Из истории институциональных идей

КРИТИКА ТОРГАШЕСКОГО ФЕОДАЛИЗМА И ОБОСНОВАНИЕ БУРЖУАЗНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: МАРТИН ЛЮТЕР И ЖАН КАЛЬВИН

Некоторые институциональные идеи были высказаны задолго до рождения институционализма как самостоятельного течения экономической мысли. К их числу, без сомнения, относится попытка разграничения торгашеского феодализма раннекапиталистического предпринимательства.

В XIV — первой половине XV вв. дух наживы и жажда стяжательства проникают в среду феодалов. Их интересы все глубже, все теснее переплетаются с ростовщичеством, усиливая эксплуатацию крестьянства и бюргерства. Возникает отвратительное явление позднего средневековья — торгашеский феодализм. Развивающиеся рыночные отношения обостряют и обнажают социально-экономические противоречия, разрушая феодальные патриархальные формы, маскировавшие эксплуатацию в более ранний период. Перед идеологами бюргерства встают проблемы разграничения раннекапиталистического предпринимательства, с одной стороны, и позднефеодального стяжательства — с другой[78]. Появляется необходимость, во-первых, социально-экономического, политического и идеологического (морально-этического и даже религиозного) оправдания «честного» (основанного на законах капиталистической конкуренции) «делания денег» и, во-вторых, осуждения паразитического (основанного на насилии и грабеже, ростовщичестве и внеэкономическом принуждении) накопления богатств класса феодалов.

Положение осложнялось тем, что монополией на образование и культуру в этот период обладали церковные феодалы, католическая церковь. В отличие от светских феодалов церковь опиралась на строгую иерархию и действовала как наднациональная, в известном смысле космополитическая, феодальная организация. В этих условиях выступить с критикой религиозного мировоззрения означало нанести удар не только по отдельному феодалу, но и по феодальной системе в целом. Положение однако облегчалось тем, что отношения торгашеского феодализма проникли и в церковную среду. Разложение католической церкви проявлялось в разложении не только церковных институтов, но и христианского мировоззрения. Все больше обнажалось противоречие

[78] Подробнее см.: *Соловьев Э. Ю.* Непобежденный еретик: Мартин Лютер и его время. М., 1984. С. 40-44, 85-88.

между первоначальным христианством и римско-католической церковью позднего средневековья, которое проявлялось в форме противоречия между Священным писанием (Библией) и Священным преданием (декретами и постановлениями церковных соборов и римского папы).

Гуманисты подготовили Реформацию. Они так же, как позднее теоретики Реформации, обращались к раннему христианству первых веков нашей эры в борьбе со схоластическим формализмом, невежеством и продажностью римско-католической церкви, способствовали просвещению передовой, образованной части феодального общества. Тем не менее гуманизм носил элитарный характер, нуждался в поддержке меценатов, затронул лишь сравнительно небольшую часть интеллигенции. Необходимо было более демократическое учение, обращенное к более широкой аудитории, которое могло бы привести массы в движение. Оно должно было апеллировать не .только к разуму человека, но и к его чувствам.

Как уже отмечалось, в силу господствующего положения католической церкви критика существующего строя не могла не принять форму богословской ереси — требования реформы церкви. Движение назад — обращение к первоисточнику — характерно для всякой религии. Однако в условиях становления капитализма критики разлагающейся католической церкви означала нападение на крупнейшего феодала, которому в Европе принадлежала треть земель. Требование реформы церкви превращалось, таким образом, в первый и сильнейший удар по феодальной системе в целом.

Мартин Лютер (1483-1546)

Доктор богословия, магистр свободных искусств, монах-августинец Мартин Лютер (1483-1546) родился и вырос в бюргерской среде. 31 октября 1517 г. на двери своей церкви в Виттенберге он вывесил 95 тезисов против индульгенций, что положило начало Реформации в Германии. Лютер развивал тезис о том, что спасение души (оправдание) возможно прежде всего не через церковь и ее формальные обряды (и уж тем более не через покупку индульгенций), а через истинную веру — веру в Священное писание, а не в Священное предание. Позднее, уже в ходе Реформации, Лютер и его последователи пришли к отрицанию церковной иерархии, культа святых, церковного богатства и монашества, что способствовало подчинению духовной власти светской, упрощению церковной догматики и богослужения, объективно оправдывало секуляризацию церковных земель, открывало путь к созданию необходимой для буржуазии дешевой церкви.

Наибольшую ненависть вызывает у Лютера ростовщичество. Его критике посвящена специальная работа «Наказ приходским священникам выступать с проповедями против ростовщичества», изданная в Виттенберге в 1540 г.

Экономические взгляды Лютера тесно связаны с его религиозной концепцией, в частности с его теорией двух порядков. Понимая, что в современной ему действительности невозможны отношения между людьми в строгом соответствии со Священным писанием, он обосновывает необходимость светской власти. Главной задачей светской власти и церкви в этот период должна была стать, по мысли Лютера, борьба с ростовщичеством. Светская власть при этом должна действовать силой, а церковь — убеждением и советами. При этом, считает Лютер, князья должны управлять разумно, т. е. не только опираться на писаные законы и рекомендации юристов, но прежде всего действовать на благо своих подданных. Поэтому Лютер оправдывает мелкое ростовщичество сирот, вдов и стариков, если оно вызвано бедностью. К тому же он считает необходимым законодательно ограничить норму процента[79]. Однако так как в раздробленной Германии «светская власть нерадива и ленива, а частично слишком слаба, чтобы защитить от такой беды (какой является ростовщичество.— Р. Н..), то священники,— считает Лютер,— должны учить народ и приучать его к тому, чтобы ростовщиков и скряг принимать за живых чертей...». Поэтому Лютер уделяет главное внимание разоблачению оснований для изъятия процента, учит распознавать замаскированные формы ростовщичества, различает ссуду и займ, кредит в товарной и денежной форме, т. е. по су-

[79] Лютер приводит, в частности, в качестве исторических примеров деятельность Солона в Афинах и Неемии в Иудее, ограничивших процент по ссудам 12 % в год, а также деятельность Александра Македонского и Юстиниана.

обществу коммерческий и банковский кредит. Он гневно осуждает любые попытки оправдания взимания процента[80].

Другой его сильной стороной была критика торгашеского феодализма — союза ростовщиков и дворян. «...Исполняется пророчество Исайи,— пишет он,— князья твои стали сообщниками воров. Ибо они вешают воров, укравших гульден или полгульдена, и якшаются с теми, которые грабят весь мир и воруют с большей безопасностью, чем все другие, как бы для того, чтобы оставалась верной поговорка: крупные воры вешают мелких воров, и, как говорил римский сенатор Катон: простые воры сидят в тюрьмах и закованы в цепи, а государственные воры расхаживают в золоте и шелках. Что же в конце концов скажет об этом бог? Он сделает так, как он говорит устами Иезекииля: князей и купцов, одного вора с другим, он сплавит вместе, как свинец и медь, как бывает, когда выгорает город, чтобы не было больше ни князей, ни купцов. Я опасаюсь, что это уже на пороге»[81].

Критикуя представителей торгашеского феодализма, Лютер выступает на стороне предприимчивого и делового хозяина, бюргера, превращающегося в мелкого буржуа. Поэтому он осуждает праздность, критикует сословную иерархию, утверждая, что между людьми есть «лишь различие по должности и делу, а не по званию»[82] Он отмечает важнейшую роль труда в «призвании» человека. Эти мотивы морального оправдания буржуазного предпринимательства получают еще большее развитие в учении о богоизбранности Жана Кальвина (1509—1564).

Жан Кальвин (1509—1564)

В своем главном сочинении «Наставление в христианской вере» (1536) он развил учение о божественном предопределении. Согласно его вероучению, одних бог предопределил к спасению и вечному блаженству (избранные), других — к осуждению и вечным мукам (осужденные). Хотя предопределение фатально, никто, однако, не знает, что ждет его лично: спасение или осуждение. Каждый христианин должен думать, что именно он — божий избранник, и в своей деятельности, своей профессии должен доказать свою избранность. В качестве показателя избранности Кальвин берет денежное богатство — эту абстрактно-всеобщую, универсальную форму выражения успеха в капиталистическом обществе.

Новое вероучение, выражая интересы буржуа эпохи первоначального накопления, пропагандировало мирской аскетизм. Бережливость и расчетливость, скопидомство и накопительство объявляются первейшими гражданскими обязанностями каждого представителя нарождающегося буржуазного класса. Кальвинизм стал идеологией наиболее передовой части буржуазии, теоретическим оружием Нидерландской и Английской буржуазных революций.

В то же время в процессе разложения феодализма находят свое выражение экономические представления народных масс, которые более четко формулируются в ходе крестьянских восстаний (например, Великой крестьянской войны в Германии). Мечты об устройстве будущего справедливого общества отразились в социальных утопиях позднего средневековья (Томас Мор, Томмазо Кампанелла и др.). Однако для реализации этих проектов отсутствовали какие бы то ни были предпосылки. Они стали складываться лишь в процессе так называемого первоначального накопления капитала.

1.1.2 Так называемое первоначальное накопление капитала

[80] Luther Martin. An die Pfarrherren, wider den Wucher zu predigen.Vermahnung / Fabinnke G. Luther als Nationalokonom. Berlin,1963. S. 220, 205, 219.

[81] Цит. по: Маркс К , Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 556.

[82] Лютер М. К христианскому дворянству немецкой нации // Источники по истории Реформации. М., 1906. Вып. 1. С. 5.

Капитализм – это рыночная экономика на такой ступени развития, когда возникает рынок труда. Поэтому содержанием первоначального накопления капитала является создание предпосылок капиталистических отношений, и прежде всего становление производителя нового типа, свободного как личность и лишенного средств производства и жизненных средств. Появление рабочей силы в качестве товара предполагало ликвидацию как личной, так и поземельной зависимости крестьян от феодала и освобождение ремесленников от господства цехового принуждения. Отмена наиболее тяжелых форм личной зависимости в большинстве стран Западной Европы произошла в XIV – XV вв., освобождение крестьян от поземельной зависимости – в XVI-XVIII вв.

Первоначальное накопление капитала составляет предысторию капитализма, оно происходило в недрах феодализма и методами, отличающимися от накопления капитала. Основой этого процесса является буржуазная аграрная революция, в ходе которой, с одной стороны, осуществляется массовая экспроприация земли у крестьянства, а с другой – феодальная собственность превращается «в чистую частную собственность, отбросившую всякую видимость общности [Gemeinwesen] и устранившую какое бы то ни было воздействие государства на развитие собственности»[83] .

Классические формы первоначальное накопление капитала приняло в Англии. Частная собственность на землю здесь расширялась и укреплялась путем конфискации (секуляризации) церковных и монастырских владений католической церкви, захвата государственных и насильственной узурпации общинных земель, сгона крестьян с их участков в ходе огораживания дворянских имений. Созданные таким образом земельные комплексы сдавались, в аренду капиталистическим предпринимателям – фермерам. Укреплению их положения способствовала «революция цен», результатом которой было обесценение производимых фермером денежных выплат (земельной ренты – лендлорду и заработной платы – рабочим). С конца XV до начала XVIII в. осуществляется кровавое законодательство против экспроприированных с целью снижения заработной платы и удлинения рабочего дня мануфактурных рабочих. Высвобождение значительной части сельского населения создало предпосылки для развития внутреннего рынка, однако узость его не была полностью преодолена в мануфактурный период (в Западной Европе середина XVI – последняя треть XVIII в.). Лишь разрушение сельских домашних промыслов в ходе промышленной революции создало устойчивый внутренний рынок, заложило прочные основы для развития капиталистического производства.

Генезис капитализма в Западной Европе был ускорен начавшимся в ходе Великих географических открытий процессом создания мирового рынка, завоеванием и ограблением добуржуазных обществ Америки, Азии и Африки. Развитие мировой торговли способствовало повышению роли купечества. Абсолютизм, сформировавший обширную бюрократию и содержавший дорогостоящую регулярную армию, также искал источники для покрытия своих огромных расходов. Государство выплачивало жалованье военным, чиновникам и даже духовенству в денежной форме. И хотя основным источником доходов абсолютной монархии была развитая налоговая система, дворянское государство отнюдь не было чуждо увеличению денежных средств за счет внешней торговли. Не случайно поэтому купечество стремилось выдать свою точку зрения за национальный общегосударственный интерес. Протекционистская политика стала выражением временного союза дворянства с торговой буржуазией. Однако этот временный союз дворянства и буржуазии оказался недолговечным. Стремление к регламентации производства, нормативность и авторитарность абсолютизма все больше становились тормозом развития капитализма. Окрепшая мануфактурная буржуазия все меньше нуждалась в поддержке со стороны абсолютистского государства. Все чаще появляются работы, критикующие протекционизм и обосновывающие принципы свободной торговли. Привычные для феодализма экстраор-

[83] Маркс К., Энгельс Ф. Т. 3. С. 62.

динарные поборы уступают место законному налогообложению. В Англии и Голландии правительства первыми утрачивают право на произвольные сборы. Установление налогов становится делом парламента.

Значительный вклад в развитие светского характера культуры внесло и Просвещение, идеологи которого выдвинули лозунг свободы, равенства и братства. Они рассматривали эти буржуазные права в универсальной, антисословной форме, считая их не порождением определенной исторической эпохи, а естественными (природными) свойствами любого нормального человека. Поэтому философы эпохи Просвещения апеллируют к «естественным потребностям», «естественному разуму», «естественным правам» человека. Интерес к его внутреннему миру способствует подъему чувства личности, еще не осознавшей противоречивый характер нового, рождающегося капиталистического общества. Развитие личности проявляется и в том, что человек на пороге Нового времени ставит перед собой более широкие и глубокие задачи в науке и творчестве.

Развитие производительных сил и капиталистического уклада неминуемо должно было вступать в непримиримое противоречие с феодальной системой производственных отношений, с абсолютной монархией. В середине XVII – XVIII в. создаются материальные предпосылки для буржуазных революций, в которых буржуазия выступает как передовой класс, стоящий во главе антифеодальной борьбы городского плебса и эксплуатируемого крестьянства.

Огромную роль в становлении рыночной экономики в Западной Европе сыграли также политические институты. Не следует забывать, что в XIV-XIX вв. существовала активная поддержка государством развития торговли и промышленности. Именно государство обеспечивало возвращение кредитов и выполнение соглашений, защиту прав собственности, поддерживало создание правовых форм, отвечающих потребностям предприятий, заложило основы развития инфраструктуры (развитие бесплатного образования, создание транспортных систем и т.д.), защищало национальную промышленность от иностранной конкуренции и обеспечивало стабильность валюты. Вплоть до конца XIX века государство напрямую вмешивалось в развитие промышленности и торговли. Независимость производства и торговли от политических институтов выступает как характерная черта западноевропейского пути развития капитализма лишь на его позднем и относительно кратковременном этапе. Идеология невмешательства (laissez-faire) создала важные политические предпосылки для развития капитализма лишь в конце этого периода.

Становление капитализма было довольно органично не только в экономической, но и в социально-правовой и политической сферах (создание бесплатных публичных школ, реформирование системы права, обеспечение безопасности жизни и собственности граждан путем развития законопослушания и эффективной борьбы с преступностью, расширение права участия в выборах, смена абсолютных монархий республиканскими и демократическими правительствами, длительный мир в Западной Европе с 1815 по 1914 гг.).

1.1.3 Становление капитализма в Англии и Испании: сравнительный анализ

Исторические предпосылки генезиса капитализма возникали в разных странах Западной Европы далеко не синхронно и не последовательно. Более того, эпоха нового времени стала ареной столкновения двух разнонаправленных моделей социально-экономического развития, что приобрело форму "векового конфликта" (XVI - XVII вв.) между прогрессивными протестантскими государствами Севера (Англия, Голландия) и регрессивной католической империей Габсбургов (см. табл. 1-2).

В то время как империя Габсбургов располагала, казалось бы, неиссякаемыми запасами денег и сырья из колоний, ресурсы протестантских государств были гораздо более скудными. Однако решающую роль в исходе "векового конфликта" сыграли не материальные ресурсы, а институциональные факторы. Эффективные институты возникали в

обществах, которые имели сильные стимулы к созданию и закреплению прав собственности. В то время как в протестантских государствах бурно шло формирование новых, благоприятных для рыночного хозяйства институтов (господство правовых норм, парламентская республика, низкие налоги, «дешевая» церковь), в Испании и Италии ростки рыночного хозяйства оказались буквально раздавленными регенерацией архаичных, полуфеодальных институтов (бюрократический произвол, абсолютистская монархия, налоговый гнет, "дорогая" церковь). В результате к началу XVIII в. юг Европы превратился в глухое захолустье, а генераторами экономического развития стали Голландия, Англия и отчасти Франция.

Таблица 1-2

Становление капитализма в Англии и Испании

Характеристики	АНГЛИЯ	ИСПАНИЯ
Тенденция	К децентрализации	К централизации
Усиление	Парламента	Бюрократии
Политическая рента	Ограничение	Поиск
Церковь	Ослабление позиций	Укрепление
Частная собственность	Укрепление (создание гарантий)	Ослабление (необеспеченность)
Обмен	Неперсонифицированный	Персонифицированный
Рынок	Дерегулирование	Регулирование (контроль над ценами)
Рынок капитала	Создание предпосылок для развития	Ограничение
Налогообложение	Ослабление	Усиление
Влияние на	США	Латинскую Америку

Составлено по: Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М: "Начала", 1997. С. 145-150.

Противопоставление эффективной английской и неэффективной испанской моделей позже вылилось в противостояние динамичного североамериканского капитализма и неэффективного латиноамериканского меркантилизма и является весьма поучительным для стран, создающих основы рыночной экономики.

Из истории институциональных идей

КАРЛ ПОЛАНЬИ: БЫЛ ЛИ ГЕНЕЗИС КАПИТАЛИЗМА СПОНТАННЫМ ПРОЦЕССОМ?

Карл Поланьи (1886-1964) предпринял грандиозное исследование становления и развития капитализма в Западной Европе начиная с XV века и до середины XX века включительно. Под рыночной экономикой он понимает "саморегулирующуюся систему рынков" [84]. Поланьи обращает внимание на очевидное противоречие, которое не замечают неоклассики. Существование саморегулирующегося рынка невозможно без функционирования рыночных законов, однако допускать функционирование рыночных законов пока не доказано существование саморегулирующегося рынка, мы также совершенно не вправе. Возникает порочный круг, выход из которого, по мнению Карла Поланьи, неоклассиками не найден. Попытка вывести эти законы из природы человека утопична. "На самом же деле гипотеза Адама Смита об экономической психологии первобытного человека, – пишет он, – была столь же ложной, как и представления Руссо о политической психологии дикаря. Разделение труда, феномен столь же

Карл Поланьи
(1886-1964)

[84] Поланьи К., Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: "Алетейя", 2002. Гл. 4.., с. 53

древний, как и само общество, обусловлено различиями, заданными полом, географией и индивидуальными способностями, а пресловутая "склонность человека к торгу и обмену" почти на сто процентов апокрифична. Истории этнографии известны различные типы экономик, большинство из которых включает в себя институт рынка, но им неведома какая-либо экономика, предшествующая нашей, которая бы, пусть даже в минимальной степени, регулировалась и управлялась рынком"[85]. Поэтому он сравнивает современную индустриальную экономику с доиндустриальной, в основе которой, по его мнению, лежали три основных принципа: взаимности (реципрокности), перераспределения (редистрибуции) и домашнего хозяйства. Их содержание кратко показано в табл. 1-3. Подчеркнем лишь, что, по мнению К. Поланьи, эти принципы институционализировались не с помощью экономики, а с помощью социальной организации [86].

Таблица 1-3

Принципы поведения в доиндустриальных системах (по К. Поланьи)

Принципы	Взаимности (реципрокности)	Перераспределения (редистрибуции)	Домашнее хозяйство
Базовая модель	Симметрия	Центричность	Автаркия
Сфера действия	Семья	Общество	Замкнутая группа (семья, поселение или феодальное поместье)
Цель	Воспроизводство семьи	Воспроизводство общества	Воспроизводство группы
Связи	Родственные	Территориальные	Родственные и территориальные
Регулятор процессов	Магия и традиционный этикет	Обычаи и закон	Глава хозяйства (в соответствии с традициями)
Обмен	Горизонтальный	Вертикальный	Глава хозяйства (в соответствии с традициями)

Составлено по: Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: "Алетейя". 2002. Гл. 4.

Если мы сравним рыночный и редестрибутивный продуктообмен (см. табл. 1-4), то мы увидим коренные различия между ними. Методы координации в общественном разделении труда глубоко различаются в доиндустриальную и индустриальную эпохи, как и логика этого развития. "Ортодоксальное учение, – пишет К. Поланьи, – начинало с постулирования склонности индивида к обмену, дедуцировало из нее логическую необходимость появления местных рынков и разделения труда и, наконец, выводило отсюда необходимость торговли, в конечном счете – торговли внешней, в том числе даже торговли дальней"[87]. В действительности все было с точностью до наоборот. Дальняя торговля возникает гораздо раньше торговли местной. Да и внутренняя торговля в Западной Европе, считает Поланьи, возникла благодаря вмешательству государства [88].

Основной огонь критики К. Поланьи направлен на то, что нигде и никогда не происходило автоматического превращения изолированных рынков в рыночную экономику, а рынков регулируемых – в рынок саморегулирующий. Такой процесс явился отнюдь не итогом какой-либо внутренне присущей рынкам тенденции к самовозрастанию, а "результатом действий весьма возбуждающих средств, которые были назначены социальному организму, чтобы помочь ему в ситуации, созданной не менее искусственным феноменом машины"[89].

Саморегулирующийся рынок предполагает не только то, что все продукты производятся для продажи, но и что существуют рынки факторов производства. Следовательно, труд, земля и капитал приобретают, по мнению К. Поланьи, форму "фиктивных товаров". Однако товарная форма противоречит самой природе этих ресурсов, ведь носителем труда является живой человек, а земля как таковая (реки, поля и т.д. и страна в целом), конечно, не может быть объектом купли-продажи. Понятие "фиктивные товары" несет большую нагрузку в концепции Поланьи. Поскольку

[85] Поланьи, Ук. соч., с. 56
[86] Поланьи, Ук. соч., с. 67
[87] Поланьи, Ук. соч., с. 71
[88] Поланьи, Ук. соч., с. 71-81
[89] Поланьи, Ук. соч., с. 70

он отождествляет товары с предметами[90] (то есть путает социальную – товарную – форму и вещественный носитель – человек, природа, покупательная способность – этой формы), то неудивительно, что он потом пытается доказать, что факторы производства не являются сугубо вещественными (их природа шире этого понятия). Однако эта путаница не мешает ему показать, что рыночная экономика модифицирует все ресурсы, и общество, как может, пытается помешать сведению всех социальных форм к их экономическому содержанию.

Таблица 1-4

Изменение методов координации

Критерии сравнения	Редистрибутивный продуктообмен	Рыночный товарообмен
В каких обществах преобладает	В доиндустриальном	В индустриальном
Характер отношений	Вертикальный (подданные – правители)	Горизонтальный (между производителями)
Конкуренция	Исключена	Широко развита
Регулирование	Централизованное	Саморегуляция
Роль денег	Второстепенная	Доминирующая
Характер обмена	Принудительный	Добровольный
Эквивалентность обмена	Не соблюдается (только возмездность)	Соблюдается при каждой купле-продаже

Источник: «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее. Под ред. Р.М. Нуреева. М.: ГУ-ВШЭ, 2006. С.202.

Рассматривая подробно историю Спинхемленда, Поланьи показывает, как общество XVIII века стихийно противилась любым попыткам превратить человека в простой довесок к рынку. "Согласно … закону Спинхемленда, человек получал пособие, даже имея работу, пока его заработок был ниже дохода, установленного для его семьи по соответствующей шкале. А следовательно, у работника не было серьезного стимула удовлетворять требования нанимателя, ибо его доход оставался прежним, какую бы заработную плату он не получал" [91]. Парадокс этого закона заключался, однако, в том, что он невольно привел к всеобщей пауперизации сельского населения. Формирование резервной армии труда стало опережать создание промышленной армии в собственном смысле этого слова. Спинхемленд фактически "не только поощрял уклонение от работы и симуляцию нетрудоспособности, он сделал пауперизм привлекательным именно в тот критический момент, когда человек должен был напрягать все свои силы, чтобы избежать судьбы нищего" [92]. Хотя стремление общества защитить себя от рыночной экономики не увенчалось успехом (и привело даже к прямо противоположному эффекту), оно растянуло период становления капитализма.

Проделанный Карлом Поланьи исторический анализ становления и развития капитализма наглядно показывает, что если саморегулирующийся рынок и существовал, то чрезвычайно короткий период, и к тому же логика развития этого свободного рынка неизбежно привела его к полному краху, что ярко проявилось в годы Великой депрессии и Первой и Второй мировых войн.

Изучение институциональных моделей показало органическую взаимосвязь факторов, влияющих на генезис капитализма и экономическое развитие вообще. Исследования институционалистов показали, что развитие включает в себя не только экономическую подсистему, но и широкий спектр неэкономических переменных, включая формальные и

[90] "Понятие товара – вот что позволяет подключить рыночный механизм к разнообразным факторам экономической жизни. Товары определяются здесь эмпирически как **предметы** (выделено мною – Р.Н.), производимые для продажи на рынке; сами рынки, опять же эмпирически, определяются как фактические контракты между продавцами и покупателями" (Поланьи К., 2002, с. 86).

[91] Поланьи, Ук. соч., с.94

[92] Поланьи, Ук. соч., с. 114

неформальные институты, культуру и всю систему ценностей, без которой полноценное развитие невозможно (см. рис. 1-2).

Система необходимая для экономического развития

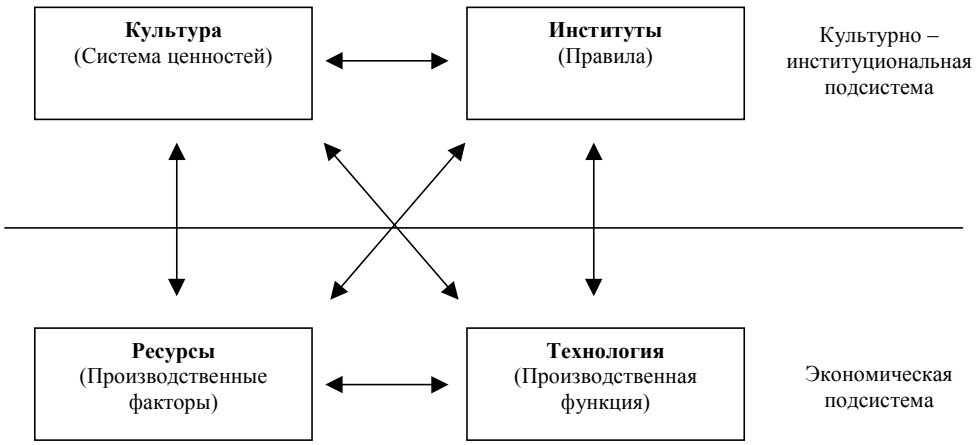


Рис. 1-2. Взаимосвязанное развитие в социальной системе
Источник: Hayami Y., Development Economics From the poverty to wealth of nations. Oxford. 1997, p. 11).

В центре их внимания оказались не только проблемы роста душевого дохода, но и устранение абсолютного и относительного обнищания, сокращение неравенства, увеличение занятости и рост качества трудовых ресурсов и человеческого капитала в целом. Формирование человеческого капитала предполагает не только обеспечение основных потребностей (детское питание, начальное и среднее образование, медицинское обеспечение и т.д.), но и возможности дальнейшего повышения квалификации, включая высшее образование и различные формы переподготовки кадров. Таким образом, они осуществили выход за рамки современной экономической теории – economics. Фактически, благодаря их усилиям стало очевидно, что экономическое развитие невозможно без глубоких изменений всей системы экономических институтов, социальных и политических отношений.

Россия никогда не принадлежала к первому эшелону; он пронесся мимо России, когда она залечивала раны Смутного времени. Именно стремление догнать этот передовой эшелон служил главной целью всех российских реформаторов – от Петра I (ориентация на опыт Голландии и Швеции) до Б. Н. Ельцина (ориентация на модель США). Временами огни первого эшелона явственно приближались, порождая надежды, что стоит сделать еще одно усилие, и Россия войдет в число высокоразвитых держав как равная среди равных. Увы, за очередным поворотом экономического развития обнаруживалось, что разрыв между Россией и передовыми странами отнюдь не сократился, а увеличился.

1.2 Второй эшелон, от которого мы отстали.

Второй эшелон развития капитализма начал формироваться в конце XVIII – середине XIX вв. в странах Восточной Европы, в России, Турции, Японии. «Типичная ситуация в отсталой стране до начала развёртывания масштабных процессов индустриализации, - писал А. Гешенкрон, - может быть описана как напряжение между фактическим состоянием экономической деятельности в стране и существующими помехами для промышленного развития, с одной стороны, и многообещающей перспективой такого развития – с другой"[93].

Импульс рыночной модернизации для этих странах был задан не столько внутренними, сколько внешними обстоятельствами. Капитализм в этих странах не столько вырас-

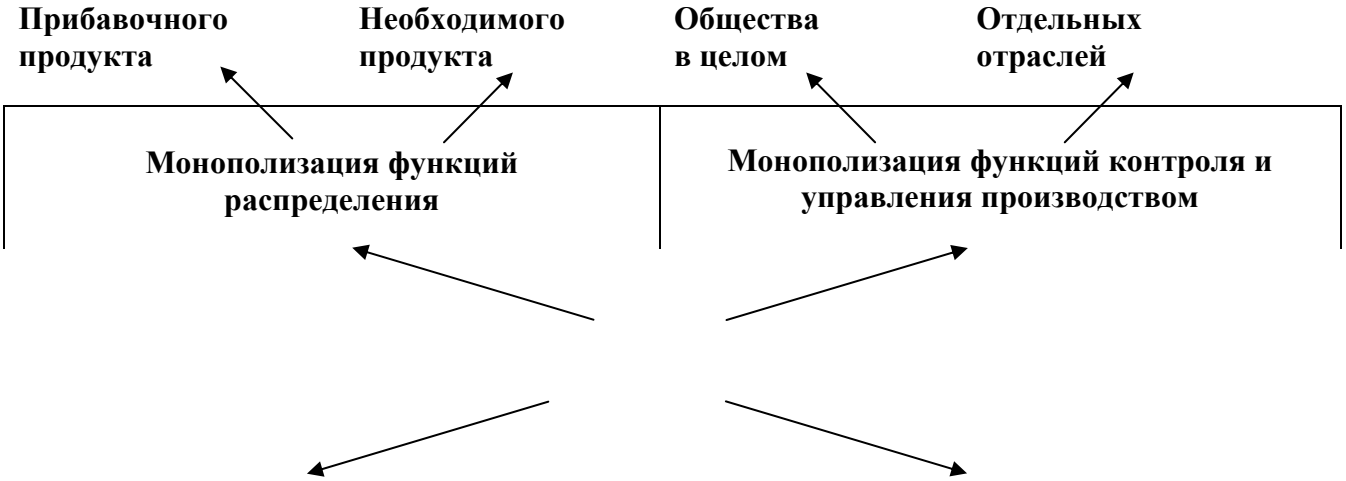
[93] Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. В кн.: Истоки: экономика в контексте истории и культуры. М.: ГУ ВШЭ, 2004. С.423.

тал "снизу", сколько насаждался "сверху" – путем выгодных, гарантированных заказов, крупных субсидий и дотаций частному капиталу, путем создания монопольных условий производства и реализации отдельных видов продукции, путем прямого развития государственного предпринимательства и т.д. Не случайно К. Маркс писал во втором наброске ответа на письмо В.И. Засулич, что в России возник "известный род капитализма, вскормленный за счет крестьян при посредстве государства..."[94]. Усиление крепостничества стало оборотной стороной вестернизации. «Не Петр Великий установил крепостное право, - писал А. Гершенкрон, - но в том, чтобы сделать его эффективным, он преуспел, возможно, более чем кто-либо другой»[95]

Вопрос о том, насколько правомерно использовать для характеристики общественного строя средневековой России теорию азиатского способа производства, обсуждался на протяжении всего XX в., но научная дискуссия по этой проблеме далека от завершения. Можно вспомнить еще полемику между российскими марксистами, когда в 1906 г. Г.В. Плеханов определил допетровскую Россию как «московское издание экономического порядка, лежавшего в основе всех великих восточных деспотий»[96]. В советский период подобная интерпретация российской истории стала в самой России заведомо невозможной, но зато получила широкое распространение среди западных советологов[97]. Отечественные историки не без оснований считали такой подход политически ангажированным и легковесным. Лишь в последние годы среди историков нашей страны начинает складываться традиция подлинно научного изучения российского деспотизма[98]. Мы не претендуем на то, чтобы дать окончательный ответ, был ли в России при «старом режиме» азиатский способ производства как таковой или феодализм с элементами восточного деспотизма. Мы считаем нужным подчеркнуть лишь тот несомненный факт, что в дореволюционной России существовала мощная азиатская традиция, органически связанная с институтом власти-собственности.

1.2.1 Власть-собственность и ее особенности в России.

Власть-собственность считается основной характеристикой «восточного деспотизма». Речь идет о нерасчлененном единстве властных и собственнических функций: политическое лидерство дает неотъемлемое право распоряжаться собственностью, а собственность органически подразумевает наличие политического авторитета.



[94] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 415. См. также: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 361.
[95] Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. В кн.: Истоки: экономика в контексте истории и культуры. М.: ГУ ВШЭ, 2004. С.435.
[96] Плеханов Г.В. Сочинения. Т. XV. М.-Л., 1926. С. 31.
[97] Назовем хотя бы Р. Пайпса – см., например: Пайпс Р. Собственность и свобода. М.: «Московская Школа Политических Исследований», 2000.
[98] Большой резонанс, в частности, получили исследования А.Л. Юрганова – см.: Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998.

ФОРМЫ МОНОПОЛИЗАЦИИ ФУНКЦИЙ ПРИ АЗИАТСКОМ СПОСОБЕ ПРОИЗВОДСТВА

Рис. 1-3. Монополизации государством общественно-полезных функций как основа власти-собственности при азиатском способе производства.

Источник: *Нуреев Р.М.* Политическая экономия. Докапиталистические способы производства: Основные закономерности развития. – М.:МГУ, 1991, с.55.

Этот институт возникает в условиях, когда происходит монополизация должностных функций в общественном разделении труда, когда власть и господство основываются не на частной собственности как таковой, а на высоком положении в традиционной иерархии и престиже[99].

Формы монополизации функций в общественном разделении труда, которые становятся основой присвоения ренты-налога, могут быть различны (Рис. 1-3):

- монополизация функций распределения совместно произведенного продукта или его части;
- монополизация сферы обмена в условиях, когда общество постоянно нуждается в отсутствующих или недостающих факторах производства или средствах существования;
- монополизация условий производства (инфраструктуры, накопленного производственного опыта, знаний и т. п.);
- монополизация функций контроля и управления общественным производством или отдельными его отраслями.

В дальнейшем монополизация функций в общественном разделении труда могла дополняться и укрепляться собственностью на ресурсы или на важнейшие жизненные средства – землю и воду.

[99] Service E. Origin of the State and Civilization. New York, 1975; Sahlins M. Tribesmen. Englewood Cliffs, 1968; Fried M. The Evolution of Political Society. An Essay in Political Anthropology. New York, 1967; Васильев Л.С. Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // В кн.: Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.

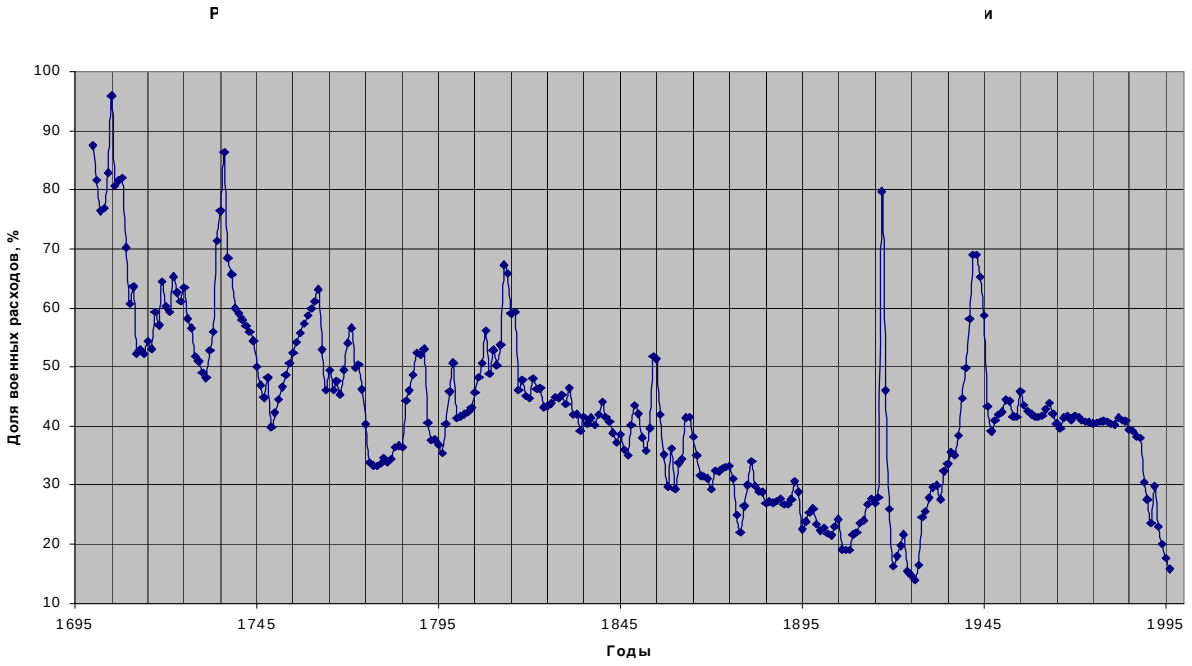


Рис. 1-4. Доля прямых военных расходов в государственном бюджете России.
Источник: Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики. М.: Наука, 2001. С.173.

В России главной общественно-полезной функцией, которую монополизировало государство, была защита от внешней агрессии. Русские земли оказались своеобразным «буфером» между цивилизациями Востока и Запада, в результате чего долгое время условием не только производства, но и элементарного выживания этноса требовало противодействия агрессивному натиску как с востока (хазары, печенеги, половцы, татары), так и с запада (варяги, крестоносцы, литовцы, поляки, шведы). Если в странах средневековой Западной Европы война довольно рано стала делом сословия «благородных рыцарей», рассматривающих сражения прежде всего как способ приобретения личной славы и богатства, то в нашей стране войны всегда велись с широким участием народных ополчений и никогда не становились состязанием противников в благородстве. Примерно с XVIII в. Россия сама стала проводить агрессивную внешнюю политику, в результате чего военные расходы по-прежнему ложились на общество тяжелым грузом. Статистика показывает (Рис. 1-4), что с конца XVII в. военные расходы в российском госбюджете хотя и имели тенденцию к снижению, но редко когда опускались ниже 30%. Поэтому если Египет, Китай или государство инков можно называть, по К.-А. Виттфогелю, «гидравлическими обществами», то Россия – это военное общество, спаянное духом боевого коллективизма.

В обществах азиатского способа производства необходимость коллективного труда для создания условий производства мешала появлению и развитию частной собственности, ограничивала процесс социальной дифференциации. Российская милитаризация вела к результатам вполне аналогичным.

Таблица 1-5

Сравнение отношений власти и собственности в доиндустриальных обществах (составлено Ю.В. Латовым)

Характеристики	**Власть-собственность при «восточном деспотизме»**	**Удельно-вотчинная система на Руси**	**Феодальная система вассальных отношений в Западной Европе**
Отношения личной зависимости внутри правящего класса	Внедоговорной министериалитет	Внедоговорной министериалитет (холопство)	Договорной вассалитет
Наследование прав собственности	Только при наследовании служебных функций	Только при наследовании служебных функций	От отца к сыну (майорат)
Защита прав собственности	Иммунитет по горизонтали	Иммунитет по горизонтали	Иммунитет по горизонтали и по вертикали
Порядок назначения на должности	В соответствии с личными заслугами перед правителем	В соответствии с заслугами предков перед правящей династией (местничество)	В соответствии с личными заслугами перед правителем
Характер власти верховного правителя	Деспотический	Самодержавный	Власть верховного правителя ограничена крупными феодалами и сословным парламентом

Незавершенность процессов классообразования в России проявлялась, в частности, в непосредственном совпадении верхнего слоя класса эксплуататоров с государством. Собственники факторов производства, с одной стороны, и бюрократическая и военная машина, с другой, образовали в этом обществе нерасчлененное целое. Не экономическая сфера определяла политическую, а политическая экономическую[100]. И в Киевской Руси, и в Московском государстве, и в Российской империи землевладелец, как правило, был служивым человеком – военным либо гражданским, владевшим поместьем в качестве своеобразного «кормления» за «государеву службу»[101]. Лишь в 1762 г. вышел Указ Петра III о вольности дворянства – законодательный акт, совершенно немыслимый для Западной Европы, где уже в раннее средневековье феодалы могли вполне свободно выбирать, чем им заниматься.

Специфика правящего сословия в обществах Востока обуславливала и специфику отношений эксплуатации. Рента в виде налога платилась не частным собственникам, а государству, которое в лице деспота распределяло его между бюрократическим аппаратом и армией. Экономической основой присвоения ренты-налога служила верховная государственная собственность на землю.

В России ситуация была во многом аналогичной. Частное землевладение в России развивается главным образом сверху: центральное правительство предоставляло право сбора доходов с определенных территорий тем или иным представителям господствующего класса. Подобные пожалования чаще всего были временными и условными. Государство нередко перераспределяло их или просто заменяло одно владение другим. И хотя государственная собственность («черные» земли) формально никогда в досоветской России не охватывала 100 процентов, влияние ее всегда было доминирующим.

Дело в том, что номинальное право государственной собственности часто становилось вполне реальным благодаря монополии на отправление верховных административно-хозяйственных функций, присвоению значительной части производимого продукта, кон-

[100] Wittfogel K.A. Op sit.

[101] «Самый ранний из известных указов, ставивших обладание вотчиной в зависимость от службы московскому князю, относится к 1556 году, но само правило наверняка действовало и веком раньше» (Пайпс Р. Ук. соч. С. 232 – 233).

тролю за владениями православной церкви, регулированию хозяйственной жизни и т. д. В этих условиях частные хозяйства имели подчиненный характер и не могли сколько-нибудь существенно подорвать верховную собственность государства на землю (табл. 1-5).

Перед бюрократическим аппаратом на Востоке пресмыкались и раболепствовали не только нижние чины, но даже экономически самостоятельные люди. Это общество не знало свободной личности – в Московском государстве даже бояре называли себя холопами, обращаясь к царю. Здесь не существовало и надежной гарантии частной собственности. Ни царь, ни представители правящего сословия не осознавали разницы между личным имуществом и собственностью государства. Даже представители высшей элиты, попав в опалу, могли лишиться всего своего имущества (вспомним хотя бы судьбу фаворита Петра I Алексея Меньшикова).

Обожествленная государственная власть стремилась подавить всякое проявление инициативы, малейшие признаки любой самостоятельности. Особенно эти процессы усилились после Ивана III, подчинившего Московии новгородские земли – последний «остров» политической независимости. Апогеем царского деспотизма стало правление Ивана IV – Ивана Грозного.

Конфессиональные особенности православия:		**Общественные ценности:**
Принцип примата духовного труда над физическим	→	Слабость трудовой этики Одобрение бедности
Обрядоверие	→	Коллективизм Традиционализм
Преклонение духовной власти перед светской	→	Государственный патернализм

Рис. 1-5. Православная этика как фактор формирования российской экономической ментальности.

Источник: Экономические субъекты в постсоветской России (институциональный анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева . М.: МОНФ, 2001, с.95.

Обращает на себя внимание высокая централизация большинства хозяйственных функций управления, прежде всего распределения земель, податей и сбора недоимок. В то же время для системы управления была характерна нерасчлененность экономических и политических функций, неразделенность законодательной власти и исполнительной, военной и гражданской, религиозной и светской, административной и судебной. Нередко военачальники становились гражданскими чиновниками, а государственные чиновники начинали выполнять функции военных. В этих условиях главным было не разделение на военные и гражданские функции, а степень приближения к центральной власти.

Благополучие отдельных представителей господствующего класса всецело зависело от их места в иерархии государственной власти, от той должности, которую им удалось получить, продвигаясь по служебной лестнице. В обществе, в котором не существовало надежной гарантии частной собственности, чиновники занимали особое место. Представители государственной власти имели прямые и косвенные доходы от выполняемых ими должностных функций. Многие должности превращались в своеобразную синекуру, обеспечивавшую безбедное и беззаботное существование. В условиях разросшегося бюрократического аппарата, отсутствия надежного контроля над деятельностью каждого чиновника и нерасчлененности их функций неизбежны были коррупция и злоупотребление властью.

Характерно, что понятия частного пользования, владения и собственности складывались на базе государственной собственности и противопоставления ей[102]. Как правило, расширение частной собственности за счет государственной осуществлялось в периоды ослабления центральной власти. Наоборот, в ходе нового усиления централизации нередко происходило поглощение частных владений государственной собственностью. Лишь в 1785 г. при Екатерине II за дворянами была признана полная собственность на их земельные владения; что же касается крестьян, то они получили право закрепить свои наделы в частную собственность только в начале XX в., во время недолговечных столыпинских реформ.

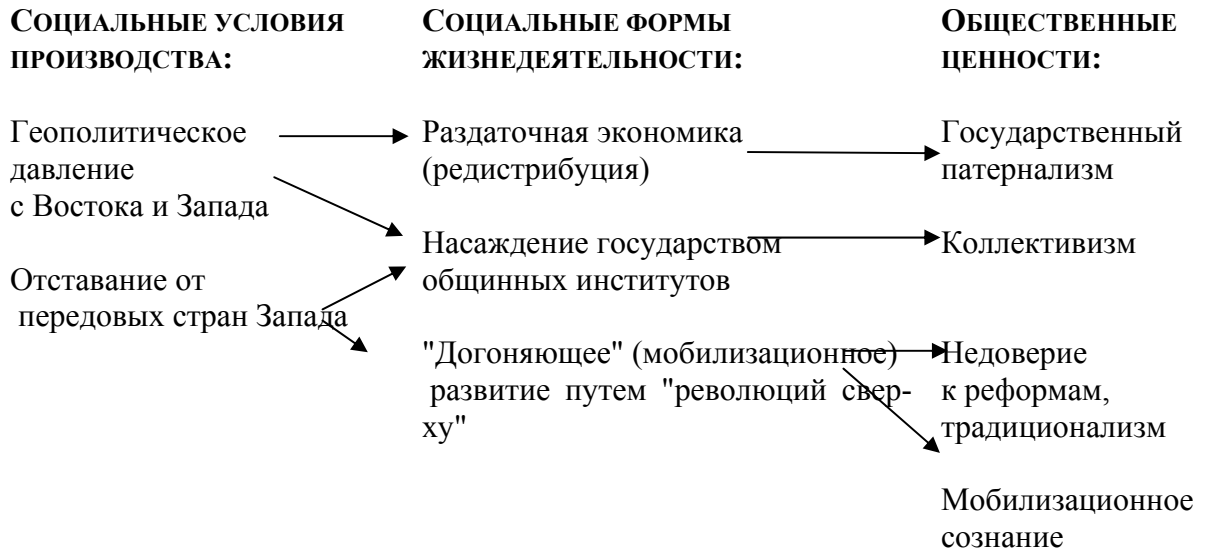


Рис. 1-6. Восточный деспотизм как фактор формирования российской экономической ментальности.

Источник: Экономические субъекты в постсоветской России (институциональный анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева . М.: МОНФ, 2001, с.96.

Должностное владение могло перейти по наследству лишь в случае назначения сына на соответствующую должность. Естественно, что многие стремились превратить свои должностные владения, которыми они нередко пользовались из поколения в поколение, в собственность. Однако это удавалось далеко не всегда[103].

[102] Нуреев Р.М. Экономический строй докапиталистических формаций. Душанбе.: Дониш, 1989.

[103] Нуреев Р.М. Азиатский способ производства как экономическая система // В кн.: Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М.: Наука, 1993: с. 62-87.

Рис.1-7. Движение ренты-налога в системе власти-собственности

1.2.2 Характерные черты российской экономической ментальности

Многовековая традиция государственного деспотизма не могла не отразиться на национальной ментальности, которая является главным элементом механизма path dependency (рис. 1-5, 1-6).

Российская экономическая ментальность характеризуется обычно как общинная, рассматривающая человека в составе целого. Абсолютизация моральных ценностей в противовес материальным предопределила слабость трудовой этики, низкие ранги активно-достижительных ценностей, склонность к смирению и покорности, препятствовала выделению и формированию независимой личности.

Этому способствовали и традиции коллективизма в условиях аграрной экономики, и государственный патернализм, и ортодоксальное православие. Для традиционализма вообще и российского в особенности типично недоверие к реформам, ориентация на поведение коллектива, его нормы, стереотипы и установки. Эти поведенческие нормы всегда поддерживались государственной властью, и поэтому государственный патернализм также внес свой вклад в формирование и воспроизводство коллективистских традиций. К тому же они были усилены конфессиональными особенностями православия. Для ортодоксального православия всегда было типично освящение существующего порядка, примат духовных ценностей над материальными, подчинение церковной власти светской.

Анализ власти-собственности был бы не полным, если бы мы не показали процесс ее воспроизводства, закрепления и развития в системе экономических отношений. Соответственно движению ренты-налога воспроизводство может быть рассмотрено: 1) на уровне патриархальной семьи и общины, 2) па уровне административной единицы, 3) на уровне государства в целом (рис. 1-7).

Таблица 1-6.

Сравнительная характеристика систем собственности: власть-собственность и частная собственность

ПРИЗНАКИ СРАВНЕНИЯ	СИСТЕМА ВЛАСТЬ-СОБСТВЕННОСТИ	СИСТЕМА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
1. Форма собственности	Общественно-служебная собственность	Частная собственность (индивидуальная или коллективная)
2. Субъекты прав собственности	Государственные чиновни-	Индивидуальные владельцы ресурсов,

	ки	домохозяйства.
3. Тип правомочий собственности	Властные общественно-служебные правомочия (полномочия) чиновников в рамках иерархической системы государственного управления	Индивидуальные правомочия владения, пользования, распоряжения и др.
4. Характер распределения правомочий между субъектами (степень индивидуализированности и исключительности)	Правомочия размыты между всеми хозяйствующими субъектами и не принадлежат в полной мере никому. Реализация правомочий имеет форму службы	Отдельные пучки правомочий принадлежат независимым частным собственникам
5. Целевая функция субъектов	Максимизация разницы между полученными раздачами и произведенными сдачами	Максимизация приведенной текущей стоимости активов или дивидендов по акциям (долям в предприятии)
6. Система стимулов	Административное контроль и принуждение	Индивидуальные стимулы к повышению личного благосостояния
7. Механизмы и инструменты передачи прав собственности	«Сдачи» и «раздачи»	Контракты между независимыми участниками
8. Субъекты-гаранты прав собственности	Специальные административно-карательные подразделения центральной и региональной власти	Суды, правоохранительные органы
9. Механизмы гарантий прав собственности	Административные жалобы	Исковые заявления против нарушителей контрактных обязательств
10. Структура и состав трансакционных издержек **а) спецификация прав собственности** **б) передача и перераспределение** **в) защита**	а) права собственности намерено размываются чиновниками в целях извлечения ренты и как база для коррупции. б) Издержки влияния в рамках иерархических структур; в) Защита прав производится государственными чиновниками «в индивидуальном порядке»	а) права собственности четко специфицированы с помощью легальных процедур; б) издержки заключения и выполнения контрактов; в) Государство защищает в рамках установленных законом процедур права индивидуальных собственников

Составлено А.Б.Руновым по: Бессонова О.Э. Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. – Новосибирск, 1999.

В руках местных чиновников постепенно концентрировались финансовые и военные ресурсы данной административной единицы. Такая область самостоятельно воспроизводилась, и в рамках государства она удерживалась лишь силой оружия правящего монарха. Всякое ослабление его армии усиливало центробежные тенденции.

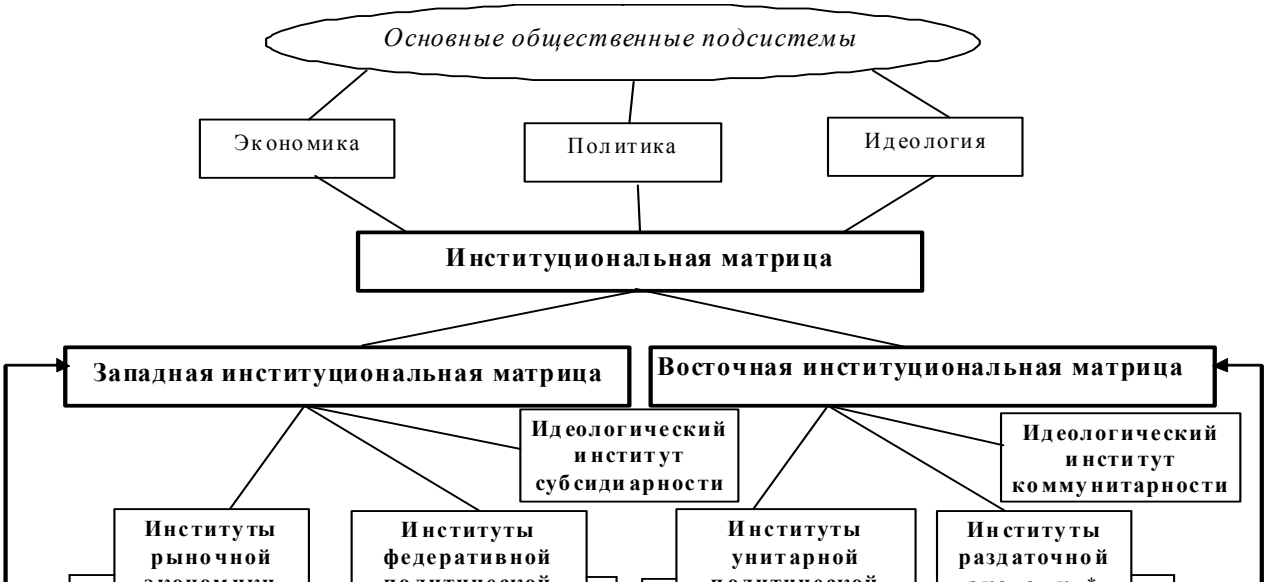


Рис.1-8. Схема основных понятий теории институциональных матриц.

** Согласно теории раздаточной экономики О.Э. Бессоновой (Бесонова, 1997, с. 9-48).*
Источник: *Кирдина С.Г.:* Институциональные матрицы и развитие России. М.: ТЕИС. *2000.* с.26-29.

Последний и главный уровень, которого достигала рента-налог, — это уровень государства в целом. В условиях замкнутой экономики России возможности обмена гигантского произведенного продукта, собранного в натуральной форме, были крайне ограниченны. И непотребленные господствующим классом, избыточные (с его точки зрения) запасы продовольствия и ресурсов используются для производства предметов роскоши, строительства дворцов, храмов и крепостей.

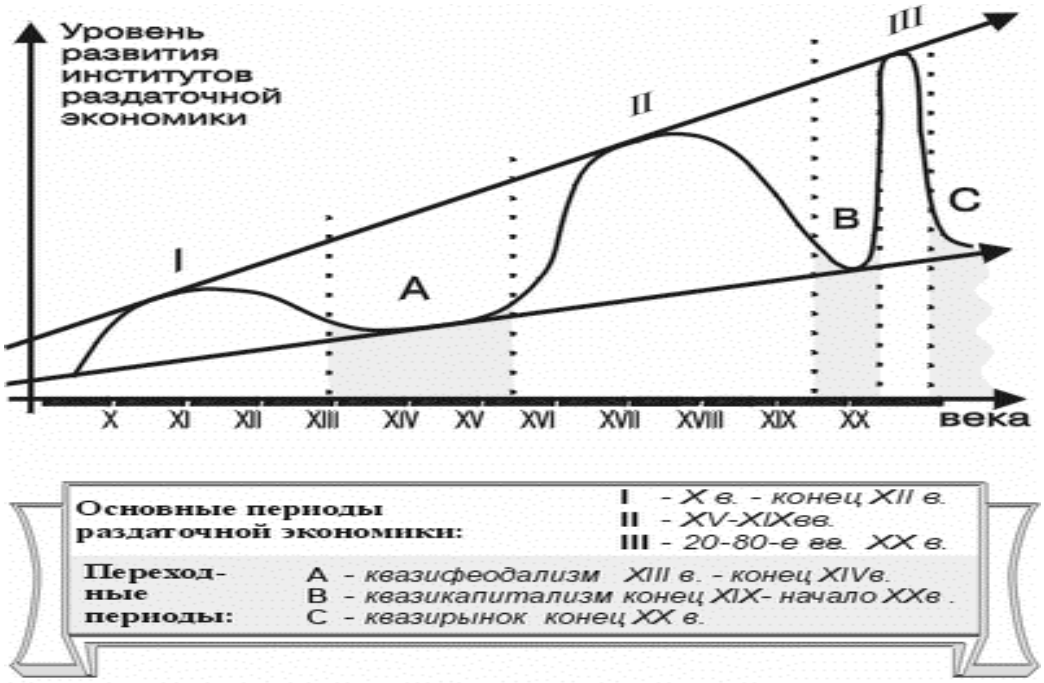


Рис.1. Институциональные циклы в развитии раздаточной экономики России

Рис. 1-9. Институциональные циклы в развитии раздаточной экономики России (по О.Э. Бессоновой)

Подобная система воспроизводства на базе паразитического потребления ренты-налога затормозила дальнейшее развитие России, зациклила ее поступательное движение. Общество, у которого создаваемый продукт идет не на развитие индивидов, а отбирается в виде ренты-налога и паразитически потребляется царем, его армией и бюрократическим аппаратом, застойно, ему закрыты все стимулы для дальнейшего развития, его ожидает в будущем лишь распад, так как хозяйственное развитие его отдельных областей и их управление стереотипны.

Подведем итоги. В досоветской России борются не просто власть и собственность. Борются две институциональные системы, два набора формальных правил и неформальных ограничений[104]. Принципиальные различия между системой власти-собственности и системой частной собственности могут быть сведены к следующим основным элементам (табл. 1-6). Если в системе власти-собственности доминирует общественно-служебная собственность[105], то в системе частной индивидуальная. Если в системе власти-собственности основными субъектами основными субъектами прав собственности являются чиновники, то в системе частной собственности владельцы факторов производства. Поэтому, если в первой доминирует редистрибуция и реципрокность[106], или, выражаясь терминами О. Бессоновой, «сдачи-раздачи»[107], то во второй контракты.

Это не значит, что институт собственности в России не испытывал никакого влияния. Наоборот, с одной стороны, под влиянием Византии, Золотой Орды, Османской Империи он укреплялся, с другой стороны, влияние Литвы и Речи Посполитой способствова-

[104] North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge University Press, 1991; О понятии системы прав собственности подробнее см.: Тамбовцев В.Л. Государство и экономика. М., 1997; Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Институциональная экономика. М., 2000.

[105] Бессонова О.Э. Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск, 1999

[106] Polanyi K. Great transformation. New York: Farrar & Pinehart, Inc., 1944.

[107] Бессонова О.Э. Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск, 1999

ло укреплению частной собственности. Очень кратко итоги этой борьбы представлены в таблице 1-7.

Таблица 1-7

Власть-собственность vs частная собственность

	ВЛАСТЬ-СОБСТВЕННОСТЬ	ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ
Влияние	Византии, Золотой Орды и Оттоманской Империи	Литвы и Речи Посполитой
Тенденция	К централизации	К децентрализации
Усиление	Бюрократии	Парламента
Политическая рента	Поиск	Ограничение
Церковь	Укрепление	Ослабление позиций
Частная собственность	Ослабление (необеспеченность)	Укрепление (создание гарантий)
Обмен	Персонифицированный	Неперсонифицированный
Рынок	Регулирование (Контроль над ценами)	Дерегулирование
Налогообложение	Усиление	Ослабление

Это позволяет некоторым исследователям выдвинуть гипотезу о различных институциональных матрицах, восточной и западной. *Институциональная матрица,* по мнению этих исследователей, охватывает не только сферу экономики, - «это устойчивая, исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер — экономической, политической и идеологической»[108]. Сравнительные особенности восточной и западной институциональных матриц представлены на рис.1-8.

Более того, некоторые исследователи считают, что борьба западных и восточных институтов приводит к своеобразным институциональным циклам в развитии раздаточной экономики России (см. рис. 1-9). Каждый взлёт раздаточной экономики имеет свою противоположность. На смену раздаточному феодализму X-XII вв. приходит квазифеодализм XIII-XIV вв. Подъём институтов раздаточной экономики XV-XIX вв. сменяется квазикапитализмом конца XIX начала XX вв. Взлёт раздаточной экономики в советский период (20е-80е гг. XX века) сменяется современным квазирынком.

Главные различия в том, что в отличии от западной в восточной матрице господствуют нерыночные механизмы, институты унитарно-централизованного государственного устройства, приоритет коллективных, надличностных ценностей.

1.2.3 Крепостнический капитализм как порождение зависимости от траектории предшествующего развития.

Движимое главным образом военными интересами, государство в России становится главным агентом модернизации экономики, органом, отвечающим за экономический прогресс в стране. «Поскольку экономическое развитие таким образом вызывалось острой военной необходимостью, - писал А. Гершенкрон, - оно двигалось резкими толчками: убыстрялось, когда военная необходимость усиливалась, и замедлялось, когда необходимость ослабевала.»[109].

---

[108] Кирдина С.Г., Ук. соч., с.24.

[109] Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. В кн.: Истоки: экономика в контексте истории и культуры. М.: ГУ ВШЭ, 2004. С.434.

В 17—18 вв. в Пруссии, Польше, России складывается своеобразная ситуация, когда развитие капиталистического уклада сопровождается усилением крепостничества. В погоне за средствами для модернизации экономики возрастает налоговое бремя, которое ложится на плечи тех поколений, которым выпало «счастье» жить в период интенсивного развития. Поскольку государство пытается решить возникшие экономические проблемы имеющимися под рукой традиционными средствами, то обнаруживается тенденция превращения феодальной монополии на личность крепостного в монополию рабовладельческого типа, а феодальной монополии на землю — в монополию частной собственности на землю[110]. На этой основе развиваются особо острые формы кризиса феодализма., - подготовившие необходимость проведения буржуазных аграрных реформ и решения аграрного вопроса.

Из истории институциональных идей

ПОЛ ДЭВИД: QWERTY – ЭФФЕКТЫ И ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ТРАЕКТОРИИ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕГО РАЗВИТИЯ.

Пол Дэвид (р. 19..)

Название теории Path Dependence принято в отечественной литературе переводить как «эффект клеи» или «зависимость от предшествующего развития»[111]. Она обращает внимание на институциональные изменения и на роль институтов в технических изменениях. Однако если в «нортовской» новой экономической истории главный акцент сделан на том революционизирующем влиянии, которое оказывают правовые инновации и изменение трансакционных издержек на социально-экономическое развитие, то в теории зависимости от предшествующего развития основное внимание обращается на инерционность развития. Если последователи Д. Норта изучают, *как становятся возможны институциональные инновации*, то последователи П. Дэвида и Б. Артура, наоборот, – на то, *почему институциональные инновации далеко не всегда возможны*. Кроме того, если Д. Норт при изучении институтов акцентирует внимание на правах собственности, то П. Дэвид и Б. Артур – на неформальных механизмах выбора.

История теории Path Dependence началась в 1985 г., когда П. Дэвид опубликовал небольшую статью[112], посвященную такому, казалось бы, мелкому вопросу, как формирование стандарта клавиатур печатающих устройств. Когда в 1868 г. в США изобрели печатную машинку, то первоначально ее клавиши располагались в два ряда, на которых были последовательно изображены буквы от A до Z. Однако первые модели печатных машинок, выпускаемые с 1874 г. фирмой «Ремингтон», работали так, что при быстром последовательном нажатии на две соседние клавиши они цеплялись одна за другую, останавливая работу. Тогда изобрели другой вариант клавиатуры, где самые часто встречающиеся двухбуквенные комбинации были разнесены по разным краям. В середине 1870-х гг. появилась та самая QWERTY-клавиатура, которая довольно быстро стала всеобщим стандартом. Авторство QWERTY-стандарта приписывают тому же, кто изобрел саму печатную машинку, американцу К. Шоулзу. Таким образом, QWERTY-клавиатура появилась в силу временных и в общем случайных технических обстоятельств. Уже два десятилетия спустя печатные машинки были настолько усовершенствованы, что сцепление клавиш стало невозможным, но QWERTY-клавиатура так и осталась монопольным стандартом.

---

[110] Подробнее см.: Цаголов Н. А. К вопросу об экономическом содержании «крестьянской реформы» (Теоретические заметки).— Известия АН СССР, Отделение экономики и права. М., 1949, № 6. С.434.

[111] Строго говоря, такой упрощенный перевод не совсем правилен, поскольку он чреват упрощением сущности явления. Все в мире зависит от прошлого в том смысле, что ничто ни возникает из ничего. Смысл теории Path Dependency в том, что возможности выбора, который делается «здесь и сейчас», жестко детерминирован выбором, сделанным «где-то и когда-то раньше».

[112] David Paul A., 1985. Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review. 1985. Vol. 75. № 2.

Научное изучение оптимальных принципов расположения клавиш печатающих устройств привело к тому, что в 1936 г. А. Дворак, последователь тейлоризма, запатентовал принципиально новую раскладку клавиатуры. Хотя эксперименты показали, что клавиатура Дворака эффективнее QWERTY-клавиатуры на 20-40%, в массовое употребление новый стандарт так и не вошел. Высказывалось мнение, будто эти эксперименты были подтасованы, а потому преимущество клавиатуры Дворака перед клавиатурой Шоулза является мнимым[113] . Однако сторонники новой раскладки свидетельствуют, что после ее установки на компьютерах (технически это сделать сейчас довольно легко) через пару месяцев, когда пользователь полностью осваивает новую клавиатуру, скорость набора текстов действительно заметно возрастает. Самое интересное, что клавиатура Дворака тоже не является самой совершенной – были предложены и другие, еще более эффективные. Но, несмотря на все инновационные предложения, новые клавиатуры появляются только у немногих, абсолютное же большинство по-прежнему пользуется QWERTY-клавиатурой.

Заинтересовавшись проблемой, почему заведомо неэффективный стандарт умудряется сохранять свою монополию в течение полувека, П. Дэвид обнаружил еще более интригующие обстоятельства. Оказывается, уже в 1870-е гг. в Америке использовались весьма разнообразные схемы клавиш, в том числе и превосходившие QWERTY-стандарт. Однако затем это разнообразие исчезло, на рубеже XIX – XX вв. почти все производители перешли к клавиатурам типа QWERTY.

Свое объяснение загадки QWERTY П. Дэвид дал следующим образом[114]. Чтобы понять, что же произошло в последние десятилетия XIX в., «экономист должен обратить внимание на тот факт, что пишущие машинки начинали становиться элементом большой, довольно сложной производственной системы… Эта система включала как работающих на пишущих машинках операторов, так и механизмы машинописи, и поэтому в число принимающих решение агентов, помимо изготовителей и покупателей пишущих машинок, входили также машинистки, предлагавшие предпринимателям свою квалифицированную рабочую силу, а также разнообразные организации, частные и общественные, занимавшиеся обучением людей навыкам машинописи… Эта крупная производственная система не была чьим-либо проектом», она складывалась стихийно. Доминирование QWERTY объясняется тем, что сработали спонтанные эволюционные процессы «технической взаимосвязанности, экономии от масштаба и квази-необратимости инвестиций. Эти элементы образуют основу того, что можно назвать QWERTYномикой (QWERTY-nomics)».

Указанные П. Дэвидом факторы ведут к тому, что стихийно из множества конкурирующих стандартов побеждает какой-то один, и возврат к многообразию стандартов становится практически невозможным. Возникает необратимая обратная связь (feedback effect). Б. Артур назвал это явление «lock-in tendency»[115] что лучше всего перевести как «эффект блокировки»: происходят необратимые изменения только в одном направлении. Таким образом, неизбежна победа какого-то одного стандарта, но нет объективной закономерности в том, какой именно стандарт окажется победителем. Здесь огромную роль играет «историческая случайность», которая где-то в начале изучаемого процесса может определить всю последовательность дальнейших событий.

Следует учитывать, что в ситуации неопределенности очень велико значение ожиданий людей. «Специфическая система могла одержать победу над конкурентами просто потому, что покупатели ожидали этой победы, – писал П. Дэвид. – Таким образом, хотя раннее лидерство, приобретенное QWERTY-стандартом благодаря его изначальной ассоциации с Ремингтоном, было довольно шатким, но когда возросли ожидания его превосходства, это оказалось достаточной гарантией того, что в конечном счете победит именно QWERTY-стандарт». Рост же ожиданий может оказаться следствием весьма мелких событий. В истории с победой QWERTY-эффекта роль исто-

[113] Liebowitz S.J., Margolis S.E.. The Fable of the Keys // Journal of Law & Economics. Vol. XXXIII. 1990. April.

[114] David Paul A. Understanding the Economics of QWERTY: The Necessity of History // Economic History and the Modern Economist. Ed. by William N. Parker. N.Y., Basil Blackwell, 1986. P. 30-49.

[115] Arthur W. Brian.Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events // The Economic Journal. Vol. 99. No. 394. 1989. March. P. 116-131. (См. реферат: http://ie.boom.ru/Referat/Arthur/Arthur.htm). Arthur W.B.. Increasing Returns and Path Dependence in the Economy. Foreword by Kenneth J. Arrow. Univ. of Michigan Press, Ann Arbor. 1994

рической случайности, которая оказала решающее влияние на ожидания, сыграл, скорее всего, маркетинговый трюк, примененный производителями «ремингтонов». 25 июля 1888 г. в Цинциннати прошло показательное соревнование Ф. МакГарина с Л. Таубом: МакГарин печатал на «ремингтоне», а Тауб — на каллиграфе. На машинке победившего в состязании МакГарина была как раз QWERTY-клавиатура. МакГарин стал «героем дня», а рекламируемый им «ремингтон» с QWERTY-клавиатурой начал пользоваться огромной популярностью.

История победы QWERTY-клавиатуры над более эффективными стандартами может показаться в контексте глобальной экономической истории чем-то мало значимым. Однако изучение экономической истории технических стандартов, начатое после пионерных работ П. Дэвида и Б. Артура, показало необычайно широкое распространение QWERTY-эффектов едва ли не во всех отраслях. Поэтому вопрос о том, является ли на самом деле QWERTY-клавиатура худшей в сравнении с клавиатурой Дворака, или открытие QWERTY-эффекта произошло в результате неправильной интерпретации реальных исторических обстоятельств, уже совершенно не существенен[116].

Теоретически возможны два пути буржуазной аграрной эволюции: на базе помещичьего («прусский») или крестьянского хозяйства («американский»). Основное содержание первого— перерастание помещичьего крепостного хозяйства в буржуазное, а второго — превращение патриархального крестьянского хозяйства в капиталистическое фермерское. Прусский путь буржуазной аграрной эволюции, осуществляемый царским самодержавием в интересах помещиков, сделал кризис феодализма в России особенно затяжным и мучительным для десятков миллионов крестьян. Пережитки феодализма (помещичье землевладение, малоземелье крестьян и т. п.) просуществовали в России до начала XX в..

Использование институтов российской полуазиатской монархии для создания и укрепления капиталистических отношений предопределило не только прогрессивные, но и реакционные черты российского капитализма начала XX в. Развитие пореформенной России есть яркий пример периферийного капитализма, в котором сосуществовали самые многообразные переходные формы и отношения. На внешних рынках молодой российский капитализм столкнулся с сильной конкуренцией достаточно зрелого западноевропейского капитализма. А внутри страны его развитию препятствовали многочисленные феодальные и дофеодальные отношения и в экономической, и в политической структуре.

«Чтобы сломать барьеры застоя в отсталой стране, чтобы воспламенить воображение людей и направить их энергию на службу экономическому развитию, - писал А. Гершенкрон, - требуется более сильнодействующее средство, чем обещание лучшей аллокации ресурсов или даже более низких цен на хлеб. При таких условиях даже бизнесменам, даже классическим предпринимателям – рискующим и осуществляющим инновации – требуются более сильные стимулы, чем перспективы высоких прибылей»[117].

Сложность теоретического осмысления происходящих процессов, выработки правильной оценки развития усугублялась еще тем, что передовая русская интеллигенция хорошо видела обнажившиеся на Западе внутренние противоречия капиталистического развития. Уже основоположники русского крестьянского социализма, экономисты-народники, ломали голову над тем, как избежать "капиталистической язвы", как найти для России, особый, некапиталистический путь к социализму. В условиях неразвитости капиталистических отношений они обращали свои взоры к крестьянству, вольно или невольно идеализируя русскую патриархальную деревню. Однако в ходе развития капиталистического общества построения народников все более теряли реальную основу.

---

[116] Отражением широкой популярности этого нового подхода к экономической истории стало, например, мнение Пола Кругмана, профессора Массачусетского технологического института, который писал, что «и поколение спустя экономическая теория QWERTY все еще будет жизненно важной частью интеллектуальной традиции» (Krugman P., 1994).

[117] Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. В кн.: Истоки: экономика в контексте истории и культуры. М.: ГУ ВШЭ, 2004. С.442.

Революционная интеллигенция, разуверившись в российском крестьянстве и в тактике терроризма после убийства Александра II, хотела опереться на объективный социально-экономический процесс. Детерминистские элементы в учении Маркса поэтому сразу привлекли её внимание[118]. Российских читателей заинтересовала, прежде всего, характерная для автора «Капитала» цельность социального видения капиталистической экономической системы[119]. «Русский марксизм ждал освобождения от индустриального развития России, которого народничество как раз хотело избежать. Капиталистическая индустрия должна привести к образованию и развитию рабочего класса, который и есть класс освободитель. Поэтому марксисты стояли за пролетаризацию крестьянства, которой народники хотели не допустить»[120]. В этом их поддерживали легальные марксисты, для которых развитие промышленности и капитализма (а не изменение социально-классовой структуры общества) имело самодовлеющее значение.

Это не значит, что все идеи Маркса были восприняты без каких бы то ни было отклонений. Наоборот, многие из положений Маркса воспринимались довольно критически. Правда, это в основном была либеральная критика марксизма**.** В числе критиков были И.И.Кауфман (1848–1916), Л.А.Полонский (1833–1913), И.К. Бабст (1824–1881), Н.И. Зибер (1844–1888) и др. В 1890-х гг. появляются статьи Н.К.Михайловского (1842–1904) против марксизма. А позднее даже возникает российский “катедер-социализм” (И.И.Иванюков, А.И. Чупров, А.А.Исаев). Профессор политэкономии Московского университета, видный деятель партии кадетов и министр просвещения во временном правительстве А.А. Мануилов (1861–1919) писал, что во второй половине XIX в. наиболее авторитетными и популярными в России были Маркс и Рикардо, что за немногими исключениями все курсы политической экономии были построены на учениях этих экономистов, что особенностью русской экономической мысли того времени стала своеобразная рикардо - марксовская система.

Для завоевания на свою сторону интеллигенции марксистам необходимо было не только показать общие теоретические ошибки народников, но и на конкретном материале, с цифрами в руках, шаг за шагом раскрыть особенности развития капитализма в России. В этих условиях задача защиты марксизма перерастала в задачу конкретизации и дальнейшего развития марксистской теории на материалах страны "второго эшелона развития" капитализма, что и попытался сделать В. И. Ленин. В книге "Развитие капитализма в России" (1899 г.) он стремился доказать, что Россия уже в основном включена в капиталистическую систему хозяйства, что, соответственно, ставило на повестку дня вопрос о подготовке перехода к социализму как более высокоразвитой, по его мнению, общественной системе. Такая предвзятая задача потребовала от автора известных натяжек, например, стирания грани между развитием элементов мелкого товарного производства и собственно капиталистическим производством[121]. «Капиталистическая индустриализация под покровом социалистических идеологий, писал А. Гершенкрон, - может быть, при ближайшем рассмотрении представляет собой менее удивительное явление, чем кажется на первый взгляд… В условиях российской «абсолютной» отсталости для смазки интеллекту-

---

[118] «Первые русские марксисты очень любили говорить о развитии материальных производительных сил, как главной надежде и опоры. При этом их интересовало не столько само экономическое развитие России, как положительная цель и благо, сколько образование орудия революционной борьбы. Такова была революционная психология». Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М Наука 1990.С.79.

[119] « Не удивительно,- писал Й. А. Шумпетер,- что его немецкие и русские читатели – по аналогичной склонности (к философствованию – Р. Н.) и в силу схожего образования – ухватились, прежде всего, за эти аспекты его учения, сделав их ключевыми для всей системы». Шумпетер Й. А. Капитализм, социализм и демократия. М. :Экономика. 1995. С.40.

[120] Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М Наука 1990.С.79.

[121] Нуреев Р. М. "Развитие капитализма в России" – первый ленинский шаг от схематизма к реальности (возвращаясь к напечатанному) // В кн.: "Развитие капитализма в России": 100 лет спустя. М. – Волгоград, 1999. С. 87 – 112.

альных и эмоциональных колёс индустриализации требовалась гораздо более сильная идеология, чем даже во Франции и Германии»[122].

Итак, каковы же плюсы и минусы раннего распространения марксизма в России?

Распространение марксизма в Российской империи “вширь” произошло в гораздо большей степени, чем это позволяли внутренние экономические, социальные или культурные условия. Но та же российская действительность сталатормозом для распространения марксизма в России “вглубь”, для его развития в целостной и адекватной первоисточнику форме.

В XX век Россия вошла, имея уже сравнительно длительную, но не глубокую традицию марксизма. Действительно настоящие, последовательные марксисты, овладевшие марксизмом не как набором догм, а марксизмом как творчески развивающимся учением, адекватно понимающие его методологию и теорию, исчислялись в России единицами. Преобладали же в России совершенно неадекватные первоисточнику, извращенные формы марксизма. Это не помешало, однако, русским большевикам перейти в 1917 году от теории к практике, к реальному воплощению квазимарксистских идей на 1/6 части земного шара. Это произошло в результате своеобразной русификации марксизма.

Большевики для этого творчески «развили» Маркса, который фактически создал настоящий миф о пролетариате и его исторической роли в освобождении человечества. Именно этот миф и получил дальнейшее развитие на российской почве в трудах большевиков, и прежде всего В. И. Ленина. Дело в том, что пролетариат в России рос не так быстро, как хотелось большевикам. Получалось, что если освобождение рабочих будет делом рук самих же рабочих (как считал, например, Г. В. Плеханов) ждать придётся довольно долго. В этих условиях Ленин создаёт учение о партии нового типа, в котором происходит соединение марксизма с традициями русской революционности и революционный волюнтаризм приходит на смену его книжно-кабинетному истолкованию. Фактически обосновывается пролетарская революция в крестьянской стране, где мессианскую роль пролетариата выполняет хорошо организованная кучка революционеров, выступающая «от его имени и по его поручению». «Ленин, - писал Н. А. Бердяев, - вернулся по-новому к старой традиции русской революционной мысли. Он провозгласил, что промышленная отсталость России, зачаточный характер капитализма есть великое преимущество социальной революции. Не придётся иметь дело с сильной, организованной буржуазией. Тут Ленин принужден был повторить то, что говорил Ткачёв, а отнюдь не то, что говорил Энгельс. Большевизм гораздо более традиционен, чем это принято думать, он согласен со своеобразием русского исторического процесса. Произошла русификация и ориентализация марксизма»[123]

Позже, когда большевики стали правителями России, они на собственном горьком опыте убедились, что им приходится ставить эксперимент в стране даже не "среднеслабого", а просто слабого развития капиталистических отношений. Тем самым они попутно дали окончательную оценку результатам "путешествия" России во втором эшелоне развития капитализма: к началу XX в. страна не решила еще основных задач промышленной революции, с которыми страны первого эшелона справились уже к середине XIX в. Такой плачевный результат привел к кризису веры в прогрессивные потенции российского капитализма как такового. Образно выражаясь, Россия вышла из слишком тихоходного второго эшелона и попыталась "на полустаночке" административно-командной системы пересесть на другой состав – на "бронепоезд" альтернативной ("большевистской") модернизации.

---

[122] Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. В кн.: Истоки: экономика в контексте истории и культуры. М.: ГУ ВШЭ, 2004. С.443.

[123] Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М Наука 1990.С.89. Подробнее о традициях русской революционной мысли и предпосылках этой эволюции марксизма см.: Водолазов Г. Г. От Чернышевского к Плеханову. М.: Изд-во МГУ.1967.

1.3 "На полустаночке" административно-командной системы.

Альтернативная модернизация – это попытка решать те же задачи, которые решали страны первого и второго эшелонов развития капитализма, но диаметрально иными методами –не путем развития рыночного механизма, а полной его заменой механизмом директивного управления. Программа модернизации экономики России родилась не только и не столько из теоретических размышлений, сколько из повседневной хозяйственной практики "большевистского эксперимента".

1.3.1 Становление административно-плановой системы.

Важную роль в становлении авторитарно-бюрократического строя в СССР сыграл "военный коммунизм". "Военный коммунизм" представлял собой попытку применения в интересах победившего пролетариата отдельных форм государственно-монополистического регулирования в стране "средне-слабого" капитализма. Великая Октябрьская революция создала условия для формального обобществления производства: замены частной собственности на средства производства государственной и ведения производства по общему плану в интересах всего общества. В экстремальных условиях, созданных первой мировой и гражданской войнами, стала необходима централизованная продовольственная диктатура. Согласно Декрету о продразверстке, мелкие крестьянские хозяйства должны были сдавать государству так называемые "излишки"- первоначально то, что превышало 12 пудов зерна на едока, необходимых для посева и еды. Позднее, правда, к "излишкам" была отнесена и значительная часть необходимого продукта. Наркомпрод осуществлял распределение собранного продовольствия и сельскохозяйственного сырья по губерниям в соответствии с их потребностями (точнее, исходя из ресурсов и информации об этих потребностях).

Второй характерной чертой "военного коммунизма" была милитаризация труда. Объектом мобилизации было все взрослое население страны: мужчины в возрасте от 18 до 40. Детский труд (с 14 лет) использовался как исключение. Женщины, имеющие четырех и более детей, были освобождены от всеобщей трудовой повинности. Мобилизация, подобно призыву в армию, осуществлялась по годам рождения через биржи труда и специальные агентства. Эти учреждения занимались регистрацией и распределением работников в соответствии с указаниями Главкомтруда. Существовала единая тарифная сетка оплаты труда, в соответствии с которой все трудящиеся были разбиты на 35 разрядов. Недостаточный размер трудового пайка и ненадежность снабжения им способствовали широкому развития дезертирства. На IX съезде РКП(б) Л.Д. Троцкий отмечал, что из 1.150 тыс. рабочих, занятых в важнейших отраслях промышленности, 300 тыс. дезертировали.[124] Меры борьбы с уклоняющимися от трудовой повинности и дезертирами были достаточно суровы, отражая законы военного времени. Тем не менее процессы эти приостановить не удалось, так как заработная плата, по данным Наркомтруда, обеспечивала лишь 50% физиологического минимума в Москве и только 23%- в других городах.[125] Сводить концы с концами рабочим помогал нелегальный рыночный сектор. Дихотомия натуральной в своей основе государственной централизованной экономики и запрещенного партикулярного, рассеянного рынка сложилась уже на заре советской власти, в эпоху "военного коммунизма". Она, как мы увидим позднее, станет характерной чертой государственно-бюрократического социализма.

Политика НЭПа способствовала возрождению рыночных отношений, однако пример "военного коммунизма" не прошел бесследно. Ведь именно в этот период рабочий

---

[124] Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М., Гсополитиздат, 1960, с. 93.
[125] Кульминация "военного коммунизма". – ЭКО, 1989, № 1, с. 172.

контроль и учет впервые перерос в систему государственного регулирования производства, произошло создание основ будущей иерархической системы управления. Практика "военного коммунизма" показала чрезвычайные возможности административно-командных методов управления. Их первоначально пропагандировал Л.Д. Троцкий и фактически взял на вооружение И.В. Сталин. В период форсированной индустриализации и сплошной коллективизации происходит формирование административно-командной системы.

В конце 20-х годов началось чрезмерное (не основанное на реальном уровне обобществления производства) огосударствление экономики. Вытеснение частного сектора осуществлялось не столько экономическими, сколько внеэкономическими мерами. "Чрезвычайные меры становились не исключением, а правилом, способствуя формированию административно-командной системы. Стихийные рыночные механизмы, казалось, слишком медленно создают условия для нового общества. Революционное нетерпение молодого рабочего класса было умело использовано И.В. Сталиным и его ближайшим окружением. Псевдореволюционные призывы, авантюристические обещания построить светлое социалистическое общество всего за несколько лет упорного труда сделали свое дело.

В действительности же попытки повысить темпы роста усилили диспропорции в экономике и способствовали падению темпов роста развития и началу омертвления огромных средств в незавершенном производстве.

Насилие по отношению к сельскому хозяйству вело к падению валовых сборов и урожайности зерновых и технических культур, к резкому сокращению производства продукции животноводства и поголовья скота.

В период форсированной индустриализации и сплошной коллективизации осуществляется второе (после "военного коммунизма") насильственное свертывание товарно-денежных отношений. Планомерная форма ведения хозяйства отрицает товарную. Однако такое отрицание предполагает, что товарная уже полностью исчерпала свои возможности и заложенные в ней потенции. К сожалению, в конце 20-х годов это было далеко не так. Фактически свертывание товарно-денежных отношений сопровождалось не только развитием планомерной формы, но и частичной натурализацией экономики. Возникла такая своеобразная система, которую А.А. Богданов удачно назвал "объединенным натуральным хозяйством"[126]. Функции экономического координатора в этой системе объективно должен взять на себя государственный аппарат. Роль его по отношению к обществу неизмеримо возрастала, что объективно дает повод для аналогии с азиатским способом производства. Проведение сплошной коллективизации привело к резкому снижению сельскохозяйственного производства (см. таблицу 1-8). Фактически первая пятилетка была более или менее выполнена лишь по одному показателю – размеру посевных площадей зерновых. Все качественные показатели выполнены не были. Особенно большой урон был нанесён животноводству. Поголовье крупного рогатого скота сократилось на треть, а мелкого – в 2 раза. В результате, резко сократилось производство мяса, молока и яиц.

Таблица 1-8.

Сельскохозяйственное производство в 1-ой пятилетке

	1928	**1932/33 (по 5-лет. Плану)**	**1932**
Все посевные площади, млн. га	**113**	**141,3**	**134,4**
в т.ч. посевные площади зерновых, млн. га	92,2	111,4	99,7
Валовый сбор, млн. т.			
зерновых	73,3	105,8	69,9
хлопка-сырца	0,79	1,91	1,27
сахарной свеклы	10,1		6,6

[126] См.: Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Т. 1.4. Изд. М.-Л., Госиздат, 1925. С. 18.

Урожайность, ц/га			
зерновых	7,9	Повысить на 35%	7
сахарной свеклы	132		43
хлопчатника	8,1		5,9
льноволокна	2,4		2
картофеля	82		71
овощей	132		79
Поголовье скота, млн. голов			
лошади	32,1	около 38	21,7
крупный рогатый скот	60,1	80,9	38,3
в т.ч. Коровы	29,3	35,5	22,3
свиньи	22	34,8	10,9
овцы	97,3		43,8
Производство			
мясо, млн. т.	4,9		2,8
молоко, млн. т.	31		20,6
шерсть, тыс. т.	182		69
яйца, млрд. шт.	10,8		4,4

Составлено по: ???

Директивное планирование фактически оказалось возрождением (на государственном уровне!) натуральных форм ведения хозяйства при значительном ограничении и существенной деформации рыночных отношений. Естественно, что возникший симбиоз не был простым воспроизведением ни натуральных форм регулирования экономики, типичных для азиатского способа производства, ни рыночных отношений, характерных для простого товарного хозяйства. Иным был уровень экономического развития. Тем не менее не следует забывать, что в переходный период политика приобретает известную самостоятельность, роль субъективного фактора возрастает. До известных пределов она может "абстрагироваться" от экономических закономерностей, диктуемых производственным базисом. Она в определенной мере сама оказывается творцом условий своего существования и воспроизводства. Неудивительно поэтому, что политические авантюристы, игнорирующие существующую в стране материально-техническую базу, могут принимать отнюдь не оптимальные решения и приводить в жизнь далеко не самую эффективную, с экономической точки зрения, политику. Ошибочность принятых программ обнаруживается при этом далеко не сразу.

Новоявленная авторитарная власть находит опору в жестком централизме и мелочном администрировании. Разрушению товарных связей способствовала как внешняя обстановка (капиталистическое окружение), так и внутренняя (необходимость создания собственной тяжелой индустрии как базы оборонной промышленности). Функция контроля и учета за общественным производством трансформируется в функцию организации и планирования развития системы в целом. Государственный аппарат регулирует связи между отдельными ячейками производства, определяет, какую часть находящегося в его распоряжении рабочего времени необходимо затратить на удовлетворение той или иной общественной потребности. Не закон стоимости, а планирующие органы государства решают, что, каким образом и в каких размерах производить, кому, когда и где потреблять. С ростом народнохозяйственного организма, однако, эта задача все более и более усложняется, происходит снижение качества составляемых балансов, падение темпов роста.

Для командно-административной системы характерна крайняя негибкость в принятии и исполнении решений. Механизм адаптации к новым условиям крайне несовершенен, быстрая реакция возможна только в условиях крайней опасности. По существу,

управление происходит по принципу, описанному еще в 20-е годы Л.Н. Крицманом и названному им "ударный нос и неударный хвост". "... К чему сводится наше "ударное" хозяйничанье? - писал Л.Н. Крицман. - Какая-нибудь отрасль труда объявляется ударной. "Все на имярек". Дело идет на лад. Но тут же, как только или еще до того, как с большими усилиями удается вытащить "ударный" нос, обнаруживается, что увяз "неударный" хвост. Хвост немедленно объявляется ударным, и история начинается с начала"[127].

Действительно, первоначально планирование осуществлялось на основе отраслевых проектировок. Определялись задания по важнейшим отраслям тяжелой промышленности (производству чугуна, стали, проката, электроэнергии и т.д.), и для их развития выделялись основные имеющиеся ресурсы. На удовлетворение нужд других отраслей шло то, что оставалось после решения первоочередных задач. По существу, довоенные и первые послевоенные пятилетки не были полностью сбалансированы и всегда содержали частичные диспропорции. Лишь в 60-70-е годы происходит переход к комплексному многовариантному планированию. Однако теперь на передний план выходят новые проблемы, возникшие с ростом масштабов народного хозяйства. В начале 80-х годов Госплан составлял более 2000 балансов, имевших около 50 тыс. позиций. В стране производилось более 12 млн. наименований продуктов труда. В этих условиях балансы приобретают все более обобщенный характер, происходит понижение качества согласования производства и распределения видов продуктов. К этому добавляется противоречие между продуктовой и отраслевой классификацией, которое не решает и межотраслевой баланс. При планировании от достигнутого межотраслевой баланс фактически основывается на нормах затрат предыдущих лет. Отражая устаревшие технические коэффициенты, межотраслевой баланс, составляемый Госпланом, оказывается хронически консервативным.

Таблица 1-9.

Производство некоторых видов промышленной продукции в натуральном выражении 1975-1989 гг., млн. т

	1975	1980	1985	1989
Нефть, включая газовый конденсат	491	603	595	607
Уголь	701	716	726	740
Сталь	141	148	155	160
Прокат черных металлов	115	118	128	136
Железная руда	235	245	248	241
Цемент	122	125	131	140

Составлено по: *Народное хозяйство в СССР в 1980 г. М., Финансы и статистика, 1981. С. 156-159, 178; СССР в цифрах в 1989 году. М. 1990. С. 217, 221.*

Плановое хозяйство становится чрезвычайно громоздким и неповоротливым. В начале 80-х годов число ежегодно составляемых плановых показателей оценивалось в огромную величину-2,7-3,6 млрд., в том числе в центре утверждалось порядка 2,7-3,5 млн.[128] Большая часть этих показателей (до 70%) приходилась на распределение материалов и планирование поставок.

Таблица 1-10.

Среднегодовой валовой сбор сельскохозяйственных культур (во всех категориях хозяйства) в 1976-1989 гг., млн. т.

	1976-1980	1981-1985	1986-1989
Зерно	205	180,3	206,9
Хлопок-сырец	8,55	8,31	8,39
Сахарная свекла (фабричная)	88,7	76,4	88,9
Льноволокно, тыс. т	393	377	367

[127] Крицман Л. О едином хозяйственном плане. М., Госиздат, 1921. С. 6.
[128] См.: Ноув А. Чему учит советский опыт, или вопросы без ответов ЭКО, 1990, № 4. С. 49.

Картофель	82,6	78,4	74,4
Овощи	26,3	29,2	29,2

Составлено по: "СССР в цифрах в 1989 году". С. 235.

Любые технические нововведения, естественно, предполагают изменение ресурсного обеспечения, направления движения новой продукции, установления новых хозяйственных связей. Чем кардинальнее изобретение, тем сильнее логика сложившейся структуры. Административно-плановая система воспринимает их с большим опозданием и достаточно болезненно, будучи ориентированной фактически на простое воспроизводство. Естественно поэтому, что растет срок службы оборудования, постоянно снижается фондоотдача. Средний срок службы оборудования составлял в отечественной промышленности 26 лет в 1989 году, превышая более чем в 2 раза существовавший официальный норматив. Фондоотдача снизилась с 1,29 в 1980-м году до 1,03 в 1989 году.[129] Неудивительно, что происходило постоянное снижение темпов среднегодового прироста произведенного национального дохода. Если в 1976-1980 годах они составляли 4,3%, то в 1981-1985-3,2%, а в 1986-1989 - всего лишь 2,7%.[130] Однако, если элиминировать ценовой фактор и обратиться к натуральным показателям, то станет ясно, что действительные темпы роста были еще более скромными[131].

Это наглядно видно, если проанализировать не стоимостные, а натуральные показатели. Даже официальная статистика не в состоянии была скрыть застой, который царил в основных отраслях промышленности (см. таблицу 1-9). Ещё в большей степени это было характерно для сельского хозяйства, где среднегодовой валовой сбор сельскохозяйственных культур колебался в 70-е – 80-е гг. вокруг одного и того же уровня (см. таблицу 1-10).

Торможению экономического развития способствовала и монополизация производства.

1.3.2 Монополизация производства.

Процесс монополизации экономики начался уже в ходе форсированной индустриализации. Ее характерными чертами были широкое использование ручного труда, универсальной техники, опора на новое строительство.

Основным ресурсом был малоквалифицированный ручной труд, возникший в результате перелива трудовых ресурсов из деревни в город. Бывшие крестьяне и ремесленники быстро пополняли ряды рабочего класса. Этот фактор восполнял недостаток других ресурсов и определил особенности их использования. В частности, его приходилось учитывать при внедрении новой техники. Первичная индустриализация должна была широко использовать прежде всего такую технику, на которой могли работать привыкшие к простому физическому труду бывшие крестьяне. Этим условиям удовлетворяло универсальное оборудование. Оно предъявляло сравнительно невысокие требования к качеству рабочей силы и используемого сырья. Универсальное оборудование создавало предпосылки для массового производства ограниченного числа стандартных изделий.

Индустриализация в СССР, как и во многих отстававших странах была направлена на преимущественное развитие первого подразделения, стремление создать прежде всего группу отраслей тяжелой индустрии, как основу собственного машиностроения, собственной оборонной промышленности. В этих условиях наибольшее развитие получила не реконструкция существующих мощностей, а новое строительство. Оно было тем более необходимо, так как многие из создаваемых отраслей практически отсутствовали в царской России.

---

[129] СССР в цифрах в 1989 году. М., Финансы и статистика, 1990. С. 165, 200.
[130] Там же. С. 11.
[131] Подробнее см. Экономические субъекты в постсоветской России (институциональный анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева . М.: МОНФ, 2001, с.760-765.

Широкий внутренний рынок и отсутствие конкуренции со стороны развитых капиталистических стран способствовали ориентации промышленности на внедрение универсальных технологий. Акцент делался на количестве, а не на качестве выпускаемых изделий. В самих технологиях не были заложены предпосылки для постоянного обновления выпускаемой продукции. Новые заводы и фабрики создавались как крупные предприятия-гиганты, монополисты в соответствующих отраслях и подотраслях.

Гигантомания имела свои причины. Она была продиктована не только общей ориентацией на будущее коммунистическое общество, предпочтением завтрашнего дня сегодняшнему. В этом сказывалось и стремление реализовать экономические преимущества крупного производства над мелким. Учесть потребности крупного производства было легче и в народнохозяйственном планировании. Наконец, немаловажным обстоятельством было и то, что крупномасштабное строительство всегда было заметно "сверху", могло быть по достоинству оценено вышестоящим начальством.

Отрицательные последствия гигантомании не заставили себя долго ждать. Ориентация на крупное производство не учитывала местные и региональные потребности, которые могли быть более эффективно удовлетворены мелкими и средними предприятиями. Недооценка мелкой механизации препятствовала повышению эффективности общественного труда. Создание предприятий-гигантов, не считающихся с интересами районов, областей и целых республик, обостряло проблему сочетания территориального и отраслевого развития. Игнорирование местных и национальных потребностей способствовало углублению дефицита товаров. Длительный период строительства заводов-гигантов, медленные сроки их окупаемости стали одной из важных причин инфляции. Ее углублению способствовала также ориентация на строительство предприятий первого подразделения. Неудивительно, Что высокая монополизация производства затормозила в дальнейшем технический прогресс. Монопольные условия производства заводов-гигантов не ставили их перед необходимостью быстрого обновления выпускаемой продукции. Трудности, с которыми столкнулись предприятия, были иного рода - они были связаны не с проблемой реализации вышеуказанной продукции, а с проблемой обеспечения этого выпуска необходимыми ресурсами: сырьем и комплектующими изделиями.

Трудности материально-технического снабжения отражаются на функционировании государственных предприятий, возникает такое парадоксальное явление, когда в условиях углубляющегося разделения труда внутри каждого из предприятий нарастают натурально-хозяйственные тенденции. Это выражается в том, что основное производство обрастает комплексом дополнительных и вспомогательных производств, помогающих ему преодолеть (до известных пределов) проблемы материально-технического снабжения, снять остроту обеспечения рабочих продуктами питания. В результате многие предприятия предпочитают универсальное оборудование специализированному, что приводит к росту затрат при более низком качестве продукции. Происходит как бы "вторичная" универсализация производства. Увеличение вспомогательных служб и производств способствует разбуханию ремонтной базы, росту ручного и изменению характера инженерного труда. Главной функцией последнего становится обеспечение производства сырьем и материалами, а не разработка и внедрение новой техники. Текущие задачи по снабжению и оперативному управлению вытесняют перспективные, связанные с научно-техническим прогрессом. Неритмичность поставок ведет к возрастанию сверхнормативных запасов, достигших к концу 1980-х годов 500 млрд. руб. Сверхнормативные запасы являются не только фактором, обеспечивающим ритмичность производства в условиях несбалансированной экономики, но и ресурсом, который можно обменять на дефицитные средства производства. Развивается бартер.

Высокая монополизация была характерна для целых отраслей, что не могло не отразиться и на интересах управляющих ими министерств и ведомств. По мере укрепления их положения они приобретают свои самостоятельные интересы, нередко значительно от-

личающиеся от интересов как производителей, так и потребителей, общества в целом. Особенно наглядно это проявляется в торможении научно-технического прогресса.

Главными причинами торможения НТП являются: 1) монопольный характер отраслевого производства; 2) слабая связь госбюджетного финансирования с конечными результатами деятельности научно-исследовательских и проектных организаций; 3) отсутствие экономической ответственности со стороны министерств и ведомств за деятельность подчиненных им отраслевых НИИ и т.д. В обществе не сложился экономический механизм воспроизводства, основанный на оперативном внедрении достижений научно-технического прогресса. Инициатива идет, как правило, не "снизу", а "сверху". Это приводит к тому, что нередко внедряются далеко не оптимальные варианты.

При чрезмерном огосударствлении экономики отсутствует реальный потребитель, экономически заинтересованный и материально ответственный за внедрение достижений научно-технического прогресса в производстве. В условиях административной системы управления сферой НИОКР растет число работ, удовлетворяющих текущие интересы вышестоящих организаций в ущерб разработке приоритетных направлений в развитии науки и техники. Ускорению НТП препятствует сохраняющаяся многоступенчатость и сложность принятия ответственных управленческих решений, чрезмерная длительность согласования с другими министерствами и ведомствами межотраслевых проблем, возникающих в ходе изготовления новой техники. В результате 85% внедренных изобретений существует лишь в рамках одного предприятия, 14,5% на двух и только 0,5% изобретений внедрены на 3-5 предприятиях.[132]

Многие предприятия и не заинтересованы в распространении тех достижений, которые позволяют им получать монопольные сверхприбыли. Торможение технического прогресса и сознательное ограничение производства (с тем, чтобы получить напряженный план) закономерно рождает экономику дефицита.

1.3.3 Экономика дефицита и ее тень.

Дефицитная экономика - характерная черта директивного планирования. В условиях административно-командной системы спрос ограничен не наличной денежной массой, а государственной системой централизованного распределения. В этих условиях постоянно возникает дефицит отдельных товаров и услуг. Дефицит означает, что потребители не могут приобрести нужную им продукцию, несмотря на наличие денег. Парадокс заключается в том, что дефицит возникает в условиях всеобщей занятости и почти полной загрузки производства.

Дефицит является результатом абсолютизации политики ускоренного экономического роста, когда главной целью было "догнать и перегнать" развитые капиталистические страны (прежде всего, в сфере военного производства). Такая ориентация экономического развития способствовала глубокой деформации общественных потребностей, постоянному недопроизводству тех или иных товаров народного потребления. К тому же по мере разрастания авторитарно-бюрократической системы и усложнения хозяйственных связей практически невозможно учесть из центра все потребности в отраслевом и региональном аспектах. К этому следует добавить недостатки директивного планирования, замедленность его "реакции" на изменение научно-технического прогресса, моды и других обстоятельств нашей быстротекущей жизни. К тому же удобная для директивного планирования государственная система постоянных цен лишала их необходимой гибкости. Существующие цены уже фактически не отражали ни величину общественно-необходимых затрат, ни величину общественной потребности.

---

[132] См.: Соловьев А. Экономические и организационные условия внедрения новой техники в производство. Плановое хозяйство. 1987, № 12. С. 65.

С течением времени дефицит неизбежно приводит к ухудшению качества продукции. Поясним это на простом примере. Допустим, что государство установило цены на рынке колбасы на уровне P, что ниже равновесного уровня P_e (см. рис. 1-10). В этом случае образуется дефицит, равный разнице между спросом покупателей и возможностями продавцов Q_2-Q_1 . Стремясь сократить разрыв государство даёт новое плановое задание по увеличению производства колбасы. Однако, не имея соответствующих мясных ресурсов, производителям не остаётся ничего как попытаться увеличить производство за счёт добавления в колбасу разного рода не мясных ингредиентов. Так, согласно официально утверждённому в СССР ГОСТу, колбасные изделия могли содержать до 35% не мясных продуктов: жиры, крахмал, воду и т.д. и т.п.

Увеличение производства приводит к сдвигу кривой предложения вправо вниз из положения S в положение S_1. Однако покупатели довольно скоро определят, что новая партия произведённой колбасы уступает ранее сложившимся (и ставших уже привычными) стандартам. Это неизбежно приведёт к уменьшению спроса и сдвигу кривой спроса влево вниз из положения D в положение D_1. Дефицит сократится, однако, не исчезнет совсем и для его исчезновения потребуются новые шаги, направленные на дальнейшую фальсификацию продукции. Теоретически возможна даже ликвидация дефицита в точке пересечения кривой спроса D_2 и кривой предложения S_2.Это своеобразная точка квази оптимума: ведь такое решение проблемы произошло на пути снижения спроса, вызванного ухудшением качества продукции.

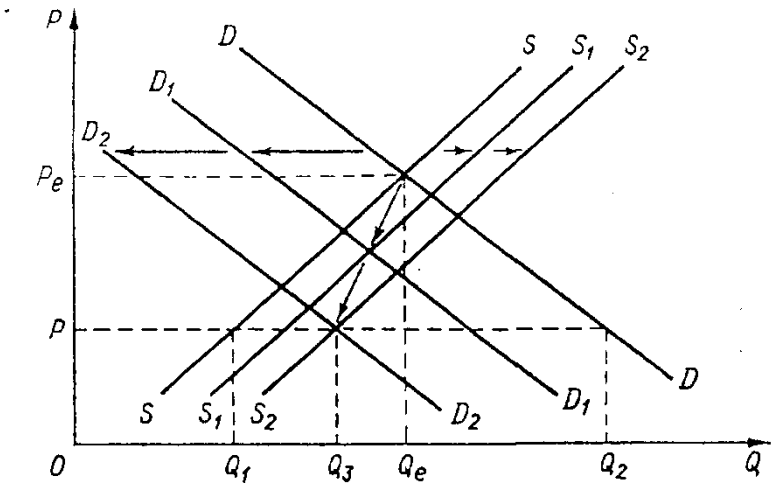


Рис. 1-10. Дефицит и качество.

Источник: *В.М. Гальперин, С.М. Игнатьев, В.И. Моргунов Микроэкономика, СПб.: «Экономическая школа», 1994, С. 227*

Формы дефицита в условиях административно-командной системы многообразны. Существует товарный дефицит на предметы потребления и средства производства. Ликвидация дефицита какого-либо товара обычно порождает целую вереницу других. Рыночная экономика, как известно, быстро реагирует на возникновение дефицита ростом цен. Повышение цен делает более рентабельным, более прибыльным производство данного товара, что способствует переливу капитала и труда в эту отрасль. Такой автоматический перелив факторов производства в условиях жестко централизованной системы огосударствленной экономики невозможен, так как все ресурсы распланированы заранее и распределены "сверху". Пока административно - командная система перераспределит ресурсы, пройдет значительное время и, возможно, острая потребность в этом товаре уже исчезнет. Однако возникнет новая, для удовлетворения которой снова потребуется значительный временный лаг.

Другой стороной дефицита является дефицит трудовых ресурсов, связанный с нерациональностью использования рабочей силы, отсутствием действенных стимулов к производительному труду, его низкой эффективностью и недостаточной мобильностью.

Наконец, существует дефицит финансовых ресурсов. Его причинами являются как неоптимальное финансирование, так и нерациональное использование выделенных госбюджетом финансовых средств, невозможность использовать их для финансирования других программ. Целевой характер финансирования и строгий контроль за использованием выделенных средств не позволяют гибко использовать имеющиеся ресурсы. Существовавшая система финансирования фактически не стимулировала и экономию уже выделенных средств. Значительная экономия в данном году могла стать основанием для сокращения финансовых средств в будущем году.

В условиях административно-командной системы возникает теневая экономика как своеобразная тень экономики дефицита. Теневая экономика это совокупность нерегламентированных государством, неучтенных, а нередко и противоправных экономических процессов, закономерно возникающих в условиях несовершенного директивного планирования.

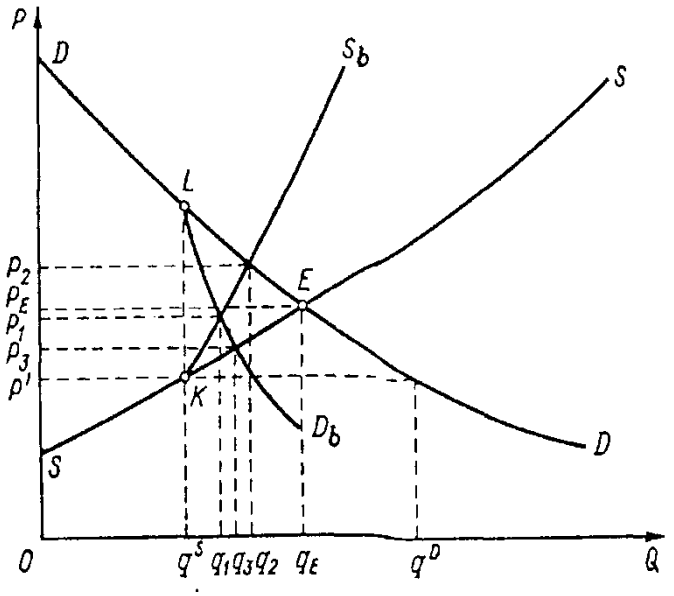


Рис. 1-11.Теневой (нелегальный) рынок.

Источник: *В.М. Гальперин, С.М. Игнатьев, В.И. Моргунов Микроэкономика, СПб.: «Экономическая школа», 1994, С. 218*

Проиллюстрируем механизм ценообразования на теневом (нелегальном) рынке. Предположим, что государство устанавливает потолок цен, в результате которого образуется товарный дефицит. Обозначим через Р' – фиксированную государством цену (см. рис. 1-11). В результате могут возникнуть кривые нелегального рынка. Поскольку они связаны с риском наказания за нелегальную деятельность, то, как правило менее эластичны, чем обычные кривые спроса и предложения, так как отнюдь не все граждане готовы рисковать своим положением и репутацией из-за участия в противоправных действиях.

Если основной риск в этой теневой деятельности несут продавцы, то кривая теневого предложения будет отклоняться от обычной кривой предложения влево вверх: KSb. В этом случае цена теневого рынка установится на уровне P_2 и будет продано q_2 .

Если основной риск в этой теневой деятельности несут покупатели, то кривая теневого спроса будет отклоняться от обычной кривой спроса влево вниз: LDb. В этом случае цена теневого рынка установится на уровне P_3 и будет продано q_3 .

В случае, когда рискуют и покупатель, и продавец, цена установится на уровне P_1 и $q_1 - q^S$ –составит объем продаж теневого рынка. Эта простая модель наглядно показывает, что теневой рынок, безусловно способствовал сокращению дефицита, своими нелегальными мерами способствуя, с одной стороны, приближению спроса к предложению, и предложения к спросу, с другой.

В рамках теневой экономики обычно выделяют: 1) неформальную экономику; 2) фиктивную экономику; 3) "вторую" экономику; 4) "черную" экономику[133].

Неформальная экономика связана с не включенными в план и нерегламентированными центральными органами хозяйственными связями между субъектами производственных отношений. Сюда, например, относится прямой продуктообмен средствами производства между отдельными предприятиями.

Фиктивная экономика включает деятельность, связанную с нарушением или фальсификацией хозяйственной отчетности, выпуском продукции, отличающейся от установленных норм и стандартов, различными приписками6 позволяющими получать нетрудовые доходы.

Под "второй" экономикой обычно понимают экономическую деятельность, протекающую вне государственного и колхозно-кооперативного секторов. Сюда относятся индивидуально трудовая деятельность, в которой в 1989 г. было занято около 700 тыс. человек, а также кооперативы, в которых уже работают свыше 4,8 млн. человек. Указанные формы составляют, однако, лишь небольшую, легализованную, часть "второй" экономики, которая учитывается государством и облагается налогом.

"Черная" экономика обозначает незаконную производственную деятельность, которая всегда существовала в недрах административно-командной системы.

Следует подчеркнуть "азиатские" черты теневой экономики. Теневая экономика-это не свободное предпринимательство в чистом виде, она возникает в порах авторитарно-бюрократического строя и обслуживает его потребности, удовлетворяет его интересы. Ее целью является спекулятивная прибыль на базе экономики дефицита, предпосылкой - существование бюрократической системы. Она стремится к созданию монопольных условий для своей деятельности и потому невольно напоминает ростовщичество в недрах азиатского способа производства. Для нее действительно характерны предкапиталистические черты. По- существу, она очень близка природе социально-экономического явления, которое Э.Ю. Соловьев назвал "торгашеским феодализмом"[134].

1.3.4 Взлет и упадок советской бюрократии.

После 1917 года традиции власти-собственности отнюдь не умерли, наоборот, они получили своеобразное подкрепление со стороны коммунистической идеологии, отрицающей частно-собственническое начало и абсолютизирующей коллективистские традиции. В условиях крайне низкого развития гражданского общества политика получила первенство перед экономикой.

В конце 1920-х годов в СССР окончился нэповский эксперимент по созданию своего рода смешанной экономики и началось целенаправленное тотальное огосударствление экономики. Общепризнанно, что сталинский «великий перелом» хотя и имел известные объективные основания, но привел к явно чрезмерному (не основанному на реальном уровне развития экономики) огосударствлению. Вытеснение частного сектора, которое осуществлялось не столько экономическими, сколько внеэкономическими мерами, завершилось практически абсолютным доминированием государственного сектора, очень высоким даже по сравнению с другими социалистическими странами (табл. 1-11).

---

[133] Подробнее см.: Головнин С., Шохин А. Теневая экономика: за реализм оценок // Коммунист, 1990, №1.

[134] Подробнее см.: Соловьев Э.Ю. Непобежденный еретик: Мартин Лютер и его время. М., 1984. С. 40-45, 85-88.

Гиперцентрализм закономерно способствует росту бюрократического аппарата. В условиях натурализации экономики и сильной деформации товарно-денежных отношений развивается система вертикальной ответственности. Так называемый демократический социализм быстро перерождается в авторитарный. Руководители более низкого ранга назначаются вышестоящими чиновниками и не несут ответственности перед работниками тех ведомств, организаций и учреждений, которыми руководят. Власть для народа эволюционировала не во власть народа, а во власть бюрократии от имени народа. Быстро разрушается, так и не успев полностью сформироваться, механизм подчинения центра воле трудящихся. Такой механизм, по мысли Ленина, должен был осуществляться через партию, профсоюзы, Советы и другие органы представительской власти, опираться на инициативу масс[135]. Ликвидация "старой гвардии" в партии, огосударствление профсоюзов и лишение Советов реальной власти парализовали обратную связь, постепенно превратив демократию в фикцию.

Основой разраставшегося бюрократического аппарата была монополизация роли в иерархическом разделении общественного труда. Для советской бюрократии, как и для бюрократии вообще, характерны стремление ускорить ход дела административными методами, абсолютизация формы в ущерб содержанию, принесение стратегии в жертву тактике, подчинение цели организации задачам ее сохранения. "Бюрократия, - писал К. Маркс, - считает самое себя конечной целью государства. Так как бюрократия делает свои "формальные" цели своим содержанием, то она всюду вступает в конфликт с "реальными" целями. Она вынуждена поэтому выдавать формальное за содержание, а содержание - за нечто формальное. Государственные задачи превращаются в канцелярские задачи, или канцелярские задачи - в государственные"[136].

Таблица 1-11.

Доля государственного сектора в экономике социалистических стран, 1967 г., в %

Страны	Сельскохозяйственные угодья	Промышленная продукция	Розничная торговля	Национальный доход
Болгария	99	99	100	95
Венгрия	94	99	99	96
Польша	15	100	99	76
ГДР	95	88	79	94
Румыния	91	100	100	95
Чехословакия	90	100	100	95
СССР	98	100	100	96
Югославия	16	98	-	77
В среднем	**92**	**99**	**98**	**95**

Источник: Шаванс Б. Экономические реформы в Восточной Европе. 50-90-е годы. М.: «Текст – Мастер», 1994. С. 32.

В то же время советская бюрократия обладала и рядом специфических черт. Для нее характерно сращивание законодательной и исполнительной, военной и гражданской, административной и судебной власти, слияние партийного и государственного аппарата. Административно-командная система это своеобразная, идеологизированная форма бюрократизма. Важную роль в увеличении прав и полномочий советской бюрократии сыграл тезис о чрезвычайной ситуации и учение об обострении классовой борьбы.

Из истории институциональных идей

ТРИАДА КАРЛА-АВГУСТА ВИТТФОГЕЛЯ:
ТОТАЛЬНЫЙ ТЕРРОР – ТОТАЛЬНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ – ТОТАЛЬНОЕ ОДИНОЧЕСТВО

Карл-Август Виттфогель
1896-1988

[135] См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.35. С. 56-57, 204, 276; Т. 37. С. 405, 58
[136] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 271.

Карл-Август Виттфогель (1896-1988) прожил долгую жизнь, в ходе которой его взгляды претерпели заметную эволюцию. В 1920-1930-е гг. он разделял идеи марксизма и печатался в марксистских журналах. В 1931 г. – в Москве выходит даже его, посвящённая анализу производительных сил Китая: "Общество и государство в Китае. т 1. Производственные силы". Однако после переезда из фашистской Германии в США он в конце 1930-х начале 1940-х годов переходит на платформу институционализма. В 1957 году в Вашингтоне выходит его самая известная работа "Восточный деспотизм. Сравнительное изучение тотальной власти"[137].

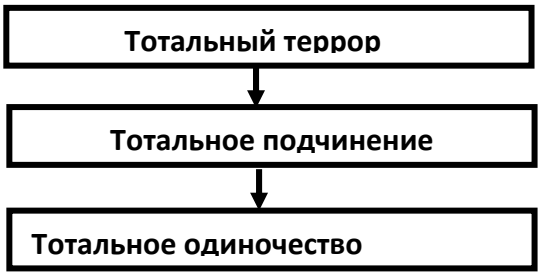


Рис. 1-12. Три характерные черты восточного диспотизма (по К.-А. Виттфогелю)

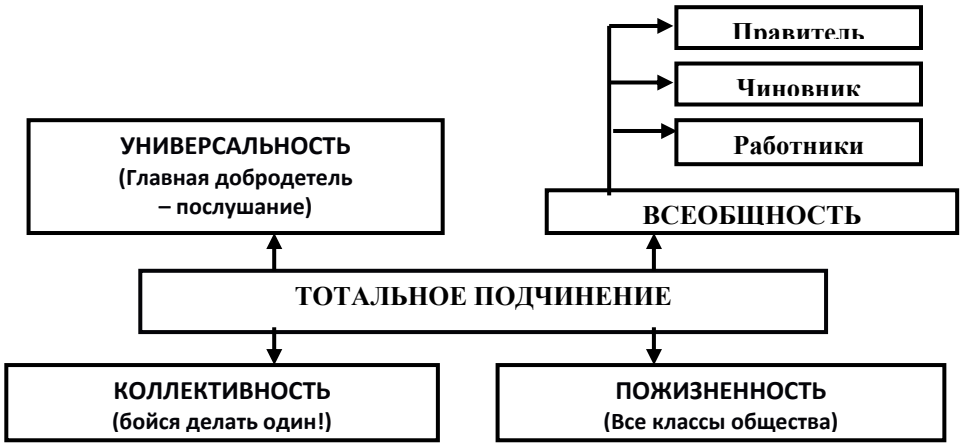


Рис. 1-13. Характерные черты тотального подчинения (по К.-А. Виттфогелю)

Характеризуя тотальное подчинение К.-А. Виттфогель говорит о всеобщей зависимости. Она распространяется на всех: и на правителей, и на чиновников, и на работников, и сопровождает человека всю его жизнь. Главной добродетелью становится послушание. В таком обществе возникает ситуация, когда каждый человек руководствуется принципом «Бойся делать один» (см. рис. 1-13)[138].

Рис. 1-14. Формы тотального подчинения (по К.-А. Виттфогелю)

[137] Wittfogel K.A. Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven – London, 1957.P. 137.
[138] Подробнее см.: Wittfogel K.A. Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven – London, 1957. Ch. 5.

В СССР складывается ситуация, когда «государство оказывается сильнее, чем общество»[139]. И для граждан остаётся только одно – тотальное одиночество (см. рис. 1-14). Личность раздваивается. Адаптируясь к жизни человек вынужден не высовываться, постоянно ориентируясь на коллектив, вплоть до заучивания текстов из «Краткого курса ВКП(б)», как позднее в Китае люди заучивали фразы из цитатника Мао Цзе Дуна. Подлинная жизнь начинается в узком семейном кругу, отчуждённом от официальной среды. Только там люди могут честно и правдиво обсуждать животрепещущие проблемы. Такая раздвоенность человеческой личности становится оборотной стороной тотального подчинения, основы которого были заложены в 30-е годы.

Рис. 1-15. Структура власти-собственности в СССР 1950-1980-х гг.

В рамках бюрократической структуры можно выделить высшее, среднее и низшее звенья. С известной долей условности к высшему звену следует отнести бюрократический аппарат центральных органов, к среднему - чиновников областных органов, и к низшему – работников управления заводов, фабрик, организаций и учреждений. Можно говорить о воспроизводстве на новом этапе пирамидально сегментарной структуры (рис. 1-15). Однако на верхнем уровне находится уже не царь, а ЦК КПСС (Политбюро), на среднем обкомы и горкомы КПСС, а на низшем директора заводов, фабрик, организаций и учреждений[140].

Хотя в этой структуре каждая нижестоящая пирамидка пыталась копировать вышестоящую, однако осуществить это в полной мере было уже нельзя. Дело в том, что появляются элементы, находящиеся в прямом подчинении от центральной власти (например, предприятия союзного и республиканского подчинения). Однако, постепенно значение этого фактора снижается. Это происходит потому, что структура не была неизменной на протяжении всего существования командной экономики. С течением времени происходило перераспределение власти между ее составными элементами сверху вниз. Несомненно, что в условиях культа личности вся полнота власти принадлежала высшему звену. Во времена Хрущева и Брежнева происходит значительное усиление бюрократии среднего звена, а в эпоху Горбачева – низшего (табл. 1-12). Усиление среднего звена связано с хру-

[139] См.: Wittfogel K.A. Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven – London, 1957. Ch.3.
[140] Winecki J. Why economic reforms fail in the Soviet system: a property rights approachю / in Alston, L., Eggertsson T., North, D. (eds.) Empirical Studies in Institutional Change. Cambridge., 1996. P. 68-69.

щевской оттепелью и хозяйственной реформой 1957 года, когда ведущую роль стали играть не отраслевые министерства а совнархозы. И хотя косыгинская реформа 1965-го г. попыталась вновь перейти к отраслевому принципу управления, происходит понижение его статуса, основным экономическим агентом становится уже не государство в целом, а отраслевые министерства. Дальнейший сдвиг в сторону среднего и низшего звена произошел в 70-80-е годы и завершился приватизацией 1991 года.

Таблица 1-12

Эволюция хозяйственного механизма СССР и России (по Г.Б. Клейнеру)

Периоды	Ключевые события	Основные экономические агенты
Начало 1940-х – конец 1950-х гг.: "экономика государства"	Реформа управления 1940 – 1941 гг.	Государство (наркоматы)
Конец 1950-х – середина 1960-х гг.: "экономика регионов"	Хозяйственная реформа 1957 г.	Экономические районы, совнархозы.
Середина 1960-х – середина 1970-х гг.: "экономика отраслей"	Экономическая реформа 1965 г.	Отраслевые министерства
Середина 1970-х – середина 1980-х гг.: "экономика подотраслей"	Реформа управления промышленностью 1973 г. Генеральные схемы управления промышленностью	Главные управления министерств, всесоюзные промышленные объединения
Середина 1980-х гг. – 1992 г.: "экономика крупных предприятий"	Перестройка 1985 г.	Крупные предприятия, объединения
1992 – 1993 гг.: "экономика малых предприятий"	Приватизация 1991 г.	Предприятия; малые предприятия, выделившиеся из крупных
1993 – 1995 гг.: "экономика физических лиц"	Чековая, послечековая приватизация	Руководители предприятий, их подразделений, физические лица

Составлено по: *Клейнер Г.Б., Тамбовцев В.Л., Качалов Р.М.* 1997. Предприятие в нестабильной экономической среде: риски, стратегии, безопасность. М.: Экономика. С.48.

Стремление нижестоящих чиновников выслужиться перед вышестоящими породило такое характерное для административно-командной системы явление как "перегибы". В отличие от экономических методов управления, которые в значительной мере действуют автоматически и воспроизводятся на собственной основе, внеэкономические методы управления необходимо воспроизводить искусственным путем. При этом всегда легче "перегнуть" палку, чем "недогнуть", ибо есть реальная опасность поплатиться за "гнилой либерализм". В условиях сегментарной системы управления существует объективная тенденция к росту перегибов на каждом более низком уровне пирамиды власти. Нарастание перегибов доводит до абсурда любые предложенные "наверху" мэры, превращая их в очередную кампанию (внедрение кукурузы, борьба против пьянства и т.п.).

Однако это не означает, что командная экономика охватывала все общество. На протяжении всей истории Советского Союза сохранялся известный дуализм плановой и рыночной экономики, с одной стороны, и легально и нелегальной экономики, с другой (Латов, 2001) (табл. 1-13). То, о чем мы писали выше, характеризует лишь, так называемое плановое хозяйство, наряду с которым всегда сохранялся колхозный рынок. Эти два элемента характеризуют дуализм легальной экономики. Однако наряду с ним существовала еще и нелегальная экономика, которая, в свою очередь, тоже была дуалистична. Она включала, с одной стороны, клановый социализм, а с другой, – неформальный сектор. Понятием «клановый социализм» мы обозначаем бюрократический рынок административно-хозяйственных согласований и рынок должностей и привилегий, который сложился в ус-

ловиях разлагающегося социализма[141]. Неформальный же сектор включал в себя нелегальные рыночные отношения – шабашничество, репетиторство и т.д.[142].

Укрепление государственно-бюрократической формы собственности происходит за счет коллективной, кооперативной и индивидуальной форм собственности. Не только в теории, но и на практике субъектом собственности считалось только государство. Между тем именно через предприятия и трудовые коллективы осуществлялось реальное соединение рабочей силы со средствами производства. В условиях общественного разделения труда предприятия не могли не иметь особые экономические интересы. Эти интересы отнюдь не исчезали от того, что бюрократические органы перестали с ними считаться.

Таблица 1-13

Двойной дуализм советской экономики

	Командная экономика (редистрибутивный продуктообмен)	**Рыночная экономика (рыночный товарообмен)**
Легальная экономика	1) Плановое хозяйство	2) Колхозные рынки и др.
Нелегальная экономика	4) “Клановый социализм”	3) Неформальный сектор

Источник: Экономические субъекты в постсоветской России (институциональный анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева . М.: МОНФ, 2001. С. 309.

Не только государственные предприятия, но даже и колхозы были лишены реальных прав владения, пользования и распоряжения принадлежащими им ресурсами. Первоначально для колхозов устанавливалась система обязательных заготовок только по зерну, однако в дальнейшем система обязательных закупок охватила все основные виды продовольственных и технических культур, а также продукцию животноводства. Государство, определяя структура закупок, навязывало тем самым определенную структуру производства. Монопольно устанавливаемые цены предопределяли эффективность (или неэффективность) производства отдельных видов продукции. Тем самым колхозы не могли рационально распоряжаться своими средствами производства и даже своими (хранящимися в Госбанке) деньгами.

Тормозящую роль оказывает и мелочная регламентация производства. Следствием чрезмерного огосударствления становится фактическая утрата колхозно-кооперативной формы собственности своего кооперативного содержания. "чрезмерная опека со стороны государства парализовала развитие нашего сельского хозяйства, способствовала возникновению такого странного и трудно объяснимого с позиций "концепции развитого социализма" явление, как продовольственная проблема. Советский Союз в середине 80-х годов по урожайности зерновых занимал 90-е место, а по урожайности картофеля-71-е место, отставая не только от среднемирового уровня, но также от среднего уровня всех развивающихся стран! К сожалению, это отставание не сокращалось, а увеличивалось вплоть до середины 80-х годов. За 1974-1985 гг. сельскохозяйственное производство увеличилось в СССР лишь на 11,6%, тогда как среднемировое производство выросло на 30,6%.[143]

Дискриминации подвергалась индивидуальная трудовая деятельность и соответствующая ей индивидуальная трудовая собственность. Целесообразность ее сохранения в мелкой розничной торговле и сфере услуг доказывается современным опытом развитых и развивающихся стран. Действительно, индивидуальная трудовая деятельность эффективна везде, где производство еще не достигло высокого научно-технического уровня и

[141] Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма / Погружение в трясину. М., 1991.
[142] Латов Ю.В. Экономика вне закона. М., 2001.
[143] См.: Илларионов А.Н. Где мы находимся? – ЭКО, 1988, № 12. С. 51.

крупных масштабов. Не секрет, что семейное производство было вытеснено в 30-е годы не экономическими, а административными методами, что существенно ограничило удовлетворение общественных потребностей. Огосударствление происходило тогда не только в сфере производства, но и в сферах распределения, обмена и потребления. Государство определяло стандарты бытия человека во всех сферах в соответствии с местом, которое он занимал в партийно-государственной иерархии.

Особенно наглядно это проявлялось в сфере распределения. Первоначально здесь господствовали уравнительные тенденции. Их развитию способствовала существовавшая в первой половине 30-х годов и в годы Великой Отечественной войны карточная система, а также широко распространенный в 50-60-е годы принцип примерно равной оплаты за разный труд, что способствовало падению стимулирующей роли заработной платы. В годы застоя к этому добавилась практика выплаты незаработанных премий, рост различных привилегий в зависимости от места в партийно-государственной иерархии, с одной стороны, и рост нетрудовых доходов- с другой. Эти процессы также способствовали углублению разрыва между трудовым вкладом и его оплатой.

В условиях административно-командной системы господствует редистрибутивный принцип распределения продукции. Причастность к власти означает и причастность к распределению. Вертикальная, зависящая от центра, форма распределения продукта воплощается в номенклатурных уровнях распределения. Поэтому главной формой социальной борьбы становится не борьба вокруг собственности на средства производства, а борьба за доступ к ключевым рычагам распределения, за контроль над каналами распределения. Доход в обществе все больше зависит от статуса, чина и должности. Социальное деление общества выражается в его разделении на рядовых производителей и управляющих. Возникает целая система спецраспределителей дефицитной продукции для людей, причастных к власти. Торговля соединяется с распределением, становится не формой обмена, а формой редистрибуции. Возникают спецмагазины, спецбуфеты, спецстоловые и т.д.

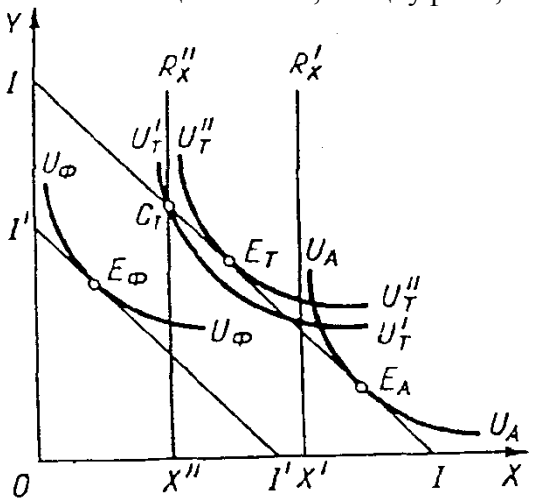


Рис. 1-16. Оптимум трёх потребителей при рационировании товара X.

Источник: *В.М. Гальперин, С.М. Игнатьев, В.И. Моргунов Микроэкономика, СПб.: «Экономическая школа», 1994, С. 229*

Наличие доступа к дефицитным товарам у отдельных социальных групп и их отсутствие у других становится важным фактором, усиливающим социально-экономическое неравенство. Если рядовые производители "отоваривают" свои деньги в системе госторговли и на колхозном рынке, то представители управленческого аппарата имеют возможность получить продукцию и через спецраспределители, в которых имеется широкий круг товаров, продаваемых по государственным (как правило, монопольно низким) ценам. Единая покупательная сила денег деформируется: она становится разной у разных соци-

альных слоев и групп. В этих условиях прокламируется всеобщее равенство все более и более превращается в фикцию.

В условиях товарного дефицита неизбежно возникает рационирование дефицитных товаров, что объективно ограничивает свободу выбора потребителей. Проиллюстрируем эту проблему на наглядном примере. Допустим, что в нашем обществе живут три потребителя: Александр, Трифон и Федор. Их предпочтения (выраженные кривыми безразличия) и бюджетные ограничения показаны на рис. 1-16. Предположим, что государство начинает рационировать товар X (например, мясные продукты). Рационирование означает принудительное ограничение потребления какого-то блага (в данном случае X) и может быть отражено на графике прямой $\mathbf{R'_X}$. Оно, как правило, не затронет низкооплачиваевых работников (в нашем примере – Федора) и веготорианцев (в нашем примере – Трифона), но оно коснётся мясоедов (в нашем примере Александра). Им придётся сократить потребление привычного продукта, то есть переместиться на более низкую кривую безразличия. В случае более строгого рационирования $\mathbf{R''_X}$, пострадает уже не только Александр, но и Трифон, которому также придётся изменить структуру своих расходов. На графике это может быть показано перемещением из точки $E_т$ в точку $C_т$, лежащию на более низкой кривой безразличия.

Ситуация ухудшится, если расширится число подлежащих рационированию товаров. Допустим, что объектом рационирования стали уже два товара X и Y. При бюджетном ограничении $P_x * X + P_Y * Y \leq I$, R'_X, R'_Y - будут характеризовать варианты предельных норм продажи. Тогда наше потребление этих благ не может выходить за их пределы:

$0 \leq X \leq R_X$

$0 \leq Y \leq R_Y$

Это можно проиллюстрировать простым графиком (см.: рис. 1-17). Введённые ограничения не коснутся низкооплачиваемого Андрея (E_A) и затронут более состоятельного Тимофея, которому придётся переместиться из прежней точки равновесия E_T в новую, находящуюся на более низком потребительском уровне точку C_T.

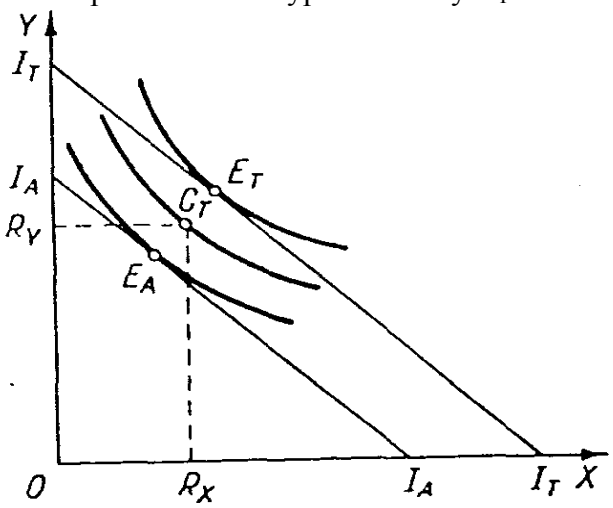


Рис. 1-17. Оптимум трёх потребителей при рационировании товара X и Y.

Источник: *В.М. Гальперин, С.М. Игнатьев, В.И. Моргунов Микроэкономика, СПб.: «Экономическая школа», 1994, С. 229*

Углублению неравенства способствовала и сложившаяся в советский период система распределения общественных фондов потребления, также ставшая основой для различных привилегий (в первую очередь работников государственного аппарата). Дифференциация доходов независимо от реального трудового вклада стала особенно заметной на фоне инфляционных процессов, окончательно деформировав принцип "от каждого - по способностям, каждому - по труду". Кстати, сам факт нарастающей инфляции явился своеобразным проявлением внутренних противоречий хозяйствования в условиях адми-

нистративно-командной системы. Инфляция (незамечаемая советской статистикой) наглядно показывала разрыв между словом и делом, между официальными показателями роста уровня жизни и ее реальным уровнем, уровнем дефицитной экономики.

Нарастающее неравенство усиливает кастовые признаки бюрократии. Начинают развиваться такие черты, как эндогамность (стремление вступать в браки лишь с людьми "своего круга"), престижное потребление (оно пронизывает весь образ жизни и находит свое выражение в специфическом знаковом характере одежды, предметов быта и т.д.), чувство избранности, сословная психология и т.п. Характерно, что в качестве ответной реакции у рядовых производителей возникает понимание равенства и социальной справедливости как уравниловки в потреблении, что нашло наглядное отражение в кампании по борьбе с привилегиями.

Роль бюрократии в условиях административно-командной системы особенно велика, потому что ей противостоит рыхлая социальная структура. "Бессубъектное общество" однако неоднородно. Оно состоит из множества социальных групп, различающихся по социальному статусу: уровню дохода, потребления, степени защищенности прав и т.д. Наличие мелкогрупповых интересов, множественность статусов, региональный и ведомственный сепаратизм рабочих способствует росту группового и профессионального эгоизма и кретинизма. В условиях общей материальной скудости общества большую роль играют различия в потреблении. Умело используя различные мелкие привилегии (премии, право на заказ, выдача бесплатной путевки, льготная очередь на покупку автомобиля, получение квартиры и т.д.), бюрократия препятствует единству рабочего класса, осознанию им своих классовых интересов в условиях административно-командной системы. Проблема перехода трудящихся из одной структуры в другую также зависит от представителей местной администрации, что объективно укрепляет ее роль в обществе.

Оборотной стороной бюрократической системы является наличие широких маргинальных слоев. Их развитию способствовали массовая миграция из деревни в город, люмпенизация интеллигенции и наличие многообразных слоев неполноправной рабочей силы (зеки, стройбат, дисбат, обитатели лечебно-трудовых профилакториев психоневрологических диспансеров). Неудивительно, что в конце 1980-х годов министерство внутренних дел по объему выпускаемой продукции стояла на 6-м месте среди производственных министерств[144]. Образ "социалистического лагеря" возник отнюдь не на пустом месте. И действительно, лагерная субкультура до сих пор сохраняется в нашем обществе.

Подточенная внутренними противоречиями государственно-бюрократическая система продолжала существовать в хиреющем виде. Ее отставание было заметно прежде всего не изнутри, а снаружи, по отношению к другим странам. В последние десятилетия СССР стали быстро догонять Япония и Китай.

Внутри страны было особенно заметно отставание от передовых достижений научно-технического прогресса в производстве как средств производства, так и предметов потребления. Тем не менее в таком виде система могла существовать еще достаточно долго.

Решительный удар, как и следовало ожидать, был нанесен "сверху", со стороны пришедшего власти нового руководства. Попытка эволюционно перестроить административно-командную систему была обречена на провал, так как не затрагивала основ хозяйственной системы. Первые практические шаги, направленные на создание рыночной экономики, фактически ликвидировали тот ограниченный народнохозяйственный рынок, который существовал в стране. На смену всесоюзному рынку пришел республиканский и региональный. Однако и он просуществовал недолго. Его все более активно вытесняет местный, городской рынок. Партикуляризация рынка стала следствием усиления дезинтеграционных процессов в экономике и политике.

Расширение прав предприятий предопределило разгул монополизма и, как следствие, углубление дефицита.

---

[144] Подробнее см.: Стариков Е. Новые элементы социальной структуры // Коммунист. 1990 №5.

В условиях обострения дефицита и инфляции пышным цветом расцвела теневая экономика. Усиление теневых структур вызывает резко отрицательную реакцию масс по отношению к рыночной экономике, усиливает социальную напряженность в стране. Правительство оказалось неспособным принимать быстрые и эффективные решения. "Перетряхивание" и сокращение бюрократического аппарата министерств и ведомств не прошли бесследно. Старая бюрократическая машина оказалась в значительной мере разрушенной, а новая еще не создана. Результатом стал рост неуправляемости системы.

Неудивительно, что по мере ослабления центральной власти в эпоху Горбачева у бюрократии возникает закономерное стремление *прибавить к власти собственность*, или «растащить госсобственность по карманам и вместе с тем сохранить элементы этой системы, дающие гарантии иерархической власти над собственностью»[145].

Этот вариант устраивал бывшую советскую и партийно-хозяйственную номенклатуру. Ради обретения собственности она готова была сознательно пойти на смену системы, поступится частью своей административной власти. Однако в полном объеме произошло это уже в постсоветской России.

Таким образом, "бронепоезд" альтернативной модернизации хотя и помог России временно решать некоторые проблемы обновления ее социально-экономической системы, но у этого состава оказались довольно ограниченные запасы "горючего". Благодаря использованию такой стратегии развития нашей стране удалось миновать "станцию" промышленной революции, но "доехать" до научно-технической революции было нельзя. В начале 1990-х гг. "наш бронепоезд", управляемый малоискусным "машинистом", вообще "рухнул под откос". Тем, кто выбрался из-под его обломков, пришлось "прыгать на подножку" третьего эшелона развития капитализма.

1.3.5 Соседи по третьему эшелону.

После того, как "наш бронепоезд" потерпел крушение, Россия на исходе XX в. оказалась в третьем эшелоне развития капитализма, рядом со странами "третьего мира".

Третий эшелон оказался гораздо более многолюдным, чем второй эшелон, из которого Россия вышла в начале XX в. Более половины населения Земли приходится сейчас на Азию, а если добавить еще Африку, Латинскую Америку и Океанию, то доля стран "третьего мира" составит почти 80 %. Прогнозы показывают, что удельный вес этих регионов в населении будет возрастать, поскольку на них приходится 90 % прироста населения планеты. Однако их вклад в мировое экономическое развитие значительно скромнее, поскольку существует огромный разрыв между индустриально развитыми странами и странами так называемого "третьего мира".

Найти общие характеристики, подходящие для всех без исключения стран "третьего мира" довольно сложно. Большинство из них в прошлом были колониями, полуколониями или зависимыми территориями. Достижение политической независимости не означало для них независимости экономической. Экономическая отсталость, подчиненное положение в международном разделении труда, многоукладность социально-экономической структуры до сих пор типичны для многих из них. Обобщающим количественным показателем разрыва уровней развития является национальный доход на душу населения. В 1992 г. для стран "третьего мира" он был в 4,5 раза ниже, чем у развитых стран.

Современный "третий мир" развивается под влиянием двух прямо противоположных тенденций. С одной стороны, есть факторы, способствующие синхронизации развития государств: помощь со стороны развитых стран (продовольственная, медицинская, финансовая), создание региональных политических и экономических блоков (типа ОПЕК или АСЕАН). С другой стороны, есть мощная тенденция к асинхронизации развития, ко-

---

[145] Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. М. 1997. С. 142-144; Pejovich S. Economic Analysis of Institutions and Systems, Kluwer Academic Publishers, 1998. P. 143-145.

торая, безусловно, преобладает, обусловливая глубокие и все увеличивающиеся различия "третьего мира".

Вовлечение этих стран в мировое хозяйство в XVI – XIX вв. первоначально сопровождалось "потерей старого мира без приобретения нового" когда "созидательная работа" была "едва видна за грудой развалин"[146]. Впрочем, полного разрушения традиционных форм зависимости так и не произошло. Втягивание в мировое хозяйство происходило на основе развития торгового земледелия и монокультурной специализации отдельных районов и даже целых стран.

Крах колониальной системы отнюдь не устранил стремления местной администрации к тотальному регулированию экономики. В результате для хозяйственной жизни "третьего мира" характерно существование многочисленных запретов и ограничений, которые часто стимулируют не столько их выполнение, сколько повсеместное и широкомасштабное развитие неформального сектора. Неформальная экономическая деятельность пронизывает все поры развивающегося общества. Нет такой сферы, где бы она отсутствовала совсем. Ее масштабы варьируются от мелких незарегистрированных лавочек, торгующих обычными товарами повседневного быта, до транснациональных наркокартелей (типа Медельинского картеля в Колумбии), которые могут вести настоящие войны с правительствами и международными организациями. Мафия становится "государством в государстве", а правительственная бюрократия получает значительную часть доходов мафиозными методами.

Гипертрофия государственного регулирования имеет разнообразные причины. Они связаны и с традициями восточного деспотизма, и с наследием колониальной администрации, которая имела на периферии мирового хозяйства большие функции, чем в его центре. Не последнюю роль играют и амбиции современных национальных лидеров, стремящихся за счет "большого скачка" преодолеть многовековую отсталость. Демографический взрыв сильно ослабляет среднедушевой рост производства. В результате темпы его прироста постоянно заметно отстают от темпов прироста в развитых странах, что увеличивает разрыв между центром и периферией мирового хозяйства .

Изменяется характер зависимости периферии от центра. Если первоначально развивающиеся страны выполняли роль аграрно-сырьевых придатков, то после проведения первичной индустриализации они стали специализироваться на простых, ресурсоемких и "грязных" технологиях. НТР усиливает дифференциацию стран. Одним удается освоить высокие технологии и сократить разрыв, другим нет. Все это способствует увеличению разрыва внутри "третьего мира", утрате его былого единства. Страны "третьего мира" на наших глазах "разбегаются в разные стороны".

[146] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.9, С.132,125.